

УДК 133.5:54

ББК 86.42

К 48

Алистер Кроули

Мистицизм и магия / Пер. с англ. Анны Блейз. — М.: Издательство «Ганга», 2011. — 256 с. (Серия: Магические гримуары).

ISBN 978-5-98882-163-2

«Мистицизм и магия» представляет собой полный текст первых двух частей «Книги Четыре» — фундаментального учебника по современной магии Нового Эона, написанного Алистером Кроули. Эта книга содержит ценнейшие указания по йоге и медитации, которые изложены простым и ясным языком, что значительно облегчает освоение этих мистических практик. Открывая свою работу тезисом о мистическом откровении как едином источнике всех мировых религий, Кроули переходит к подробному рассмотрению мистицизма и магии в свете современной научной мысли.

Также в это издание включена мистическая поэма Алистера Кроули «Ага!». Она представляет диалог между учителем Марсием (Кроули) и учеником Олимпом (соискателем) и рассказывает о множестве мистических состояний, которые маг переживает на своем пути. Особое внимание Кроули уделяет таким темам, как достижение равновесия, преодоление завесы материи, Познание и Собеседование со Священным Ангелом-Хранителем, Видение Вселенского Павлина, испытание Бездны, тщетность речи, разрушение эго и трансцендентное блаженство.

© Ordo Templi Orientis

© Анна Блейз, перевод, 2011

© Надежда Саламахина, оформление, 2011

© Творческая группа «Телема», 2011

© Издательство «Ганга», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Sr I. C., Fr Marsyas</i>	5
--	---

КНИГА 4

Примечание	29
Часть I. Мистицизм	31
Предварительные замечания	33
Глава I. Асана.	46
Глава II. Пранаяма и ее речевое соответствие — мантраяма	50
Глава III. Яма и нияма	56
Глава IV. Пратьяхара.	58
Глава V. Дхарана	62
Глава VI. Дхьяна	66
Глава VII. Самадхи	77
Итоги	85
Часть II. Магия. Начала теории. Церемониальная магия	
Подготовка к медитации	89
Предварительные замечания	90
Глава I. Храм	92
Глава II. Круг	93
Глава III. Алтарь	99
Глава IV. Плеть, Кинжал и Цепь.	103
Глава V. Священное Масло	106
Глава VI. Жезл	108
Глава VII. Чаша	126
Интермедия	136
Глава VIII. Меч	149
Глава IX. Пантакль	163
Глава X. Светильник	174
Глава XI. Венец	176
Глава XII. Мантия	178
Глава XIII. Книга	180
Глава XIV. Колокол	181
Глава XV. Ламен	182
Глава XVI. Магический Огонь: некоторые соображения по поводу Кадильницы, Угля и Благовония	185

АГА! Liber CCXLII

Введение	192
Ага!	194
Комментарии (отрывок). <i>Брат Ахад</i>	235
Комментарии. <i>Израэль Регарди</i>	242

ПРЕДИСЛОВИЕ

Sr I. C.¹, Fr MARSYAS

Твори свою Волю: таков да будет весь Закон

В этом издании мы представляем читателю первые две части знаменитой книги со сложным названием «МАГИЯ: Книга Четыре. Liber ABA» («MAGICK: Book four. Liber ABA»). Эта работа принадлежит перу не менее знаменитого автора — мистика и мага Алистера Кроули (1875—1947).

Сам Кроули определил ее как «трактат по магии и мистицизму для начинающих». Действительно, в первых двух частях весьма простым языком говорится о том, как и с чего надо начинать магическую работу. В первой части («Мистицизм») — о том, как сконцентрировать энергию и подготовить сознание для магических операций. Во второй части («Магия: начала теории») — как создать для таких операций необходимые условия, то есть, как оборудовать свой собственный Храм и подготовить инструменты.

Сама «Магия: Книга Четыре. Liber ABA» состоит, как и следовало ожидать, из четырех частей. По существу, они представляют четыре стихии: Огонь, Воду, Воздух и Землю. В большинстве алфавитов, использующих числовые эквиваленты букв, будь то латынь, иврит или русский, ABA также дает в сумме число четыре: $A(1) + B(2) + A(1) = 4$.

Учение о четырех элементах (твердом, жидком, воздушном и тончайшем огненном), или стихиях, своего рода «корнях всех вещей», восходит к очень древней традиции в истории античной мысли. Уже в X—VI вв. до н.э. его исповедовали орфики. А самым известным философом, с которым связывают эту идею, был Эмпедокл (V в. до н.э.) Он учил, что четыре стихии заполняют все пространство и находятся в постоянном движении, смешиваясь и разъединяясь. Все сущее вечно и как бы состоит из этих стихий: «так стена сложена из кирпичей и камней».

1 Sr. I. C. — глава Российского отделения Ordo Templi Orientis.

Великая Работа Мага, полагал Кроули, также должна привести к созданию некоей целостности, четыре элемента которой он вручает читателю и предлагает соединить самостоятельно — своим трудом и своей жизнью.

С точки зрения Магии, четыре стихии являют собой четыре силы Сфинкса, или четыре магических добродетели: Волю, Знание, Храбрость, и Молчание.

Согласно каббалистической традиции, Четверка здесь — так называемый Тетраграмматон, Йод Хе Вав Хе (יהוה [IHVN]) В традиционном иудаизме это — «легальная» запись тайного и невыразимого имени Бога. По мнению же современных магов, работающих с оккультной каббалой, Тетраграмматон представляет собой универсальную модель творения Вселенной — и превосходит любые верования. В этой формуле Огонь (Йод) соединяется с Водой (Хе), и вместе они порождают Сына (Вав, Воздух), а затем и Дочь (Хе конечную, Землю). В конечном счете, полагают мистики, Дочь соединяется с Отцом («Плоть» Земли — с «Духом» Огня), что возобновляет весь цикл и обеспечивает регенерацию Вселенной, или Макрокосма. Кстати, Эмпедокл также считал огонь наиболее важным элементом, полагая, что «все возникло из огня и в огонь разрешится».

Этот процесс еще называют «формулой Феникса» — бессмертной птицы, которая, согласно легендам, состарившись, сжигает себя и возрождается из собственного пепла. Маги полагают, что такой же процесс перманентного возрождения можно наладить во внутренней, или «микрокосмической», вселенной Мага, иными словами — в его жизни. В этом состоит суть их духовной работы. Именно здесь, считают они, кроется ключ к Бессмертию. Как работает данная формула на практике — вот что стремится объяснить Алистер Кроули в «Книге Четырех».

Итак, первый том называется «Мистицизм». Важно, что в нем соединены не только идеи мистицизма и магии, но также восточный и западный пути духовного достижения. Этот том рассказывает о практике йоги как универсальном методе обретения энергии и упорядочения сознания для последующей магической работы.

Как пишет в предисловии к английскому изданию «Магии» глава современного Ордена Восточных Тамплиеров (Ordo Templi Orientis) Гименей Бета,

...западная магическая традиция и восточная традиция йоги действительно имеют довольно много точек пересечения. В некоторых разновидностях йоги медитация дополняется ритуальной практикой и обрядами жертвоприношения <...>. На Западе же на основе экстатических шаманских практик (или, как предпочитал называть эту технику Кроули, «экстатического воодушевления») развилась теургия в том виде, в каком она описана у античных авторов, — с ритуалами и инвокациями, призванными возвысить сознание адепта. Цель ее состояла в том, чтобы войти в контакт с Божественными сущностями и заручиться их помощью на пути совершенствования души. Но на дальнем конце спектра подобных практик стоит самопожертвование, «жертвоприношение разума и души», приближающееся по сути своей к медитации.

По представлениям древних, наивысшая форма теургии ведет к экстатическому отождествлению мага с призванной силой, что влечет за собой транс, в котором маг подчас получает откровения и изрекает пророчества. Кроули пишет, что «...те состояния сознания, которые достигаются в результате йогических практик, не случайно именуются трансами¹: они действительно трансцендентны; они действительно выходят за пределы обычного мышления»².

Если обратиться к другой работе Кроули — «Восемь лекций по йоге», — то станет еще яснее, почему Мастер уделял столь значительное внимание восточным практикам. В «Восьми лекциях» он пишет: «Йога — это основной из всех возможных способов объекта и субъекта сознания: слияние *видящего предмета* с *самим предметом*».

По факту, лишь энергетически соединившись с объектом магического усилия — будь то нечто внутри нас или снаружи, — мы можем направить его изменения и вызвать то, что внешние наблюдатели назовут чудом или магическим воздействием. И самое сложное в этом процессе — научиться изменять самого себя.

1 От лат. «trans» — «сквозь, через».

2 Халдейские оракулы // Алистер Кроули. *Восемь лекций по йоге*. М.: Гипна, Телема, 2009, стр. 107.

Для этого «всего-навсего» надо научиться работать: во-первых — с Волей, во-вторых — с Энергией. Мы должны научиться запускать Двигатель Магии. И йога как наиболее развитая из всех известных систем тренинга — незаменимый помощник в этом деле.

Итак, первая часть «Книги Четыре» соответствует еврейской букве Йод, стихии Огня, Воле как магической добродетели и ее олицетворению в таком орудии мага, как Жезл. И действительно, не что иное, как «огненная Воля» должна лежать в основе решимости Мага приступить к медитации, а затем продолжать ее. Медитацию Кроули называет «путем к достижению гениальности или божественности, понимаемых как следствие развития человеческого мозга». Это ключевая технология, которая задействует все остальные: медитация проводится в определенной позе (асана), при помощи некоей дыхательной техники (пранаяма), зачастую с использованием мантр (мантраяма), при полном сосредоточении мыслей, чувств и эмоций (прагьятхара, дхарана и дхьяна).

Если перевести работу, предписанную «Мистицизмом», на язык каббалистического Древа Жизни, то ее соответствием окажется сефира *Хокма* (Мудрость). По сути, Воля — это архетипическое мужское начало, Йод Тетраграмматона. Его можно представить как поток энергии (либо, еще нагляднее, мужского семени или вулканической лавы), который, следуя по определенным каналам, заполняет все формы. И, в первую очередь, форму всех форм — следующую за ним сефиру Бина.

Именно на этапе *Хокмы*, с помощью методик йоги, мы очищаем и подготавливаем каналы, которые понадобятся нам для дальнейшей работы, а главное — учимся аккумулировать и направлять энергию. Так как наш основной Храм — это наша плоть, то в первую очередь мы учимся работать с каналами нашего «тонкого тела» — *идой*, *пингалой* и *сушумной*. И в один прекрасный момент мы начинаем понимать и чувствовать, как течет по ним энергия нашей внутренней *Хокмы*, внутреннего мужского начала (к какому бы полу ни принадлежал читатель). Энергия эта, более известная под названием «*кундалини*», кроется в основании позвоночника (*муладхара-чакре*). И здесь воистину осуществляется формула Гермеса Трисмегиста — «Что наверху, то и внизу». Ибо эта тайная энергия, образ

которой — пробужденная Змея, — восстав полностью, должна соединиться с энергией высшей чакры Сахасрара, локализуемой в темени человека и выше.

Вторая часть «Книги Четыре», «Магия», посвящена созданию Магом своего собственного Храма и всех атрибутов, которые его наполняют. Речь, конечно же, идет не только о внешнем, но и о внутреннем Храме. Этот том соответствует второй магической добродетели — Знанию.

Как уже отмечалось, данная часть книги соотносится с третьей (условно «женской») сефирой Бина («Понимание») на Древе Жизни. «Мужской» поток Хокмы изливается в нее и порождает модели ясного «понимания» Вселенной. Поэтому Бина символически представлена таким орудием, как Чаша. Направленную и организованную энергию мы воплощаем в формы орудий и атрибутов, которые используем в работе.

Не стоит, впрочем, придавать слишком большое значение мужскому и женскому аспектам этих двух видов работы или же двух сефирот. Согласно учению каббалы, они расположены выше Бездны, то есть превосходят узкое человеческое разумение, одним из признаков которого является полярность мужского и женского. По словам Кроули, «всякая мысль, которая одновременно является и положительной, и отрицательной, и активной, и пассивной, и мужской, и женской, достойна существовать выше Бездны; но всякая мысль, не уравновешенная таким образом, пребывает ниже Бездны и включает в себе безусловную двойственность или ложь, в меру которой клонотична и опасна»¹. И это очень важное предупреждение.

Итак, пишет Мастер, Маг работает в Храме — во Вселенной, тождественной и равной по протяженности ему самому.

На полу этого Храма начертан *Круг*, который характеризует сущность Великого Делания.

Алтарь символизирует прочное основание Работы, незыблемую Волю Мага и закон, которому он подчиняется в своей работе.

Плеть, Кинжал и Цепь, лежащие на Алтаре, олицетворяют три алхимических принципа: Серу, Ртуть и Соль. *Плеть*, представляя Серу, побуждает к действию ленивую натуру. *Кинжал*,

¹ Алистер Кроули. *Магия в теории и на практике*. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 124.

символизирующий Ртуть, укрощает избыточный жар, отворяя кровь, и он же помогает наполнить Священную Чашу. *Цепь*, соответствующая Соли, позволяет связать блуждающие мысли.

Священное Масло на Алтаре — это устремление Мага; оно освящает его труды ради свершения Великого Делания.

Жезл олицетворяет Волю, Мудрость и Слово Мага; при помощи его свершается Великое Делание. Магический Жезл — главное орудие Мага, а *имя* этого жезла — Магическая Клятва.

Магическая Чаша — символическое вместилище всего сущего и образ Понимания; ее предназначение — восприятие всех влияний и их алхимическая трансмутация под действием Божественной Любви.

Магический Меч представляет аналитические способности: обращенный против всякого демона, он разрушает все сложное в нем. Сила меча в том, что движущая сила этого беспощадного анализа — Любовь.

Если Магическая Чаша — это небесная пища Мага, то *Магический Пантакль* — это его пища земная: недаром Пантакль плоский, как плодородные равнины земли.

Сверху Алтарь освещает *Светильник*, который есть свет чистой души: когда взгляд Мага сосредоточен на этом Светильнике, ничего иного не существует.

Чело мага украшено *Венцом* — символом Завершения его Работы.

Тело же облечено *Мантией*, которая скрывает и защищает Мага от стихий; это молчание и тайна, под покровом которых он вершит свой труд; это его погруженность в сокровенную жизнь Магии и Медитации. В другом своем значении Мантия — это «аура» Мага, окружающая его незримым яйцом или оболочкой.

Еще одно важное Орудие — *Книга Заклинаний*. Это Летопись, в которую заносятся каждая мысль, каждое слово и каждое деяние Мага.

Грудь Мага украшает *Ламен*, который символизирует Тиферет (ибо носится на сердце) и олицетворяет гармонию всех прочих символов в едином. Тема композиции, изображенной на нем, — Великое Делание.

На Алтаре также лежит *Колокол*, который служит для призывания и пробуждения.

И еще один важнейший атрибут — *Кадильница*, или Магический Огонь, в который ввергается все сущее. Он символизирует полное уничтожение самого Мага и всей Вселенной в опыте блаженного слияния с Божественным.

Вдумавшись в эти определения, читатель может заподозрить, что Храм с его атрибутами Кроули представляет лишь как развернутую аллгорию внутренней работы Мага. Это и так, и не так. Магия Телемы работает с символами высшей пробы, которые описывают различные стадии и аспекты Великой Работы и, чаще всего, имеют отражение не только на внутреннем, но и на внешнем, материальном плане — выражаясь языком каббалы, на плане мира Асия. Поэтому материальному обретению или изготовлению атрибутов надлежит уделить самое серьезное внимание, что не устает подчеркивать Мастер.

Возвращаясь к числовому значению «Книги Четыре», стоит отметить, что «стихийное» толкование — лишь один из его аспектов. Объясняя это загадочное название, Кроули писал: «Идеей числа 4 я обязан римскому собору святого Петра: видя его архитектора был прочно прикован к этому числу. ... Кроме того, в политическом плане число 4 обозначает Мирскую Власть». Здесь мы можем вспомнить, что Четверка — число сефиры Хесед и Юпитера, Божества удачи и благоволения. «Книга Четыре» была призвана не только вернуть магии былой авторитет, но и заложить фундамент новой религиозно-магической системы, перебросить мост через пропасть, разделяющую научный скептицизм и духовное откровение. Эта книга должна была обеспечить теоретическую основу для объективного доказательства того, что Кроули называл «основным постулатом религии»: возможности общения со сверхчеловеческим разумом. Поэтому базисом ее стала «Книга Закона» — основной духовный документ Телемы, переданный человечеству через Кроули посланником Айвасом и возвестивший начало Нового Эона.

Более подробную интерпретацию «Книги Четыре» и ее название Кроули дает в своем комментарии к речи, произнесенной перед членами Ордена А.А.А. на весеннее равноденствие 1923 года:

444 — сила Юпитера в полном своем развитии. Это число вместе с буквами **ЛМТ** Абульдиз¹ дал в качестве расширения еврейских букв **כבא** (АВА), составивших тайное название «Книги Четыре». Таким образом, оно означает активную энергию Ра-Хор-Хута² в наиболее юпитерианской, или повелительной, ее форме.

Как мы уже писали, «Книга Четыре» представляет соединение мужской и женской работы. Автором ее является Алистер Кроули, однако немалый вклад в ее создание также внесли две женщины: Лейла Уоддел (1880—1932) и Мэри Дести (1871—1931). Именно они дали ему энергию, необходимую для того, чтобы войти в контакт с иными сущностями (ангелами? демонами? кто знает...), и именно благодаря им эта Книга вышла из духовного мира и реализовалась в мире физическом. Поэтому в нашем предисловии стоит уделить место и им.

Лейла Уоддел, без сомнения, была самой интригующей и наиболее известной из всех жриц Алистера Кроули. Ее редкостная красота и интеллектуальная сила вдохновляла Кроули на многие литературные и магические достижения. Лейла Ида Нерисса Батерст Уоддел родилась 10 августа 1880 года в поместье Батерст в Новом Южном Уэльсе, на территории древнего австралийского материкового поселения. В ее семье было семеро детей. Лейла была третьим ребенком. Она никогда не выходила замуж и не имела детей.

Лейла превосходно владела скрипкой и играла в оркестре. В 1906 году ее благотворительная деятельность и личные достоинства стали поводом для организации концертов в Австралии и Новой Зеландии в ее честь. В 1908 году

1 Адепт, сообщавшийся с 666 через Сестру Виракам в год VII при Солнце в Стрельце (т.е. в ноябре 1911 г.) в Цюрихе, Санкт-Морице и Милане; подробнее см. ниже.

2 Ра-Хор-Хут (Ra-Hoor-Khuit, иногда пишется как «Ra Hoor Khut», «Ra-Hoor-Khut» «Ra-Hoor-Khu-it» или «Ra-Hoor-Khu») — в учении Телемы: активная форма двойственного божества-Сына, рождающегося от союза Матери (Нуит) и Отца (Хадита). Имя «Ра-Хор-Хут» восходит к имени древнеегипетского божества Ра-Хор-Ахети (или Ра-Хор-Хути, эллиниз. Ра-Хорахти), соединяющего в себе черты двух солнечных богов — Ра и Хор-Ахети («Хора обеих горизонтов»).

В системе Телемы Ра-Хор-Хут — бог-воитель, Венценосное и Победоносное Дитя, Владыка Нового Эона. Пассивной ипостасью Сына выступает брат-близнец Ра-Хор-Хута — Хор-па-крат (Hoor-pa-kraat, др.-егип. Хор-па-хереду, эллинистич. Гарпократ).

она покинула Австралию, чтобы испытать свое мастерство в Англии. Там она солировала на подмостках лондонского «Театра Дэйли» в ансамбле цыган в представлении под названием «Мечта о вальсе» («A Waltz Dream»). Это побудило ее испытать силы в новом амплуа. В течение ряда лет Лейла выступала в образе «цыганки-оборванки» («Ragged Gypsy») с группой скрипачек в «Колизее», «Палладиуме» и других театрах. Она побывала на гастролях во Франции, Германии и многих других странах.

Лейла и Кроули познакомились весной 1910 года (по данным разных источников, в Лондоне или в Париже). В это время она солировала в женском оркестре в «Мечте о вальсе». Как пишет современный биограф Кроули Лоуренс Сатин, Лейла в то время была женщиной поразительной красоты. В ее жилах, по слухам, текла кровь племени маори, и это добавляло ей экзотического очарования. Лейла мгновенно пленила Кроули своей необычной внешностью и своей игрой на скрипке. Кроули называл ее Лайла (по-арабски *laylah* — «ночь»).

В коротком рассказе «Скрипачка», впоследствии опубликованном в журнале «Эквинокс», Кроули описывает ее так:

Девушка была высока и прекрасно сложена, гибкая, как охотница. Платье, сидевшее на ней превосходно, было сшито из золотисто-коричневого шелка, который гармонировал, но не мог соперничать с кудрями, обрамлявшими ее чело — сверкающими и шипящими, как змеи. Ее лицо было по-гречески утонченным; но что за рот? Рот сатира или дьявола, большой и крепкий, дважды изогнутый, уголками вверх, с ядовитопурпурными тонкими губами. Ее улыбка напоминала оскал дикого зверя.

Лейла Уоддел принимала активное участие в магической работе Кроули. В октябре—ноябре 1910 года Лейла вместе с Кроули и Поибургом исполнила ряд ролей в «Элевсинских мистериях» в лондонском «Кэкстон-холле». Ее роль в мистерии Сатурна определила имя, которое дал ей Кроули в своем близком кругу. «Небесная Мать», или просто «Мать». Помимо имени, которым ее нарекли при рождении, — Лейла Ида Нерисса Батерст

Уодделл, — в орденах О.Т.О и А.:А.: Алистера Кроули у нее были магические имена: Сестра Агата и Сестра Кибела.

На протяжении пяти с лишним лет Лейла была постоянной спутницей Кроули. 1 апреля 1910 года она стала Послушницей в ордене А.:А.: под именем Сестры Агаты (от греч. *agathos* — «добрый, честный, добродетельный»). Летом 1911 года они поселились в Фонтенбло, где занимались сексуальной магией. Лейла вдохновила Кроули на создание множества рассказов, стихотворений и одной из пьес, опубликованных в «Эквиноксе»; также ее образ занял почетное место в «Книге Лжей».

Кроули активно способствовал сценической карьере Уодделл. Как рассказывает он сам, однажды они с Лейлой «собрали шесть помощниц-скрипачек, состряпали кучу рифм и соединили их с движениями; одели септет в разноцветные тряпки и назвали его *“The Ragged Ragtime Girls”* [“Девушки-оборванки в стиле регтайм”]». Летом 1913 года Кроули, Уодделл и другие члены группы *“The Ragged Ragtime Girls”* побывали на гастролях в России.

Однако, несмотря на всю глубину связывавших их отношений, Лейла была лишена столь важного магического дара, как ясновидение. Да и магией она была увлечена гораздо меньше, чем Кроули. Однажды она пожаловалась Гвендолин Оттер, известной лондонской светской львице, которая испытывала симпатию к Кроули: «А.К. хочет, чтобы я посвятила свою жизнь магии, но я не думаю, что мне этого хочется». Их любовные отношения расстроились спустя пять или шесть лет после знакомства, приблизительно к началу 1915 года.

Тем не менее, Лейла Уодделл внесла свой вклад в создание «Книги Четыре». Именно ей весной 1912 года Кроули продиктовал третью часть этой книги, известную под названием «Магия в теории и на практике». В своем предисловии к книге, предвидя затруднения будущих читателей, Лейла Уодделл пишет:

...желаю им мужества; практика и прогресс дадут им ясно узреть все ее великолепие. [Трудности понимания] — это земля, которая порождает тучи, затмевающие Солнце. Пусть они сумеют покинуть Землю; и тогда они найдут его, источник Света!

Другая, гораздо более важная роль в создании «Книги Честаре», принадлежит еще одной подруге Кроули — Мэри Дести, компаньонке известной танцовщицы Айседоры Дункан.

Первая встреча с Мэри Дести, художественно переосмысленная в романе Кроули «Лунное дитя», подробно описана в «Исповеди Алистера Кроули»: «Поздно вечером 11 октября [1911 года], за несколько минут до полуночи, известный светский сплетник Энер Скин отвез его [т. е. Брата Perdurabo] в лондонский отель «Савой» и там представил госпоже Мэри Дести Стерджес». Кроули поехал на вечеринку в «Савое», чтобы познакомиться с Айседорой Дункан, но произошло нечто непредвиденное:

Шумная вечеринка была в самом разгаре. Праздновали день рождения давней подруги танцовщицы; я буду называть эту женщину именем, которое она приняла впоследствии, — Сестра Виракам. Эта леди, великолепный плод слияния ирландской и итальянской кровей, была наделена исключительной силой личности и колоссальным магнетизмом, мгновенно пробудившим во мне ответную тягу. Я забыл обо всем. Я уселся на пол в позе китайского божка, и между нами потекли невидимые токи.

Мэри Дести Стерджес описывали как «...эффектную женщину ростом пять футов и пять дюймов, широкую в кости, с пышными иссиня-черными кудрями»; она принадлежала к тому типу своеобразных, харизматичных и независимых женщин, который привлекал Кроули больше всего. Несмотря на скромное происхождение, благодаря трудолюбию и яркой индивидуальности она вошла в высшие круги европейского и американского света и артистической богемы. На одном из фестивалей в Байрейте она удостоилась прозвища «Кундри» от самой Козимы Вагнер, вдовы великого композитора.

Урожденная Мэри Демпси, она появилась на свет 11 октября 1871 года в Квебеке. Она была младшей из пятерых детей дублинского шкипера, эмигрировавшего в Канаду. Около 1873 года отец семейства умер, и мать с детьми переехала

в Чикаго. Они жили в трущобах и едва сводили концы с концами. С восьми лет Мэри пришлось работать на кондитерской фабрике. Ее воспитывали в католической вере, но она отвернулась от церкви уже в раннем возрасте. В 1901 году она приехала в Париж учиться вокалу и познакомилась с Айседорой Дункан, с которой они стали неразлучными подругами. Впоследствии, в 1929 году, Мэри написала книгу воспоминаний об Айседоре, в которую вошли и автобиографические материалы («Нерассказанная история: жизнь Айседоры Дункан, 1921—1927»). По чудовищной иронии судьбы, шарф, из-за которого погибла Айседора Дункан, был подарком Мэри Дести.

Любовные отношения между Кроули и Мэри Дести завязались уже через несколько дней после знакомства, однако в конце октября она вернулась в Париж. Через несколько недель Кроули приехал следом, и они отправились в Санкт-Мориц, курортный горнолыжный городок в Швейцарии. 20 ноября они расположились в небольшой цюрихской гостинице. И вдруг, около полуночи, с Мэри начали твориться странные вещи, похожие на то, что происходило с женой Кроули Розой Келли, когда в Каире он получил с ее помощью

«Книгу Закона». Поскольку в то время Мэри Дести не имела никого представления о магии, Кроули решил, что через нее дух пытается установить с ним контакт. Вот как он описал эти события в своей «Исповеди»:

...меня разбудила Виракам. Казалось, у нее случился страшный истерический припадок; она несла какой-то бессвязный бред и никак не могла умолкнуть. Я рассердился и попытался утомонить ее. Но она настаивала, что действительно происходит нечто серьезное, что она должна передать мне важное послание от какого-то невидимого существа. Эти бредни вывели меня из себя еще больше. Но затем, около часа спустя, у меня буквально челюсть отвисла от удивления. Я вдруг осознал, что в ее словоизвержениях действительно есть некий смысл и, более того, что он облечен в привычный мне язык символов. С этого момента я стал слушать внимательно и через несколько минут убедился, что она

действительно вступила в контакт с некой разумной сущностью, принесшей мне послание.

В хронике Абульдизова делания добавлено следующее:

Она была переутомлена, но в то же время охвачена таким возбуждением и пребывала в такой сильной истерике, что Брат P[erdurabo] едва не перепугался всерьез. Надо упомянуть, что до сих пор он воспринимал ее лишь как чувственную и сладострастную светскую женщину или — быть может, отчасти, — как деятельницу искусства; ему и в голову не приходило, что от нее может быть какая-то польза в оккультной работе. Однако описанное состояние, в котором она больше всего походила на любвеобильную, но разъяренную львицу, внезапно и безо всякого предупреждения сменилось глубоким покоем, во всех отношениях подобным пророческому трансу, и она начала описывать то, что «видит».

Мэри заявила, что видит «главного из пятерых Белых Братьев», который выглядит как «старец с длинной белой бородой». Он сказал ей: «Вот книга, которую надо передать Брату P[erdurabo]». Название этой книги — Аба, а номер ее — IV. Крюли тотчас установил, что АВА равняется четырем (др.-евр. Алеф + Бет + Алеф = 1 + 2 + 1 = 4).

Сущность, явившаяся в цюрихской гостинице в ночь с 20 на 21 ноября, назвалась именем «Абульдиз» (или «Аб-уль-Диз»):

[Абульдиз] пообещал вернуться и «все объяснить» через 7 дней, в 11 часов вечера. [Брату] P[erdurabo] было сказано совершить вызывание, «как прежде». Любопытно, что это новое откровение ожидалось именно тогда, когда «Liber Legis» будет готова к печати: гранки призывания Хора должны были прийти наутро после того дня, на который было назначено [новое] призывание. [Брат] P[erdurabo] намеревался провести проверку следующим образом: начать призывание с «[ритуала] Нерожденного», затем, если ясновидящая

ничего на это не ответит, попробовать что-то из «[призывания] Хора», — и на этом все.

В Санкт-Морице P[erdurabo] имел при себе следующие тексты:

- 1) Θελψα [«Священные книги Телемы», 1909];
- 2) старинную книгу призываний и т. д., содержащую «[ритуал] Нерожденного»;
- 3) книгу заклинаний Ди и т. д. [опубликованы в «Liber 84» («Книге Еноха»)];
- 4) рукописные тексты ритуалов А.:А. и несколько кратких рукописей;
- 5) «Сефер сефирот»;
- 6) «Канон» и первый черновой вариант словаря¹;
- 7) 6-й номер [I тома] «Эквинокса»;
- 8) гранки «Храма царя Соломона» для 7-го номера [I тома «Эквинокса»], содержащие Призывание Хора, которое было использовано в 1904 г.;
- 9 Призывание Хора и Книгу Результатов².

Далее Кроули сравнивает эти события с «Каирской работой», в ходе которой с помощью своей первой жены Розы Келли (Уардой) он получил «Книгу Закона»:

В приемной их гостиничного номера в Санкт-Морице есть очень большое, высокое зеркало, точно такое, как было в каирской квартире, где свершилось предыдущее откровение.

Они прибыли в Санкт-Мориц в среду 22 ноября; на следующий день ясновидящая обнаружила, что по непонятной причине захватила с собой из Парижа совершенно бесполезную вещь. Это оказалась мантия — синяя с золотом аба, точь-в-точь такая же, какая была приобретена для «Нуит» в тех давних ритуалах, с той лишь разницей, что на этой было еще немного красной вышивки.

1 «Канон» — каббалистический труд Уильяма Стерлинга (1897); «словарь» — черновик «Liber 1264», словаря греческой гематрии.

2 См. в издании: Алистер Кроули. *Равноденствие богов. Закон — для всех.* М.: Ганга, Телема, 2010.

У Брата P[er]durabo] были при себе следующие магические орудия:

- 1) жезл из черного дерева, увенчанный Звездным Сапфиром и золотыми змеями;
- 2) мантия Неофита;
- 3) магический кристалл — ограненный топаз, оправленный в знак розы и креста на цепи из золота и жемчужин;
- 4) колокол из Магического Электрона;
- 5) Кольцо из под покровом N.O.X.

Кроули обратил внимание и еще на одно любопытное обстоятельство: как это ни странно для влюбленной пары, просто отправившейся в курортный городок Санкт-Мориц покататься на коньках, у них оказалось при себе все необходимое для магической работы:

Прежде всего, меня удивило, что я захватил с собой именно те, и только те, Магические Орудия, которые годились для предстоящей работы. Но затем обнаружилось еще более поразительное обстоятельство. Для Каирской работы мы с Уардой купили две абы: алую — для меня и синюю — для нее. Свою я взял в Санкт-Мориц, а вторая, разумеется, осталась у Уарды. Представьте же себе, как я был потрясен, когда Виракам достала из чемодана синюю абу, отличавшуюся от той, которой пользовалась Уарда, лишь мелкими деталями золотого шитья. Я предположил, что Тайные Вожди, избравшие Уарду своей вестницей, не могли заменить ее никем другим до тех пор, пока она окончательно не перестала удовлетворять требованиям этой миссии ввиду постигшего ее безумия. До сих пор ее место не мог занять никто другой; но то, что у Сестры Виракам оказалась при себе такая же Магическая Мантия, было истолковано как веский аргумент в пользу того, что Тайные Вожди избрали ее на смену ее злополучной предшественнице («Исповедь Алистера Кроули»).

После этого Кроули начал рассматривать Мэри как возможную преемницу Розы Келли в роли Багряной Жены и принялся всерьез обдумывать детали предстоящей Работы:

Ясновидящая будет облачена так, как указано в «Liber Legis», I:61¹; Брат P[er]durabo — по своему обычаю. Будет возжигаться благовоние Абрамелина. В убранстве комнаты будет соблюдено равновесие; Зеркало будет служить «точкой востока». Ритуал Хора будет видоизменен в соответствии с магическим облачением и орудиями [Брата] P[er]durabo. Призывание начнется в 10:45 пополудни.

Записи о подготовке Кроули продолжал вести вплоть до 28 ноября. К инвокации он приступил вечером того дня, по истечении семи дней, о которых говорил Абульдиз при первом своем явлении.

Абульдиз передавал ответы через ясновидящую (Мэри Дести), а Кроули задавал вопросы и вел записи.

10:38. *Вход, облачения, благовоние.*

10:40. *M[алый] р[итуал] и [згоняющей пентаграммы].*

10:45. *Начато призывание: «Тебя призываю, о Нерожденный».*

10:56. *Завершено «[призывание] Нерожденного». Исполнено весьма энергично и вполне успешно с обычной экзотерической точки зрения.*

11:00. P[er]durabo произносит: «Cuius nomen est Nemo, Frater A.:A.:, adest»².

(В то же мгновение начинает говорить ясновидящая.) Ясновидящая видит белого мужчину и спрашивает меня, чего я хочу.

1 Об облачении жрицы речь идет в предыдущем стихе «Книги Закона» — I:60: «Число мое — 11, как и числа всех, кто от нас. Пятиконечная Звезда с Кругом в Середине, и круг сей Красен. Черен мой цвет для слепцов, но зрячие видят лазурь и золото. А для тех, кто меня возлюбил, есть у меня тайное сияние».

2 «Здесь находится тот, чье имя — Nemo (букв. «никто»), Брат A.:A.:» (лат.).

P[erdurabo]: Ничего; это я его призвал или он — меня?

Я[сновидящая]: Он тебя призвал... но здесь 77!

P[erdurabo]: Зачем ты призвал меня?

A[бульдиз]: Чтобы дать тебе эту книгу.

P[erdurabo]: Каким способом она будет вручена?

A[бульдиз]: Через Ясновидящую (та жалобно говорит, что никакой книги у нее нет).

P[erdurabo]: Ты утверждаешь, что являешься Братом А.:А.:?

A[бульдиз]: У него на груди написано А А черными буквами, но они все время перетекают в цифру 7.

P[erdurabo]: Что означает А.:А.:?

A[бульдиз]: Это значит *всё*.

Кроули продолжил расспросы о «Книге Четыре»:

«А[бульдиз]: «Книга Четыре». Твои наставления Братьям.

P[erdurabo]: Значит, я не должен ее публиковать?

A[бульдиз] *совершает Знак молчания*.

P[erdurabo]: Я понимаю это так, что не должен публиковать ее.

A[бульдиз]: Никогда. Никогда, никогда, никогда, никогда. Но ты должен найти ее.

Ему было сказано, что найти «Книгу Четыре» он сможет в Лондоне,— что он должен поехать туда, найти ее и вернуться к Братьям. После целого ряда тщетных расспросов о том, где именно в Лондоне следует искать, Абульдиз заявил, что «книга будет изменена, а затем послана еще раз. Сейчас она искажена, и ее необходимо восстановить в первоизданной славе». Из дальнейшего общения с сущностью, называвшей себя Абульдизом, следовало, что Кроули и Виракам должны приехать в Рим и уединиться в магическом затворничестве, чтобы написать «Книгу Четыре». Во время следующего сеанса Кроули попытался затронуть вопрос о содержании «Книги Четыре»:

P[erdurabo]: Расскажи мне о Книге IV, или Аба.

Я[сновидящая]: Она чрезвычайно важна. Ты найдешь ее неожиданно.

P[erdurabo]: Когда...

Я[сновидящая]: Подожди! Имей терпение! Работай! Не отвергай ничего! Самые простые вещи — самые важные. Ты на верном пути. «Книга Четыре» означает свободу для всех. Это Свет.

19 декабря они были уже в Милане, где провели последнюю беседу с Абульдизом, зафиксированную в дневнике. На вопрос о том, должно ли затворничество проходить в Неаполе, Абульдиз ответил «Да». Они перебрались в Неаполь, где, еще через несколько дней, Мэри ясно увидела во сне виллу, в которой им предстояло уединиться для работы.

На следующий день они направились на железнодорожную станцию встретить сына Мэри Дести — Престона, приехавшего из закрытой школы в Нормандии на рождественские каникулы. По дороге на вокзал Мэри неожиданно велела водителю свернуть на боковую улочку: она была уверена, что искомая вилла находится именно там. Не обращая внимания на возражения Кроули, который не хотел опоздать к поезду, и водителя, возмущенного тем, что приходится ехать в гору по узкому проулку, Мэри то и дело восклицала, что узнаёт приметы, виденные во сне. Наконец, шофер заявил, что дальше не поедет. Кроули вспоминает:

Слева были широко распахнутые ворота, за которыми слонялись какие-то рабочие, симулирующие ремонт полуразвалившейся виллы. Виракам подозвала бригадира и спросила на ломаном итальянском, сдается ли дом. Тот ответил — нет, в доме идет ремонт. Но она, словно одержимая, потащила его за собой и заставила показать комнаты. Я сидел в машине, полный бессильного отвращения, но не готовый унизиться до того, чтобы пойти следом. Но затем внезапно взгляд мой упал на два дерева в саду, растущие бок о бок. Я наклонил голову, чтобы в поле зрения попали кроны. Надо же, персики! Это дурацкое совпадение меня разозлило, и все же какой-то неумолимый инстинкт потребовал достать блокнот и карандаш и записать название, красовавшееся на воротах, — «Villa

Caldarazzo». От нечего делать я принялся складывать буквы: 6 + 10 + 30 + 30 + 1 и 20 + 1 + 30 + 4 + 1 + 200 + 1 + 7 + 7 + 70. Сумма меня поразила, как пуля в голову! 418, число Магической Формулы Эона, нумерологический символ Великого Делания! Абульдиз не промахнулся. Я признал, что место выбрано правильно, не только из-за деревьев, которые могли встретиться чуть ли не где угодно. Он обещал дать подтверждение, которое не оставит никаких сомнений. И он свое слово сдержал <...>

Войдя в дом, я мгновенно понял, что он отлично подходит для Храма. Грубые фрески на стенах каким-то образом создавали нужную атмосферу, точь-в-точь как было надо для нашей Работы («Исповедь»).

Обосновавшись на вилле Кальдараццо, Кроули быстро превратил в храм ее главную комнату и принялся за работу, диктуя Виракам «Книгу Четыре». План работы Кроули описал в «Исповеди»:

Предполагалось, что я буду диктовать, а Виракам — записывать; и в случае, если возникнет малейшая неясность — неясность с точки зрения совершенно неведущего и не самого сообразительного читателя, то есть, попросту говоря, самого обыкновенного человека из низшего сословия, — то я буду должен изложить свою мысль по-иному, более простым языком. Таким способом мы надеялись написать книгу, которую сможет понять даже самый неотесанный искатель духовного просвещения.

По истечении нескольких недель уже были записаны основные материалы I и II частей «Книги Четыре». Однако тяжелая магическая работа явно оказалась не по плечу Виракам. Между ней и Кроули начались частые ссоры, и она уехала в Париж, забрав с собой сына. Кроули последовал за ней, и вскоре на какое-то время они помирились. Мэри Дести продолжала работать в А.:А.:, осуществила редактуру последних

четырёх выпусков I тома «Эквинокса» и опубликовала там в соавторстве с Кроули несколько пьес.

Однако взаимное притяжение между ними уже исчезло. Вскоре Мэри Дести окончательно рассталась с Кроули и вышла замуж за Вели Бея, турецкого «охотника за приданым». Однако этот брак оказался неудачным. Она снова присоединилась к группе Айседоры Дункан и в 1931 году умерла в Нью-Йорке.

Много лет спустя, в дневнике за 1920 год, вспоминая о былых Багряных Женах, Кроули писал:

Уарда, первая соискательница, дала мне силы обрести «Книгу Закона». Виракам, вторая, подарила мне часть «Книги Четыре», но затем сломалась — скорее из-за того, что я не верил в нее до конца, чем по причине собственного недоверия ко мне, вполне оправданного. Ни она, ни я не смогли предаться Работе всецело и безоговорочно.

Магическая книга, продиктованная Кроули Лейле Уоддел и Мэри Дести, стала одной из тех работ, которые обессмертили имя Кроули. Ее создание растянулось на шестнадцать лет, а на то, чтобы опубликовать ее полностью, ушло в общей сложности двадцать четыре года. Части I и II были опубликованы (под псевдонимом) в 1912 и 1913 гг. соответственно. Но поскольку к 1914 году Кроули растратил свое наследство, опубликовать оставшиеся две части было непросто даже после того, как работа над ними, наконец, завершилась. К тому же, Кроули постоянно перерабатывал и улучшал третью часть своей книги.

Поэтому в своем окончательном виде «Магия в теории и на практике» была опубликована лишь в 1929 году. В 1936 году была издана заключительная четвертая часть, в которую вошла «Книга Закона», автобиографическое предисловие и краткий комментарий. В полном виде «Книга Четыре» увидела свет лишь после смерти Кроули.

Итак, с момента первой публикации Книги прошло почти 80 лет. За это время стало понятно, какой колоссальной ценностью обладает работа, начавшаяся с двух взглядов в ночном «Савое». Даже если Тайные Вожди и не диктовали,

то уж точно вдохновляли этот труд Кроули. Идея Мастера соединить достижения научной методологии и магии оказалась пророческой. В лице Кроули Магия пошла навстречу Науке. Сегодня, раскрывая все более глубокие тайны природы, Наука вынуждена принимать постулаты Магии, признавать в ней не только свое прошлое, но и будущее. Вопрос лишь в том, когда академический мир осмелится принять и признать это глубинное родство.

Хотя «Книга Четыре» не стала — как надеялся Кроули — пособием по магии для банкиров и домохозяек, зато она оказалась истинным кладом знаний для острого и беспокойного ума современных практиков великого Искусства. И не только для них. Стоит только сместить «точку сборки», освободиться от шор банального предрассудочного мышления, как станет понятно: эта работа может быть очень полезной и своевременной для современных семиотиков и методологов, антропологов и физиков, религиоведов и свободных философов, художников и поэтов.

В дополнение к первым двум книгам «Liber ABA» в это издание включена мистическая поэма Алистера Кроули «Ага!». Она была написана им за шестьдесят часов непрерывной работы летом 1909 года, которое Кроули провел в каноэ на Боултер-Лок (Мэйденхед) на Темзе, в тридцати милях к западу от Лондона. Поэма представляет диалог между учителем Марсием (Кроули) и учеником Олимпом (соискателем) и рассказывает о множестве мистических состояний переживаемых магом на своем пути. Особое внимание Кроули уделяет таким темам как достижение равновесия, преодоление завесы магии (Парокет), Познание и Собеседование со Священным Ангелом-Хранителем, Видение Вселенского Павлина (атмаларшана), испытание Бездны, тщетность речи, разрушение эго и трансцендентное блаженство (ананда). «Ага!» — не только автобиографическая поэма, но и пособие для искателей духовного Достижения.

В приложении к поэме опубликован комментарий ученика Кроули — Брата Ахада, который поясняет, каким образом следует исследовать мистические глубины «Ага!». И, наконец,

в книгу входит замечательный комментарий Израэля Регарди, одного из лучших биографов и толкователей Кроули.

Читайте, думайте, радуйтесь, возражайте и негодуйте, толкуйте символы — наслаждайтесь биением мысли.

Любовь есть закон, любовь в согласии с Волей.

*Издание подготовлено российским отделением
Ordo Templi Orientis (www.oto.ru)*

КНИГА 4

ПРИМЕЧАНИЕ

Эта книга задумана *не* как произведение Брата Perdurabo. Опыт показывает, что его сочинения слишком концентрированы, слишком глубокомысленны, слишком загадочны для средних умов. Но эти записи разрозненных отрывков из его случайных рассуждений, возможно, окажутся более доступными и убедительными, а также, по крайней мере, составят подготовительную опору, при помощи которой ученик сможет перейти к настоящим его работам, вооружившись некоторыми знаниями общего характера, пониманием его идей и формы, в которую он их облекает.

Вторая часть, «Магия: начала теории», стилистически более сложна, чем первая; от ученика здесь ожидается некоторое знакомство с литературой по данному предмету и способность судить о ней здраво. Но в действительности эта часть служит разъяснением части первой, которая представляет собой всего лишь схематичный общий обзор.

Тщательно изучив и осмыслив обе части, ученик понастоящему поймет, в чем заключается самая суть всех основных принципов магии и мистицизма.

Я записывала эту книгу под диктовку Брата Perdurabo на вилле Кальдараццо (Посилиппо, Неаполь), где обучалась под его руководством; это была та самая вилла, которую, еще задолго до нашего приезда в Неаполь, пророчески указал нам Брат А.:А.:, явившийся мне в Цюрихе. Все мои вопросы, возникавшие по ходу работы, прояснялись в отдельных беседах (впоследствии записи этих бесед были расположены в новом порядке). Подготовленную к печати рукопись прочли несколько человек, чьи умственные способности были заметно ниже среднего, после чего подробное разъяснение получили даже вопросы, возникшие у них.

Да будет Путь от начала и до конца отныне ясен всем и каждому!

Брат Perdurabo — самый честный из всех религиозных учителей. Другие требуют: «Верьте мне!» Он же говорит: «*Не* верьте мне!» Он не собирает вокруг себя последователей; явись они сами, он бы отверг их с презрением. Ему нужны независимые и самостоятельные ученики, способные развивать собственные методы исследования. Если он поможет

им сэкономить время и силы, подав несколько полезных советов, то этого ему вполне достанет, чтобы удовольствоваться проделанной работой.

Деятели, пытавшиеся заставить людей уверовать в них, поступали нелепо. Для того, чтобы родилась подобная «вера», достаточно лишь хорошо подвешенного языка или прыткого пера — либо острого меча вкупе с виселицей и костром; и такая «вера» по сути своей противоречит подлинному религиозному опыту и совершенно с ним несовместима.

Ныне Брат *Perdurabo* посвящает всю свою жизнь заботе о том, чтобы вы смогли обрести живой опыт Истины — для себя, своими силами и в самих себе!

Сестра Virakam (Мэри д'Эсти Стерджес)

Часть I

Мистицизм

Медитация

Путь к достижению гениальности или божественности,
понимаемых как следствие развития человеческого мозга

Илл. 1
ΧΑΙΡΕ ΣΩΤΗΡ ΚΟΣΜΟΥ
(«Приветствую тебя, Спаситель Вселенной!»)

Единственная цель йоги — остановить работу ума; все упражнения и так далее — всего лишь механические средства, способствующие достижению этой цели.

— Мастер Террион 666

Жизнь, как мы ее знаем, исполнена страдания¹. Достаточно упомянуть лишь такую малость, как то, что каждый человек, по сути, — осужденный преступник, не знающий только, на какое число назначена казнь. Нет такого человека, которому это не доставляло бы недовольства. Соответственно, каждый человек делает все возможное, чтобы отсрочить зловещую дату, и готов пожертвовать чем угодно, лишь бы добиться отмены приговора.

Именно на это делали ставку практически все религиозные и философские системы, без оговорок обещая, что их приверженцы удостоятся в награду бессмертия.

Ни одна религия до сих пор не скупилась на подобные обещания; но современный человек стал требовать гарантий, не довольствуясь пустыми посулами, — чем и объясняется крах, который терпят все религии в наши дни. Более того, люди теперь предпочитают обходиться без тех материальных преимуществ, которые может дать государству организованная религия, чем терпеть мошенничество, ложь или даже такую систему, которая не признана виновной, но и доказать свою невиновность не способна.

Лучшее, что мы можем сделать ввиду подобной несостоятельности, — это подступиться к проблеме заново, со свежими силами и непредвзято. Давайте для начала ставить под сомнение каждое утверждение. Давайте изыщем способ подвергнуть каждое утверждение экспериментальной проверке. Обнаружится ли хоть крупица истины в притязаниях различных религий? Давайте изучим этот вопрос.

Первое затруднение, с которым мы столкнемся, проистекает из невероятного изобилия материала. Взяться за критическое исследование всех систем означало бы взвалить на себя задачу, которую заведомо невозможно довести до конца:

¹ Ср. «первую благородную истину» буддизма: «Жизнь есть страдание». — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

слишком уж велико облако свидетелей¹. Все религии в равной мере категоричны; и каждая требует веры. В последней мы им отказываем — за неимением убедительных доказательств. Но бесполезно будет задаться вопросом, есть ли нечто такое, в чем все религии сходятся между собой; потому что, если таковой общий пункт существует, можно предположить, что он окажется достоин самого тщательного рассмотрения.

Искать его в области догматики бессмысленно. Третий род человеческого отвергает даже такую простую идею, как положение о бытии некой высшей и вечной сущности. Легенды о чудесах, пожалуй, распространены повсеместно, однако здравый смысл не приемлет их в отсутствие наглядных доказательств.

Но как насчет происхождения религий? Почему люди так часто принимают на веру бездоказательные заявления? Разве это само по себе не чудо?

Так или иначе, чудо одного, особого рода несомненно случается. Это чудо — влияние гения. Оно не имеет аналогов в Природе. Невозможно всерьез представить себе какую-нибудь «сверхсобаку», преобразующую собачий мир, тогда как в истории человечества подобные случаи регулярны и нередки. В настоящее время мы имеем дело с тремя «сверхчеловеками», каждый из которых противоречит двум остальным. Что может быть общего между Христом, Буддой и Мухаммедом? Найдется ли хоть один пункт, по которому все трое пребывали бы между собой в согласии?

Такого пункта мы не увидим ни в их верованиях, ни в этических концепциях, ни в гипотезах о загробной жизни, которые они проповедовали; однако в биографиях этих великих учителей присутствует на фоне всех многочисленных различий одна общая черта.

Будда родился царевичем, а умер нищим.

Мухаммед родился нищим, а умер царевичем.

Христос оставался безвестным еще много лет после смерти.

Последователи каждого из них подробно описали их жития, и во всех трех жизнеописаниях обнаружилось нечто общее, а именно — «белое пятно». Мы не знаем, что происходило с Христом в возрасте между двенадцатью

¹ Выражение заимствовало из Евр. 12:1: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей...».

и тридцатью годами. Мухаммед удалялся в пещеру. Будда покинул свой дворец и долгое время прожил отшельником.

Все трое до момента своего исчезновения никого ничему не учили, но, вернувшись, тотчас же начали проповедовать новый закон.

Это настолько любопытно, что приходится задаться вопросом: подтверждают ли эту закономерность биографии других великих учителей?

Моисей жил тихо и скромно, пока не убил египтянина. После этого он бежит в земли мадианитян, и чем он там занимается, неизвестно; но, вернувшись, он сей же час переворачивает все вверх дном. Позднее он еще раз исчезает — поднимается на гору Синай — и через несколько дней возвращается со Скрижалями Закона.

Опять же, святой Павел, пережив свое знаменитое приключение на дороге в Дамаск, удаляется на много лет в Аравийскую пустыню, а по возвращении потрясает основы Римской империи. С тем же самым универсальным явлением мы сталкиваемся даже в дикарских легендах: человек, не представлявший собой ничего особенного, покидает племя на тот или иной срок и возвращается «великим шаманом»; но что именно с ним произошло в отлучке, остается загадкой.

Отбросив домыслы и элементы мифа, мы получаем в остатке единственную черту, общую для всех подобных историй: тот, кто был никем, уходит — и возвращается важной персоной. И этому не находится никаких естественных объяснений.

Нет ни малейших причин полагать, будто все они с самого начала были людьми незаурядными. Стал бы Мухаммед до тридцати пяти лет прозябать в погонщиках верблюдов, будь у него хоть какой-нибудь талант или цель в жизни? Святой Павел изначально был весьма талантлив, но из этих пятерых он сыграл наименее важную роль. Не пользовались они и такими обычными инструментами власти, как чины и звания, авторитет и богатство.

До побега Моисей занимал в Египте довольно высокое положение, но вернулся простым странником.

Христос не ездил в Китай и не женился на императорской дочке.

Мухаммед не копил сокровища и не муштровал солдат.

Будда не пытался сколотить религиозную организацию.

Святой Павел не вступал в сговор с честолюбивыми полководцами.

Все они вернулись нищими; все вернулись одинокими.

В чем же природа их силы? **Что с ними произошло за время отсутствия?**

История не даст нам ответа на этот вопрос. История безмолвствует.

Судить о том, что с ними произошло, мы можем лишь на основании их собственных рассказов.

Как было бы замечательно, если бы эти рассказы хоть в чем-то согласовались между собой!

Из перечисленных великих учителей только Христос хранит молчание; остальные четверо кое-что сообщают — кто больше, кто меньше.

Будда вдается в такие сложные подробности, что воспроизвести их здесь мы не сможем; но суть в том, что ему, так или иначе, удалось добраться до тайной силы Мироздания и овладеть ею.

Относительно опыта, пережитого святым Павлом, мы не знаем ничего, кроме брошенного вскользь упоминания о том, что он «был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»¹.

Мухаммед без обиняков заявляет, что его «посетил ангел Джабраил» с вестью от «Бога».

Моисей утверждает, что сам «видел Бога».

На первый взгляд эти утверждения кажутся совершенно разными, но в действительности все они описывают опыт одного рода. Лет пятьдесят назад такой опыт назвали бы «сверхъестественным», в наши дни — скорее, «духовным», а еще полвека спустя назовут как-то иначе, в зависимости от того, как будет пониматься в то время природа данного феномена.

Теоретики не лезут в карман за объяснениями; но каждый толкует происходящее по-своему.

Магометане утверждают, что Бог существует и что он на самом деле посылал Джабраила с вестями к Мухаммеду; но остальные придерживаются другой точки зрения. Предоставить же доказательства не позволяет сама природа обсуждаемого явления.

¹ II Кор. 12:4.

Христианство (и мусульманство, хотя и в значительно меньшей степени) ощущало эту бездоказательность так остро, что было вынуждено ежедневно штамповать все новые и новые чудеса для поддержания своей шаткой постройки. Отрицая сверхъестественный характер чудес, современные ученые объясняют их эпилепсией и сумасшествием. Как будто организация может родиться из хаоса! Даже если бы первопричиной этих великих перемен, выведших из варварства не одну цивилизацию, и впрямь была эпилепсия, то это говорило бы лишь о том, что эпилепсию следует всячески поощрять.

Разумеется, великий человек никогда не вписывается в стандарты людей ничтожных, и тому, кто призван перевернуть мир, редко удается избежать клейма бунтаря. В каких терминах будут описаны его преступления, зависит от того, на чем конкретно помешаны его современники. У Каиафы был пунктик на иудаизме — следовательно, ему фарисеи сказали, что Христос «богохульствует». Пилат был верным подданным Рима — соответственно, ему они заявили, что Христос «возмущает народ». Когда вся власть была сосредоточена в руках римских пап, для расправы с врагом необходимо было доказать, что он «еретик». Сегодня, во времена развивающейся медицинской олигархии, мы стремимся доказать, что наши противники «душевнобольные», а также (если дело происходит в пуританской стране) подвергнуть сомнению их «нравственность». Поэтому нам следует остерегаться риторики и постараться безо всяких предубеждений исследовать тот необычный опыт, который пережили эти великие вожди человечества.

Нетрудно предположить, что эти люди и сами не вполне понимали, что с ними случилось. Будда — единственный из них, кто разъясняет свое учение досконально, и он же — единственный, кто не впадает в догматизм. Впрочем, не исключено, что остальные просто сочли за благо не давать слишком доступных объяснений своим ученикам; именно такую позицию, очевидным образом, занял святой Павел.

Таким образом, наилучшим документальным свидетельством является система Будды¹; однако она настолько слож-

¹ Мы располагаем также документами индуизма и двух китайских систем. Но у индуизма не было единого основателя. Лао-цзы — один из лучших имеющихся у нас примеров человека, удалившегося от мира и пережившего мистический опыт; возможно, это даже самый лучший пример, потому что его

на, что излагать ее здесь на скорую руку было бы бесполезно. Что же до остальных Учителей, то собственными их свидетельствами мы не располагаем, но, по крайней мере, можем ознакомиться с рассказами их ближайших последователей.

Методы, которые рекомендовали все эти люди, на удивление схожи между собой. Вот их рекомендации: соблюдение «добродетели» (того или иного рода), уединение, воздержание от волнений, умеренность в пище и, наконец, практика, которую одни называют молитвой, а другие — медитацией. (По внимательном рассмотрении первые четыре метода могут оказаться всего лишь условиями, благоприятными для последнего.)

Рассмотрев эти две практики, мы увидим, что в действительности их не две, а только одна. Ибо какое состояние необходимо как для молитвы, так и для медитации? **Сосредоточение ума на одном-единственном действии, состоянии или мысли.** Если мы спокойно сядем и исследуем содержимое своего ума, то обнаружим, что даже в лучшие времена его основными свойствами остаются подвижность и рассеянность. Всякому, кто имел дело с детьми или неразвитыми умами вообще, известно, что сосредоточенности внимания от них ожидать не приходится, даже если сообразительности и желания учиться вполне хватает.

Что касается нас, обладателей развитых умов, то, задавшись целью взять под контроль свои беспорядочно блуждающие мысли, мы без особого труда сможем направить их течение по достаточно узкому руслу, так, что каждая последующая мысль будет связываться с предыдущей самым разумным образом. Но вот если мы попытаемся остановить сам этот поток, он и не подумает остановиться. Напротив, он выплеснется из берегов, размывая русло, и вместо связной цепочки мыслей мы получим хаос неясных образов.

Эта привычная мыслительная деятельность настолько мощна и кажется настолько естественной, что трудно себе

система — лучшая из всех систем. Рекомендованный им метод подготовки мы описали во всех подробностях в «Цин цзин цзин» и в других работах. Но поскольку о нем известно слишком мало, мы не станем рассматривать его в этом популярном изложении. — *Примеч. А. Кроули.*

«Цин цзин цзин» («Канон чистоты и покоя») — даосский поэтический трактат, авторство которого приписывается Гэ Сюаню (164—244). Кроули выполнил его поэтический перевод (с прозаического переложения на английский, сделанного Дж. Леггом) и опубликовал в 1939 г. под названием «Книга XXI. Цин цзин цзин, Канон чистоты».

представить, как кому-то могло прийти в голову, что в действительности это недостаток и помеха. Возможно, люди просто заметили, что мысли мешают сосредоточиться на объекте более естественной практики «поклонения». Но, так или иначе, спокойствие и самоконтроль предпочтительнее, чем беспокойность. Слишком уж разителен контраст между Дарвином и письменным столом и обезьяной в клетке.

В общем и целом, чем крупнее и сильнее животное и чем выше оно развито, тем меньше оно движется, а если и движется, то неторопливо и целенаправленно. Сравните безостановочную суету бактерий с рассудительной степенностью бобра; а также обратите внимание, что, за исключением некоторых организованных сообществ, таких как пчелиный рой, самым развитым интеллектом обладают животные, ведущие одиночный образ жизни. Это же справедливо и для человека, причем в такой степени, что психологи вынуждены рассматривать психологию толпы как отдельное состояние ума, радикально отличное от всех состояний, возможных для индивида.

Чтобы разглядеть хотя бы отчасти истинную суть вещей, ум должен освободиться от внешних влияний, как обычных, так и вызывающих эмоциональный отклик.

Вернемся, однако, к нашей практике. Зададимся целью обрести власть над своим умом. И вскоре мы сами поймем, какие условия этому благоприятствуют.

Чтобы убедиться, что внешние влияния, как правило, неблагоприятны, много времени не понадобится. Новые лица, новые события будут выводить нас из душевного равновесия; даже тот новый образ жизни, который мы приняли ради обретения власти над своим умом, поначалу сам будет мешать в достижении этой цели. Но от привычки к перееданию все же придется избавиться. В этом отношении нужно следовать естественным правилам: принимать пищу только тогда, когда мы почувствуем голод, и прекращать есть сразу же, как только внутренний голос подскажет, что с нас довольно.

То же самое правило применимо и ко сну. Если мы твердо решили достичь власти над своим умом, то в первую очередь должны выделять время на медитацию, а уж затем — на все остальное.

Для практики следует отвести строго определенные периоды в течение дня. Делу — время, потехе — час. **Чтобы верно**

оценивать свои успехи — ибо мы увидим, что о медитации (как и о любом физиологическом процессе) невозможно судить на основании одних лишь ощущений,— будем держать под рукой блокнот и карандаш, а также часы. Постараемся подсчитать, сколько раз за первую четверть часа наш ум отвлечется от предмета, на котором он стремится сосредоточиться. Будем выполнять это упражнение дважды в день и так, постепенно, установим на опыте, какие обстоятельства способствуют сосредоточению, а какие — мешают. Некоторое время спустя у нас, скорее всего, лопнет терпение и мы поймем, что не продвинемся дальше ни на шаг, если сначала не избавимся от множества помех. То и дело будут возникать новые проблемы, и наша задача — выявлять и разрешать их по мере возникновения.

К примеру, почти наверняка мы поймаем себя на том, что время от времени ерзаем, пытаюсь усесться поудобнее. Мы совершим удивительное открытие: оказывается, удобных поз вообще не существует. Кто бы мог подумать!

Это затруднение разрешается при помощи так называемых асан, о которых речь пойдет ниже.

Нам будут досажать воспоминания о событиях минувшего дня; следовательно, надо строить свой день таким образом, чтобы вспоминать было не о чем. Тогда ум обратится к нашим надеждам и страхам, к нашей любви и ненависти, к честолюбивым мечтаниям, предметам зависти и ко многим и многим другим эмоциям. Все эти мысли следует пресекать. У нас не должно остаться никаких интересов в жизни, кроме одного — как успокоить свой ум.

В этом смысл обычных монашеских обетов бедности, целомудрия и послушания. Если у вас нет имущества, то вам не о чем заботиться, не о чем беспокоиться; благодаря целомудрию вам не о ком беспокоиться и никто вас не отвлекает; наконец, обет послушания избавляет вас от необходимости отвечать на вопрос «что делать?» — вы просто исполняете то, что вам велят.

На своем пути вы столкнетесь и со многими другими трудностями; разбираться с ними рекомендуется по очереди. Но сейчас давайте ненадолго представим, что вы уже преодолели все эти препятствия и уверенно приближаетесь к цели.

Допустим, на первых порах вам нелегко было побороть сонливость, а иногда вы отклонялись от объекта медитации так

далеко, что все упражнение шло насмарку. Но с тех пор утекло немало воды, и вы, по собственному ощущению, «неплохо продвинулись». И вот, к огромному своему удивлению, вы начинаете ловить себя на том, что время от времени полностью забываетесь. Очнувшись, вы восклицаете: «О господи! Наверно, я заснул!» — или, еще того хуже: «А на что, интересно знать, я сейчас медитировал?» — или даже так: «Чем я тут только что занимался?», «Где я?» и, наконец, «Кто я?» — а то и вовсе замираете в немом потрясении. Так или иначе, подобное происшествие может вас беспокоить, особенно после того, как вы опомнитесь окончательно и сообразите, что в том состоянии действительно не помнили, кто вы такой и что делаете!

Это лишь одно из множества приключений, которые могут встретиться вам на пути, но именно оно — одно из самых характерных. К этому времени медитация уже будет занимать у вас большую часть дня, и, вероятно, вас то и дело будет посещать предчувствие, что вот-вот что-то случится. Может прийти пугающая мысль, что ваш мозг уже попросту не выдерживает нагрузки; но к этому времени вы успеете познакомиться с подлинными симптомами умственного переутомления и научитесь тщательно избегать их. Только смотрите не перепутайте их с голосом лени!

Иногда вам будет казаться, что между вашей Волей и умом идет упорная борьба; иногда — что они, напротив, пребывают в полном согласии друг с другом; но существует и третье состояние, которое следует отличать от второго. Это верный признак того, что успех не за горами, — ату его, ату! В этом состоянии ум устремляется к избранному объекту естественным образом, не вследствие повиновения Воле своего обладателя, но так, словно им не управляет вообще ничто, а если и управляет — то нечто безличное; как будто он падает к цели в силу собственной тяжести, а не из-за того, что его кто-то толкнул.

Но стоит вам лишь осознать этот процесс, как он тотчас прекращается — и вновь начинается все та же давно осточертевшая борьба между ковбоем Воли и норовистым коньком ума.

Здесь все обстоит точно так же, как и с любым другим физиологическим процессом: если мы осознаём его, значит, его течение уже нарушено из-за какого-то расстройства или болезни.

Анализируя свою работу по утверждению контроля над умом, ученик без труда выявит тот факт, что в ней участвуют

две стороны: созерцающий субъект и созерцаемый объект, или познающий субъект и познаваемый объект. Далее он придет к выводу, что без этого разделения не существует и сознания как такового. До чего же мы привыкли принимать за неоспоримые факты те вещи, о которых мы не вправе даже строить предположения! К примеру, мы считаем бессознательное чем-то инертным и вялым; но на самом деле истина в том, что нормально работающие органы делают свое дело молча. Самый глубокий сон — это сон без сновидений. Даже в спортивных играх самые лучшие наши удары неизменно сопровождаются мыслью: «Интересно, как мне это удалось?»; и повторить такой удар по желанию мы не можем. Как только мы начинаем обдумывать это удачное движение и пытаться воспроизвести его сознательно, у нас «сдают нервы» и мы проигрываем.

В сущности, все удары можно разделить на три основные группы. К первой относится плохой удар, который мы объясняем для себя — и совершенно справедливо — рассеянным вниманием; ко второй — хороший удар, который мы ассоциируем — опять же, совершенно правильно — с сосредоточенным вниманием; и, наконец, к третьей — удар идеальный, объяснения которому мы не находим, но который в действительности вызван тем, что привычка к сосредоточению внимания обрела независимость от Воли и, следовательно, получила возможность действовать свободно и самопроизвольно.

Это тот же самый феномен, который мы определили выше как верный признак близящегося успеха.

В конце концов с нами происходит нечто такое, о сущностной природе чего мы поговорим позднее. Здесь же поясним только, что при этом полностью исчезает упомянутое выше осознание разделенности на «я» и «не-я», на созерцателя и созерцаемый объект, на познающего и познаваемое.

Обычно этому сопутствуют яркий свет, громкие звуки и чувство полного блаженства, настолько всепоглощающего, что при попытках описать его все средства человеческого языка вновь и вновь оказываются бессильны.

Ум отправляется в нокаут. Этот опыт столь ярок и великолепен, что человек, испытавший его, самым серьезным образом рискует утратить всякое чувство меры.

Перед этим светом меркнут все прочие события нашей жизни. Поэтому людям никогда не удавалось ни проанализировать, ни верно оценить его. Для начала они достаточно справедливо отмечают, что в сравнении с ним вся человеческая жизнь — суета сует; однако, не ограничившись этим, они идут дальше... и делают ошибку. Они заявляют: «Раз этот свет превыше всего земного, значит, он исходит с небес». Ум, среди прочего, склонен надеяться на то, что небеса именно таковы, какими их описывали наши родители и учителя или какими он сам их себе представляет; и в результате он с легкостью допускает: «Это и есть То Самое», — хотя в действительности для такого допущения нет ни малейших оснований.

В «Бахавад-гите» видения такого рода, естественно, объясняются как явления Вишну, поскольку в тот период Вишну был верховным местным божеством.

Анна Кингсфорд¹, которая баловалась еврейским мистицизмом и была феминисткой, добилась почти в точности такого же видения, но именovala явившийся ей божественный образ то «Адонаи», то «Марией».

Так вот, эта женщина, несмотря на всю свою гнилую кашу в голове вместо мозгов и несмотря на отсутствие образования, положения в обществе и приличной репутации, добилась в области религии куда большего, чем все прочие деятели за много поколений. Благодаря ей, и только ей одной, утвердился теософия, а без теософии в мире никогда бы не пробудился широкий интерес к родственным ей предметам. Для Закона Телемы этот интерес — то же самое, чем для христианства было учение Иоанна Крестителя.

А теперь, наконец, мы можем объяснить, что произошло с Мухаммедом. С ним произошло то же самое. Более нечуждый, чем Анна Кингсфорд, но, к счастью, более неподкупный, он соотнес этот феномен с преданием о «Благосещении», которое наверняка слышал когда-то в детстве,

¹ Кингсфорд, Анна (1846—1888) — английская оккультистка и суфражистка, христианский мистик, переводчица и компилятор герметических фрагментов. С 1883 г. — президент Лондонской ложи Теософского общества. В 1884 г. порвала с Теософским обществом и основала собственное оккультное братство — Герметическое общество, ставившее своей целью изучение восточной и западной мифологии и интерпретацию священных текстов.

и сказал: «Мне явился Джабраил»¹. И, несмотря на все его невежество и совершенно превратные представления об истине, сила видения оказалась столь велика, что пророк выстоял перед лицом гонений, обычных для подобных случаев, и благополучно основал религию, которую вплоть до наших дней исповедует каждый восьмой представитель человечества.

В точности то же самое достопримечательное событие имело место и в истории христианства. Иисус Христос воспитывался на ветхозаветных сказках и потому был просто вынужден связать свой опыт с «Яхве», хотя кроткий дух его не имел ничего общего с этим чудовищем, благословляющим насилие над девственницами и избивание младенцев и по сей день требующим человеческих жертв в свою честь².

Схожим образом, видения Жанны д'Арк были сугубо христианскими; однако она, как и все вышеупомянутые лица, смогла почерпнуть в них силу для великих дел. Разумеется, можно предположить, что в наши умозаключения вкралась ошибка: возможно, все эти великие люди действительно «узрели Бога», но из этого вовсе не следует, что каждый человек, «узревший Бога», свершил после этого великие дела.

И это, в общем-то, верно. Большинство из тех людей, которые утверждали, что «узрели Бога» (и которые, безо всякого сомнения, действительно «узрели» его не в меньшей степени, нежели те, которых мы привели в пример), не совершили в своей жизни больше ничего.

Но, быть может, их молчание — признак силы, а отнюдь не слабости. Быть может, те «великие» люди, о которых шла речь, — всего лишь ошибки рода человеческого; быть может, не сказать ничего — это и есть самое лучшее, что можно сделать в подобном случае; быть может, пожелать изменить что-либо в мире или поверить в саму возможность что-либо изменить способен лишь человек с неустойчивой психикой; и все же некоторые полагают, что даже райская жизнь будет

1 В христианском предании благуя весть о предстоящем рождении Иисуса Христа приносит Деве Марии архангел Гавриил, который в мусульманской традиции именуется Джабраилом.

2 Поводом для еврейских погромов в Восточной Европе, вызывающих недоумение у людей неосведомленных, почти неизменно становится исчезновение «христианских» детей, чьи родители полагают, будто тех похитили для «ритуального убийства». — *Примеч. А. Кроули.*

несвыносимой до тех пор, пока на свете останется хоть одно существо, не разделяющее с ними это блаженство. Находятся такие, кто у самых врат брачных покоев готов повернуть обратно, чтобы помочь припозднившимся гостям.

Таков, по крайней мере, был Будда Гаутама. И он не остался в одиночестве.

Кроме того, надо иметь в виду, что созерцательная жизнь в общем и целом противоположна жизни деятельной, и для того, чтобы одна не поглотила другую, необходимо самым тщательным образом поддерживать между ними равновесие.

Как мы увидим далее, этот опыт, как бы мы его ни называли — «видением Бога», «единением с Богом», *самадхи* или как то иначе, — подразделяется на множество разновидностей и множество степеней, хотя и ничтожнейшая из них отрезана непреодолимой пропастью даже от самых возвышенных проявлений обыденного сознания. *Итого*, мы утверждаем, что феномен 'Гениальности' объясняется существованием некоего тайного источника энергии. Мы не принимаем на веру никаких сверхъестественных объяснений, но убеждены, что доступ к этому источнику открывается через выполнение определенных правил и что успех здесь определяется исключительно способностями соискателя, а отнюдь не благоволением каких бы то ни было божеств. Мы утверждаем, что успех в достижении этой цели предопределяется неким состоянием человеческого мозга, которое в целом можно охарактеризовать как отождествление субъекта с объектом. Мы предлагаем обсудить это состояние, проанализировать его возможности, точно выявить благоприятствующие ему физические, умственные и нравственные условия и установить его непосредственные причины. В результате мы сможем достичь упомянутого состояния самостоятельно, чтобы затем на должном уровне изучить его проявления.

1 В этой вступительной заметке мы ограничились только примерами религиозного гения. Другие проявления гениальности подчиняются схожим закономерностям, но ограниченный объем настоящего введения не позволяет рассмотреть их подробно. — *Примеч. А. Кроули.*

АСАНА

Нашу задачу можно сформулировать очень просто: человек желает обрести власть над своим умом, чтобы получить возможность обдумывать какую-либо одну избранную мысль сколь угодно долго без перерывов.

Как отмечалось выше, первые препятствия на пути к этой цели ставит перед нами тело. Оно постоянно напоминает о своем существовании, всеми возможными способами отвлекая свою жертву — заставляя ее чесаться, потягиваться, чихать и так далее. Эти досадные помехи настолько навязчивы, что индусы (в свойственной им научной манере) разработали для избавления от них специальную методику.

Слово «асана» означает «поза»; но, как и в случае с любым термином, когда-либо вызывавшим разногласия, его значение со временем изменилось, так что различные авторы вкладывают в него несколько разных оттенков смысла. Главный авторитет по «йоге»¹ — Патанджали². «Асана есть то, что прочно и приятно», — утверждает он³. Это можно понимать как описание успешного выполнения данной практики. Опять же, санкхья утверждает: «...поза есть то, что устойчиво и удобно»⁴. И далее: «...всякая поза, которая устойчива и удобна, есть асана; другого правила не существует». Какая именно это будет поза — неважно.

1 Йога — общее название всех разновидностей медитации, направленных на объединение субъекта с объектом, поскольку *yog* — это тот самый корень, от которого происходят латинское слово *yugit* и английский *yoke*. — Примеч. А. Кроули.

В буквальном переводе слово «йога» означает «связь»; лат. *yugit* и англ. *yoke* — «иго; ярмо; упряжка».

2 Патанджали (II в. до н.э.) — систематизатор многочисленных форм и методик йогии, автор трактата «Йога-сутра», состоящего из 196 афоризмов, описывающих йогические практики.

3 Патанджали, «Йога-сутра», II:46. Здесь и далее цитаты из «Йога-сутры» Кроули приводит по переводу на английский язык, выполненному Свами Вивеканандой и впервые опубликованному в составе сборника «Раджа-йога» в 1896 году.

4 Санкхья — одна из шести древнейших школ индийской философии, основанная в VII—V вв до н.э. Признавая авторитет Вед, тем не менее, строила свое учение на независимом опыте и размышлении. Афоризмы санкхьи Кроули приводит по вышеуказанному изданию «Раджа-йоги» Вивекананды.

В определенном смысле это верно, поскольку рано или поздно всякая поза становится неудобной. Таким образом, устойчивость и удобство знаменуют собой известную ступень достижения, как будет объяснено ниже. В индийских трактатах, таких как «Шива-самхита»¹, приводятся описания бесчисленных поз; многие из них, если не большинство, для среднестатистического взрослого европейца недоступны. В других источниках выдвигается требование, чтобы голова, грудь и поясничник располагались вертикально и удерживались прямыми; причины тому связаны с особенностями движения *праны*, речь о которых пойдет в надлежащем месте. Наилучшим руководством в вопросе о позах послужат иллюстрации к «Liber E»².

Некоторые йогины остаются в одной позе, не двигаясь, за исключением случаев крайней необходимости, на протяжении всей своей жизни. Не следует осуждать таких людей, не изучив предмет их занятий досконально. А полная информация о нем пока что не опубликована.

Однако мы можем смело утверждать, что, поскольку вышеупомянутые великие люди этого не делали, то и последователям их это не нужно. Итак, давайте выберем подходящую позу и посмотрим, что получится. Есть некая золотая середина между напряженностью и расслабленностью: мышцы не должны быть туго натянуты, но не должны и провисать. Точно охарактеризовать это состояние одним словом непросто. Возможно, здесь подойдет определение «собранный». Желательно сохранять некоторую физическую

1 «Шива-самхита» — классический трактат по хатха-йоге, обычно датируемый XVII—XVIII вв. н.э.

2 Вот четыре варианта:

1. Сядьте на стул. Поднимите голову. Выпрямьте спину. Сомкните колени. Положите руки на колени. Закройте глаза. («Поза Бога»).

2. Станьте на колени. Опустите ягодицы на пятки. Ступни направьте назад. Держите спину и голову прямо. Руки положите на бедра. («Поза Дракона»).

3. Встаньте. Обхватите левую щиколотку правой рукой (через раз меняйте правую и левую стороны: берите правую щиколотку левой рукой и т.д.). Указательный палец свободной руки приложите к губам. («Поза Ибиса»).

4. Сядьте, вытянув ноги вперед. Согните в колене левую ногу и прижмите пятку к анусу. Согните в колене правую ногу и упритесь пяткой в лобок, над плечом. Вытяните руки и положите их на колени. Голову и спину держите прямо. («Поза молнии»). — *Примеч. А. Кроули.*

«Liber E vel Exercitiourum sub figura IX» (лат. «Книга E, или Об упражнениях, под номером 9»). Вышеописанные иллюстрации к ней впервые были опубликованы в журнале «Эквинокс», I, 7. См.: Алистер Кроули. *Магия в теории и на практике*. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 562.

настороженность. Представьте себе тигра, готовящегося к прыжку, или гребца на соревнованиях, ожидающего сигнального выстрела. Через некоторое время мышцы начнет сводить, и вы почувствуете усталость. Стисните зубы и перетерпите. Всякие мелкие неприятные ощущения, наподобие зуда и т.д., прекратятся сами по себе, если вы твердо решите не обращать на них внимания, но судороги и утомление обычно усиливаются к концу сеанса. Для начала отведите себе на упражнение срок в пределах от получаса до часа. Несколько минут после выхода из асаны вы можете испытывать острейшую боль, но пусть вас это не пугает¹.

Чтобы усердно продолжать упражняться день за днем, может потребоваться немалая решимость, потому что дискморфт и боль не только не уменьшатся, но, скорее всего, будут возрастать.

С другой стороны, если вы не будете уделять телу должного внимания и следить за его положением, может возникнуть феномен противоположного характера. Вы начнете, сами того не осознавая, потихоньку менять позу на более удобную. Чтобы избежать этого, с самого начала выберите достаточно неудобную и неприятную для удержания позу — такую, в которой незначительных изменений будет недостаточно, чтобы почувствовать облегчение. В противном случае есть опасность, что уже через несколько дней вы вообразите, будто справились со своей асаной без труда. На самом деле все эти упражнения на первый взгляд кажутся настолько простыми, что новички нередко удивляются, к чему вокруг всего этого столько шума, а подчас и начинают думать, будто они особо одарены. Точно так же человек, ни разу в жизни не игравший в гольф, может наподдать по мячу зонтиком и загнать его в лунку небрежным жестом, на какой не способен и опытный в мире гольфист.

Но, как бы то ни было, неприятности не заставят себя долго ждать. И чем дальше, тем раньше в ходе сеанса будут возникать неудобства. Очень скоро вам покажется почти невозможным

¹ Билл Хайдрик дает следующий комментарий: «Здесь важно отличать случайную судорогу от хронического мышечного зажима, который может привести к разрыву связок. Мышечный зажим возникает из-за ущемления нервов и может повлечь за собой серьезную необратимую травму. Кроме того, остерегайтесь нарушений кровообращения, проявляющихся, скорее, не как боль, а как онемение мышц. Для занятий йогой надевайте свободную одежду».

преодолеть себя и приняться за дело. И не стоит воображать, будто какая-нибудь другая поза была бы легче той, которую вы выбрали изначально. Если вы приметесь менять асаны, выбирая что попроще,— пиши пропало.

Но, быть может, награда за все ваши усилия не столь далека, как кажется: **в один прекрасный день вы внезапно забудете о боли, забудете о том, что у вас вообще есть тело**, и вдруг поймете, что до сих пор, на протяжении всей вашей жизни, это самое тело постоянно маячило где-то на краю вашего сознания и причиняло боль; а затем с неописуемым облегчением ощутите, что избранная вами поза, прежде доставлявшая столько неудобств, в действительности есть идеал физического комфорта, и, более того, что все остальные позы, какие вы только можете себе представить, на самом деле неудобны. Это ощущение — знак того, что вы преуспели.

На этом все затруднения с практикой *асаны* завершатся. Вы будете входить в свою асану чуть ли не с тем же чувством, с каким усталый человек погружается в горячую ванну; и до тех пор, пока вы будете оставаться в этой позе, можете быть твердо уверены, что тело не пошлет вам никаких сигналов, способных потревожить ваш ум.

Другие результаты этой практики описаны в индийских источниках, но на данный момент они нас не интересуют. Преодолев первое препятствие, мы можем приступить к следующему.

Илл. 2. Хорошая поза для медитации

ПРАНАЯМА И ЕЕ РЕЧЕВОЕ СООТВЕТСТВИЕ — МАНТРАЯМА

Связь между дыханием и умом будет подробно рассматриваться в разделе о Магическом Мече¹, но все же имеет смысл высказать здесь несколько практических соображений. Различные достопримечательные теории о том, как работает и какие результаты дает этот метод, можно найти в индийских руководствах² и в трудах Чжуан-цзы³.

Но с нашим скептическим подходом лучше всего довольствоваться такими положениями, сомневаться в которых было бы себе дороже.

Конечная цель Медитации — прекращение деятельности ума, ввиду чего представляется полезным в первую очередь избавиться от осознания всех телесных функций. Как этого добиться, мы рассказали в главе об асане. Можно еще упомянуть, что некоторые йогины доходят до попыток остановить сердцебиение. Есть ли в этом какой-то смысл или нет, но начинающему ученику это в любом случае не принесет пользы: его задача — добиваться того, чтобы дыхание стало как можно более медленным и равномерным. Правила этой практики изложены в «Liber 206»⁴.

Чтобы регулировать дыхание по времени, поначалу можно сверяться с часами, но затем, когда вы приобретете мало-мальский опыт, для этой цели лучше использовать мантру. Мантра действует на мысли примерно так же, как пранаяма — на дыхание. Ум начинает вращаться в бесконечном кругу; мантра отбрасывает прочь любые посторонние мысли, точь-в-точь как вращающийся маховик стряхивает с себя всякий мелкий сор; и чем быстрее вращается это колесо, тем труднее чему бы то ни было к нему прилипнуть.

Правильно работать с мантрой следует так: сначала произнесите ее вслух, как можно более громко и медленно, десять

1 См. стр. 149-162.

2 Таких, как упоминавшаяся выше «Шива-самхита» или «Хатха-йога прадипика» Сватмарамы (XV в.).

3 Чжуан-цзы — китайский философ-даос IV в. до н.э., которому приписывается авторство трактата «Чжуан-цзы».

4 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 620—625.

раз; затем — еще десять раз потише и чуть-чуть побыстрее. Продолжайте по тому же принципу до тех пор, пока все не сведется к стремительному движению губ; губы должны двигаться все быстрее и быстрее, а звук — становиться все тише, пока, наконец, физическое повторение мантры полностью не растворится в мысленном. К этому моменту ученик погружается в состояние полного покоя, не считая мантры, бешено вращающейся в его мозгу; но, не останавливаясь на достигнутом, он должен ускорять это вращение и дальше, пока не дойдет до предела своих возможностей, а затем держаться на этом пределе, сколько сможет, — после чего выйти из упражнения, повторив вышеописанные действия в обратном порядке.

В качестве мантры можно использовать любую фразу; возможно, индуисты правы в том, что для каждого отдельного человека есть своя особая фраза, подходящая ему лучше всего. Некоторым, например, кажется, что певучие мантры из Корана проскальзывают слишком гладко: повторяя такую мантру, можно одновременно думать о чем-то другом, тогда как считается, что при произнесении мантры следует обдумывать ее смысл. Поэтому можно предположить, что ученику желательно составить для себя такую мантру, которая будет символически представлять всю Вселенную в звуке, — подобно тому как Пантакль представляет ее в форме¹. Изредка мантра «дается» практикующему, т.е. неким необъяснимым образом сообщается ему во время медитации. Один человек, например, услышал и в дальнейшем использовал слова «и стремись во всем увидеть Волю Божью»; другому, изо всех сил старавшемуся искоренить в себе мысли, пришли слова «дави сильней», по-видимому, относившиеся к работе центров торможения, которые он задействовал. Воспользовавшись этой фразой, он добился искомого результата.

В идеале, мантра должна быть ритмичной, даже, можно сказать, музыкальной; однако на одном из ее слогов должен стоять особый акцент, который будет способствовать сосредоточению внимания. Для начинающих лучше всего подходят мантры средней длины. Если мантра слишком длинна, ученик станет ее забывать и сбиваться, если только не будет упражняться чрезвычайно усердно на протяжении очень долгого

¹ См. часть II. — *Примеч. А. Кроули.*

Подразумевается глава IX части II («Магия»), см. ниже, стр. 163-173.

времени. С другой стороны, мантры, состоящие из одного-единственного слога, как, например, **Aum** (Ом), слишком отрывисты: они не обеспечивают ритмической повторяемости¹. Вот несколько полезных мантр:

1. *Aum* (Ом).

2. *Aum tat sat Aum* (Ом тат сат Ом). Это чисто спондеическая² мантра.

3. *Aum maṇi padme hūm* (Ом мани падме хум) — два хорей между двумя цезурами³.

4. *Aum śivaya vasi* (Ом шивайя ваши) — три хорей. Обратите внимание, что слог *śi* обозначает покой, абсолютный или мужской аспект божества, а слог *va* — энергию, проявленную или женскую ипостась божества. Таким образом, эта мантра символизирует полный цикл Вселенной — от Нуля до бесконечности и обратно к Нулю.

1 Впрочем, при повторении мантры, содержащей слово «Ом», иногда забываешь остальные слова, но по-прежнему остаешься сосредоточенным, повторяя «Ом» через равные промежутки времени. Однако такая возможность приходит только с опытом, и новичку на нее рассчитывать не следует. — Примеч. А. Кроули.

2 Спондеическая — разделенная на стопы, каждая из которых состоит из двух долгих слогов. Переводы мантр см. ниже, в примеч. 1 на стр. 54.

3 Хорей — двусложная стопа с ударением на первом слоге; цезура — пауза, обозначающая словораздел в стихотворении.

5. *Allah* (Алла). На обоих слогах этой мантры делается одинаковое ударение, а между слогами выдерживается короткая пауза. Факиры обычно сочетают повторение этой мантры с ритмичными раскачиваниями тела из стороны в сторону.

6. *Hiw-Allah ulladhi la ilaha illa hiwa* (Хув-Алла улладхи ла илаха илла хува).

И еще несколько более длинных:

7. Знаменитая *гаятри*:

*Aum! tat savitur varenyam
Bhargo devasya dhimahi
Dhiyo yo nah pracodayat.*

(Ом! тат савитур вареньям
Бхарго девасья дхимахи
Дхийо йо нах пракодаят.)

Это читается как трохаические тетраметры¹.

8. *Qul: Hiw-Allahu ahad; Allahu samad; lam yalid wa lam yulad; wa lam yakuin lahi kufuwah ahad.*

(Кул: Хув-Аллаху ахад; Аллаху самад; лам ялид ва лам юлад; ва лам якун лаху куфуван ахад.)

9. Эта мантра — самая священная из всех существующих и всех возможных. Ее источник — Стела Откровения.

*A ka dua
Tuf ur bin
Bi a'a chefu
Dudi ner af an niteri.*

¹ Т.е. восьмистопный хорей.

IX.

Таким образом, выбор достаточно богат¹.

1 Значения мантр таковы:

1. Ом (Aum) — это звук, образующийся при мощном выдохе из гортани и постепенном смыкании губ. Три звука, из которых он состоит, символизируют созидающее, хранящее и разрушающее начала. Об одной этой мантре можно было бы написать целый том.

2. «О это Сущее! О!» Устремление к реальности, к истине.

3. «О Драгоценность в Лотосе! Аминь!». Подразумеваются Будда и Гарпократ, а также символика Розы и Креста.

4. Эта мантра заключает в себе полный цикл творения. Покой проявляется как Сила, Сила растворяется в Покое.

5. «Бог». Сумма числовых соответствий этого слова — 66, сумма первых одиннадцати чисел.

6. «Он есть Бог, и нет другого Бога, кроме Него».

7. «О! Совершим строгую медитацию на восхитительный свет божественного Савитара (внутреннее Солнце и т.д.). Да озарит он наши умы!» [Вивекананда в «Раджа-йоге» приводит следующий вариант перевода этой мантры: «Да поразмыслим мы о желанном блеске бога Савитара: пусть он укрепит наши мысли». — *Примеч. перев.*]

8. «Скажи:

Он есть Бог единый!

Бог Вечный!

Он не рождает и не был рожден!

Нет никого, подобного Ему!».

[Данная мантра представляет собой 112-ю суру Корана, «Очищение (веры)»: «Скажи: «Он — Аллах — един, Аллах, вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один» (пер. И.Ю. Крачковского). — *Примеч. перев.*]

9. «О высшее Единство въяве!

Пред мощью духа Твоего

Склоняюсь я! В верховной славе

Сияющее Божество!

Пред грозной силою Твоею

Трепещут боги; смерть, робея,

Сама бежит перед Тобой;

Я, я склоняюсь пред Тобой!».

[Текст мантры представляет собой фрагмент транслитерации надписи на Стеле Откровения из Булакского музея. Его буквальный перевод таков: «О Высочайший! Да славится он! Великий в силе своей! Дух, исполненный величия, внушающий страх богам!». — *Примеч. перев.*] — *Примеч. А. Кроули.*

Существует и множество других мантр¹. Шри Сабхапати Свами² приводит по особой мантре для каждой чакры. Но ученику следует избрать какую-либо одну мантру и овладеть ею в совершенстве.

К подлинному владению мантрой вы приблизитесь не раньше, чем ее непрерывное повторение начнет продолжаться и во сне. На деле это гораздо проще, чем кажется.

Некоторые школы рекомендуют сопровождать работу с мантрами игрой на музыкальных инструментах и танцами. Несомненно, такие практики дают весьма примечательные результаты в области развития «магических» сил; однако вопрос о том, насколько это результативно в духовном плане, остается открытым. Тем, кто желает изучить его, напомним, что от Лондона до пустыни Сахара можно добраться за три дня и что «Сиди исавийя», вне сомнения, с радостью примет новых учеников³. Но вернемся к предмету пранаямы, ибо мы

1 В рукописи части I «Книги Четыре» содержится примечание, в котором Кроули приводит еще четыре арабских изречения под общим заголовком «4 суфийских зикра» (зикр, букв. «помянуть», — суфийский аналог мантры, молитвенная формула, содержащая имя Аллаха и предназначенная для многократного произнесения, а также название самой духовной практики повторения подобных формул): «*al-hamdulillah*» (ал-хамдулиллах) («хвала Богу»), «*Allahi akbar*» (Аллаху акбар) («Бог велик»), «*la hawla wa la quwwata illa billah*» (ла хавла ва ла куwwата илла биллах) («нет силы и власти, кроме как у Бога») и «*astaghfirullah*» (астагфируллах) («Да простит меня Бог»). Кроме того, Кроули приводит формулу «*la ilaha ill' Allah*» (ла илаха илля Аллах) («Нет бога кроме Бога»).

2 Шри Сабхапати Свами (1840—?) — тамильский поэт и мистик, буддист, мастер йоги. Родился в Мадрасе (Индия), изучал йогу в Индии и Пакистане и буддизм — в Бирме. Первого самадхи достиг в возрасте 29 лет. Затем начал выступать с лекциями в разных городах Индии и писать книги. По некоторым данным, Кроули встречался с ним во время своего путешествия по Индии в 1902 г. Здесь он ссылается на работу Шри Сабхапати Свами «Ведантическая раджа-йога: древняя тантра-йога риши», впервые опубликованную в 1880 г.

3 «Сиди исавийя» (букв. «прыгающие праведники») — мусульманское религиозно-магическое братство, основателем которого был мистик Абу Мидаллах Мухаммад ибн Иса (1465—1523 или 1526). Практика исавийя включала в себя магические и шаманские ритуалы местных доисламских культур. Братство открыто действовало на территории современных Марокко и Туниса вплоть до середины XX в., после чего было официально запрещено как противоречащее ортодоксальным установлениям ислама. В 1904 г. в Каире Кроули обучался у шейха исавийя: «...я нашел шейха, чтобы учиться арабскому языку и практикам омовения, молитвы и так далее <...> Мой шейх был основательно подготовлен в мистике и магии ислама и, узнав, что я посвященный, без колебаний предоставил мне книги и рукописи по арабской каббале. <...> Этот человек открыл мне также множество секретов Сиди Исавийя: как проткнуть себе щеку стилетом, не пустив крови, как лизать раскаленные докрасна мечи, как есть живых скорпионов и так далее» («Исповедь Алистера Кроули», глава 48).

слишком далеко отклонились от него, увлекшись его речевым эквивалентом, мантра-йогой.

Пранаяма особенно эффективна для умирения эмоций и страстей, а также чрезвычайно полезна для здоровья — то ли потому, что эти упражнения не оказывают механического давления на органы, то ли потому, что они обеспечивают полное сгорание кислорода в легких. В частности, она превосходно устраняет проблемы с пищеварением. Она очищает как тело, так и низшие функции ума¹, и серьезно настроенному ученику следует посвящать ей не менее часа в день ежедневно.

Лучший срок — четыре часа: это золотая середина. Шестнадцати часов для большинства практикующих оказывается слишком много.

Глава III

Яма и нияма

Важнейшее место в своей программе индуисты отводили двум родам практики, способствующим, как считалось, успокоению ума: соблюдению «нравственных качеств» и совершению «добрых деяний».

Яма² включает в себя воздержание от убийства, правдивость, воздержание от воровства, половое воздержание и воздержание от принятия даров.

В буддийской системе точно так же поощряется шила — «добродетель». Однако здесь мирянину даются следующие пять

1 Чрезвычайно важно! Чрезвычайно важно! Чрезвычайно важно! При правильном исполнении пранаяма просто не может сочетаться с эмоционально окрашенными мыслями. К ней следует прибегать немедленно всякий раз, как только возникает опасность утратить спокойствие.

В целом, практики, включающие элемент ходьбы, более полезны для здоровья, чем сидячие упражнения: они обеспечивают возможность пеших прогулок и пребывания на свежем воздухе. Но время от времени все же следует выполнять и сидячие упражнения, сочетая их с медитацией. И, разумеется, если вы стремитесь достичь результатов как можно быстрее, ходьба будет вас отвлекать. — *Примеч. А. Кроули.*

2 «Яма» в буквальном переводе означает «самоконтроль». Подробно о ней пойдет речь в части II (глава «Жезл»). — *Примеч. А. Кроули.*

См. примеч. 2 на стр. 121.

предписаний: не убивай, не кради, не лги, не прелюбодействуй и не пей опьяняющих напитков. Для монахов могут добавляться многие другие запреты.

Всем известны заповеди Моисея, и они довольно близки к вышеперечисленным, равно как и те, которые дал Христос¹ в Нагорной проповеди.

Некоторые из них — не более чем «добродетели» раба, придуманные хозяином, чтобы держать того в повиновении. Но истинный смысл индуистской ямы заключается в том, что нарушение любого из этих правил обычно возмущает спокойствие ума.

Теологи позднейших времен попытались усовершенствовать заповеди Учителей, приписав некий мистический смысл этим добродетелям; соблюдение последних стало самоцелью и выродилось в пуританство и чистую формальность. То самое «воздержание от убийства», которое означало «не ходи охотиться на тигров, чтобы не утратить спокойствие духа», было перетолковано таким образом, что пить непроцеженную воду — это преступление, поскольку при этом погибают микроорганизмы.

Но это постоянное беспокойство, этот страх перед тем, как бы не лишиться кого-нибудь жизни по досадной оплошности, еще хуже, чем схватка один-на-один с медведем гризли. Если нас отвлекает от медитации собачий лай, то проще всего — пристрелить собаку и больше об этом не думать.

Ввиду схожих затруднений, возникающих из-за жен, некоторые учителя стали рекомендовать безбрачие. Но во всех подобных вопросах следует руководствоваться только здравым смыслом. Строгих правил здесь нет и быть не может. К примеру, «воздержание от принятия даров» довольно важно для индуса, который будет несколько недель сам не свой, если кто-нибудь даст ему кокос; но среднестатистический европеец привык спокойно брать, что дают, едва выбрался из коротких штанишек.

Единственная серьезная проблема — это половое воздержание, в связи с которым возникает множество дополнительных соображений, таких как вопрос обмена энергией; но в этом предмете, который одни путают с эротологией, а другие — с социологией, все безнадежно запутались. Ясно мыслить на этот счет мы начнем лишь тогда, когда станем рассматривать

¹ Впрочем, не он первый: эту проповедь целиком можно найти в Талмуде. — *Примеч. А. Кроули.*

упомянутый предмет исключительно как разновидность гимнастики.

На этом тему ямы и ниямы мы можем закрыть, посоветовав следующее: пусть ученик решает сам, какой образ жизни и какой моральный кодекс будет причинять ему как можно меньше беспокойства; но, сформулировав для себя эти правила, пусть придерживается их со всей принципиальностью; и пусть ни в коем случае не ставит себе в заслугу то, что он делает или от чего воздерживается, ибо избранный им кодекс имеет сугубо прикладной смысл и не является самоценным.

Если хирург соблюдает в своей работе чистоту, то на долю протезиста работы уже не остается.

(Проблемы этики достаточно полно рассматриваются в «Тянь Дао» в сборнике «Конх Ом Рах», каковое эссе и следует изучить в данной связи. См. также «Liber XXX» из материалов А.:А.:¹. Кроме того, в «Liber CCXX», «Книге Закона», сказано: «ТВОРИ СВОЮ ВОЛЮ: таков да будет весь Закон»². Запомните, что в настоящем трактате единственным предназначением ямы и ниямы считается достижение такого образа жизни, при котором никакие эмоции и страсти не нарушают спокойствия ума.)

ГЛАВА IV

ПРАТЬЯХАРА

Пратьяхара — это первый из необходимых нам процессов, который будет осуществляться в сфере ума. Все предшествующие практики — асана, пранаяма, яма и нияма — сводились к телесным действиям, а мантраяма была связана с речью; пратьяхара же представляет собой сугубо умственную работу.

Но что такое пратьяхара? Разные авторы употребляют это слово в различных значениях. Оно служит для обозначения как самой практики, так и ее результата. Нам будет удобнее использовать его как название процесса, имеющего не столько тактическое, сколько стратегическое значение. Пратьяхара — это

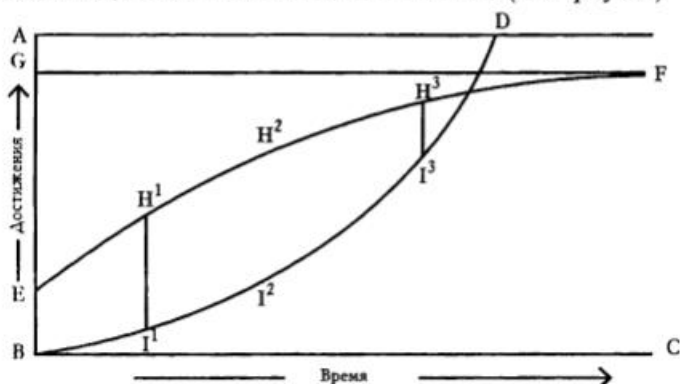
1 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 656—658.

2 «Книга Закона», I:40.

интроспекция, общее обследование содержимого того ума, над которым мы желаем обрести контроль; овладев асаной и устранив все непосредственные причины беспокойства, мы теперь должны думать именно о том, о чем мы думаем.

Нам предстоит опыт, во многом схожий с тем, который мы пережили в ходе работы с асаной. Поначалу мы, скорее всего, будем тешить себя мыслью, что наш ум совершенно спокоен; но причина тому — ошибка в самом способе наблюдения. Египтопеец, впервые стоящий на краю пустыни, не увидит перед собой ничего — тогда как сопровождающий его араб сможет поведать семейную историю каждого из полусотни человек, которых он различает ясно и отчетливо, потому что знает, как надо смотреть. Точно так же и здесь: со временем мысли будут все больше и больше, и каждая из них будет требовать все большего внимания к себе.

Когда мы старались внимательно наблюдать за телом, оно причиняло нам чрезвычайное беспокойство и боль; теперь мы наблюдаем за умом, и обнаруживаем, что он доставляет еще больше беспокойства и боли. (См. график.)

Илл. 3.

Кривая BD показывает уровень контроля над умом, поначалу повышающийся медленно, а затем — быстрее. Она начинается на нуле или в непосредственной близости от него. В точке D достигается абсолютный контроль.

Кривая EF показывает способность к наблюдению за содержимым ума, поначалу улучшающуюся быстро, затем — все медленнее и, наконец, достигающую совершенства в точке F. Для большинства образованных людей начало этой кривой располагается заметно выше нуля.

Высота перпендикуляров H^iI^i показывает степень недовольства, которое испытывает ученик в связи со своей способностью к контролю над умом. Поначалу недовольство возрастает, но в конечном счете сокращается до нулевого.

(Такой же график можно построить и для сравнения между подлинной и мнимой болезненностью асаны.)

Осознав это, мы начинаем пытаться взять процесс под контроль: «Пожалуйста, не надо так много мыслей!», «Думай по-медленнее, пожалуйста!», «Хватит, пожалуйста, не думай больше об этом!» И тут до нас, наконец, доходит: то, что мы принимали за стаю игривых дельфинов, на деле — не что иное, как кольца исполинского морского змея. Всякая попытка подавить процесс мышления сама по себе будоражит ум.

Когда наивный и доверчивый ученик впервые приходит к гуру — вполне святому, но от этого не менее коварному, — и требует, чтобы тот наделил его магической силой, Премудрый Старец отвечает: да, конечно, я дам тебе все, о чем ты просишь, но только с одним условием. А затем, с превеликими осторожностями и напустив на себя чрезвычайную таинственность, указывает какое-нибудь место на теле ученика, на первый взгляд ничем не примечательное, и говорит: «Все, что тебе нужно, чтобы обрести магическую силу, — это омыться в Ганге семь раз на протяжении семи дней подряд, и самое главное — ни в коем случае не думать вот об этом месте». Естественно, бедолага мучается все семь дней кряду, не в силах подумать ни о чем другом, кроме того самого злостного места.

Просто удивительно, с какой настойчивостью может возвращаться к нам снова и снова одна и та же мысль, а то и целая цепочка мыслей! Это становится сущим кошмаром. Особенно раздражает, когда факт вторжения на запретную территорию осознается не сразу, а лишь со временем, задним числом. Однако усердный ученик продолжает день за днем исследовать свои мысли и стараться держать их под контролем, благодаря чему, со временем, получает возможность перейти к следующему этапу — дхаране, попыткам сосредоточить ум на единственном объекте.

Но прежде, чем мы обратимся к этой очередной задаче, попробуем ответить на вопрос: что подразумевается под успешным овладением пратяхарой? Этот предмет весьма обширен, равно как и спектр мнений по этому поводу. По мнению одного автора, анализ должен быть настолько глубоким, чтобы

каждая мысль в итоге распалась на ряд простейших составных элементов (см. «Психология гашиша», раздел V)¹.

Другие полагают, что успех в данной практике сопоставим с опытом сэра Хамфри Дэви², вдохнувшего закись азота и вскричавшего: «Вся Вселенная состоит из одних идей»!

Третьи утверждают, что искомое чувство сродни гамлетовскому «нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает все таковым»³, — причем истолкованному не менее буквально, чем это проделала миссис Эдди⁴.

Но в действительности главная цель пратяхары — это выработать в себе способность к подавлению мыслей. К счастью, для развития такой способности существует безотказный метод. Он описывается в «Liber III»⁵. Освоив разделы I и II (при необходимости — вместе с помощником, который не даст вам потерять бдительность), вы вскоре сможете овладеть и техникой, предложенной в заключительном разделе.

У некоторых людей упомянутая способность может пробудиться неожиданно, в одночасье, подобно тому, как иногда происходит с асаной. Ум внезапно успокоится сам по себе, и нужда в бдительном контроле отпадет естественным образом. Вас охватит восхитительное чувство спокойствия и безмятежности, не имеющее ничего общего с тем тупым оцепенением, что наступает после чересчур обильной еды. Может ли каждый практикующий или даже большинство из них рассчитывать на достижение столь определенного результата — сказать трудно. Но это не имеет особого значения. Достаточно научиться пресекать любую мысль в зародыше, и если вы этого достигли, то можно переходить к следующему этапу.

1 *The Equinox*, I, 2. — Примеч. А. Кроули.

2 Дэви, Хамфри (1778—1829) — английский химик и физик. Проводил на себе эксперименты по изучению физиологического воздействия некоторых газов на организм человека. Известно, что в ходе этих опытов Дэви пристратился к вдыханию закиси азота (которой он дал название «веселящий газ») и утверждал, что этот газ обладает всеми положительными свойствами алкоголя и ни одним из его недостатков.

3 У. Шекспир, «Гамлет», акт II, сцена II (рус. пер. М. Лозинского).

4 Эдди, Мэри Бейкер (1821—1910) — американская религиозная деятельница, основательница движения «Христианская наука», основанного на Библии и практиках «духовного врачевания». Проповедовала учение, согласно которому все в мире иллюзорно, кроме божественного разума.

5 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 644—647.

ДХАРАНА

Научившись наблюдать за умом и до некоторой степени разобравшись в том, как он работает, мы можем теперь попытаться собрать все силы ума воедино и сосредоточить их на одном-единственном объекте.

Нам известно, что обычный образованный человек способен без особого труда и почти не отвлекаясь размышлять о предмете, вызывающем у него большой интерес. Существует даже разговорное выражение «крутить что-либо в голове»; и заниматься этим действительно довольно легко, при условии что предмет наших размышлений достаточно сложен, а мысли текут свободно. Пока гироскоп находится в движении, он не падает и даже сопротивляется попыткам столкнуть его с опорной поверхности; но, стоит ему остановиться, как он тотчас же упадет. Если бы Земля прекратила свое движение по орбите, она тотчас же упала бы на Солнце.

Таким образом, выбрав какой-нибудь простой (или, скажем так, достаточно простой) объект и представив его себе, или визуализировав, ученик сию же секунду поймет, что не вправе считать себя его единоличным создателем и владыкой. То и дело будут приходить другие мысли, заставляющие забывать об избранном объекте порой даже на несколько минут кряду; а время от времени и сам объект будет выкидывать всевозможные фортели.

Допустим, вы выбрали белый крест. Очень скоро он примется ерзать перекадиной, удлинять ее, укорачивать, перекашивать, растягивать то один ее конец, то другой, переворачиваться вверх тормашками, отращивать ветви, покрываться трещинами или рисунками, вообще преобразаться до неузнаваемости, как амеба, увеличиваться и уменьшаться, приближаться и отдаляться, становиться то светлее, то темнее, в то же время меняя цвет... Он будет покрываться полосами, пятнами и разнообразными узорами, падать и подниматься, вертеться волчком, прятаться за облаками и выглядывать вновь, — одним словом, беззастенчиво вытворять все, что ему только взбредет в голову. Не говоря уже о том, что

время от времени он будет исчезать вовсе, уступая место чему-нибудь совершенно другому.

Если вы ни разу не сталкивались ни с чем подобным, даже и не думайте, что вы хоть раз в жизни медитировали по-настоящему. Это означает, что вы вообще не в состоянии сосредоточиться хоть немного. Если все идет гладко, то ученик может потратить впустую не один день, прежде чем поймет, что на самом деле он вовсе не медитирует. В настоящей медитации объект ведет себя настолько безобразно, что волей-неволей выходишь из себя, — и вот тут начинаются настоящие трудности. В игру наконец вступает Воля, и ученику предстоит подлинная проверка на прочность. Если бы Воля его не развила в ходе овладения асаной, он, скорее всего, сдался бы и отступил почти сразу. Однако все физические мучения, которые он претерпел на том этапе, — сущие пустяки в сравнении с чудовищной скукой дхараны.

Правда, поначалу, неделю или около того, это кажется довольно забавным. Вы даже можете возомнить, будто делаете успехи; но постепенно, с опытом, вы научитесь верно оценивать свой прогресс и поймете, что в действительности ваши дела идут все хуже и хуже.

Пожалуйста, имейте в виду, что выполнять эту практику следует, сидя в асане и держа под рукой записную книжку и карандаш, а перед собой — часы. На первых порах сеансы должны длиться не дольше десяти минут, иначе мозг может переутомиться. На деле вы обнаружите, что всей вашей силы Воли недостаточно, чтобы удерживать объект хотя бы в течение трех минут, а уж сосредоточиться на нем по-настоящему не удастся вовсе — не то что на три секунды, а даже на три пятых одной-единственной секунды. Под «удержанием объекта» я здесь подразумеваю всего лишь попытки его удерживать. Ум настолько устает, а сам объект начинает вызывать столь невероятное омерзение, что продолжать упражняться в таком состоянии становится совершенно бесполезно. Обратившись к дневникам брата Р[erdurabo], мы увидим, что даже через полгода ежедневных упражнений сеансы длились всего лишь по четыре минуты, а то и меньше.

Ученик должен подсчитывать, сколько раз в течение сеанса он отвлечется; это можно делать, загибая пальцы или

перебирая четки¹. Если отвлечения становятся со временем все более частыми, пусть вас это не смущает: отчасти это объясняется возрастающей с опытом наблюдательностью. Точно так же введение вакцинации в свое время повлекло за собой мнимый рост случаев заболевания оспой: многие люди, прежде скрывавшие ее симптомы, теперь стали говорить о своей болезни правду.

Впрочем, относительно скоро сила самоконтроля начнет опережать в своем развитии рост наблюдательности. После этого вы уже сможете полагаться на свои записи как достаточно точный показатель прогресса, — а сам прогресс станет вполне устойчивым. Отклонения от графика на этом этапе, как правило, происходят лишь по случайности — к примеру, если вы приступили к занятиям в состоянии сильной усталости, с головной болью или несварением желудка. Если вы себя плохо чувствуете, лучше перенести занятия на другое время.

Итак, предположим, что путем длительной практики вы довели среднюю продолжительность сеансов до получаса, а среднее количество отвлечений — до десяти—двадцати за один сеанс. Казалось бы, это должно означать, что в промежутках между отвлечениями вы сохраняете полную сосредоточенность, — но в действительности это не так. Мысли все равно скачут, хотя вы этого и не замечаете. Впрочем, даже на этой ранней стадии некоторым удастся достигать подлинной концентрации, вполне достаточной для возникновения некоторых необычных явлений. Самое примечательное из них — то самое состояние, в котором вам может показаться, что вы на какое-то время заснули. Или же вы вовсе не найдете этому никакого объяснения, но в любом случае будете возмущены своей кажущейся оплошностью. Так или иначе, феномен этот сводится к неожиданному провалу в памяти: **вы вдруг начисто забудете, кто вы, где вы и чем занимаетесь.** Подобное состояние мы иногда испытываем по утрам, когда еще не проснулись толком и не можем сообразить, в каком городе мы живем. Сходство

¹ Довольно скоро такое подсчитывание станет привычным и чисто механическим. Движение, фиксирующее факт отвлечения, ассоциативно свяжется с самой мыслью о том, что вы отвлеклись.

Более грубые случаи отвлечения можно подсчитывать с помощью другого человека, наблюдающего за ходом вашей работы. Сигналом о том, что вы отвлеклись, станет характерное подрагивание век. С опытом ваш помощник научится различать даже случаи краткой потери сосредоточенности. — *Примеч. А. Кроули.*

между двумя этими явлениями не случайно. Из него можно сделать вывод, что в такие моменты во время медитации вы на самом деле пробуждаетесь ото сна, который люди называют бодрствованием, — сна, в котором нам снится вся наша жизнь.

Оценить свои успехи в этой практике можно и другим способом, а именно — по преобладающему характеру отвлечений.

Разновидности *отвлечений* таковы:

по-первых, отвлечения, возникающие из-за физических ощущений. К этому времени вы уже должны были преодолеть их, освоив асану;

по-вторых, отвлечения, возникающие в связи с событиями, непосредственно предшествовавшими медитации. Под влиянием этих событий ум развивает чрезвычайно бурную деятельность. Только практикующий дхарану начинает по-настоящему понимать, как много впечатлений мы на самом деле воспринимаем, не отдавая себе в этом отчета;

и-третьих, отвлечения, которые можно классифицировать как погружение в фантазии или грезы наяву. Это очень коварное состояние: в нем можно провести довольно много времени, даже не осознавая, что мы отвлеклись;

и-четвертых, отвлечения весьма тонкого свойства, представляющие собой абerrации самоконтроля как такового. К примеру, вас посещает мысль: «Как хорошо у меня все получается!» Или, допустим, вы начинаете воображать, как было бы здорово сейчас оказаться на необитаемом острове, в звуконепроницаемом доме или под струями водопада. В действительности все подобные мысли только нарушают сосредоточение;

и-пятых, отвлечения, обнаружить источник которых, по всей видимости, невозможно. (Они могут выражаться в форме настоящих галлюцинаций, как правило, слуховых). Предполагается, галлюцинации бывают нечасто, и будем надеяться, что ученик всегда может опознать их как таковые (в противном случае ему стоило бы обратиться к врачу). Обычно при этом слышатся какие-то отдельные фразы или обрывки фраз, внятно произнесенные человеческим голосом, но не голосом самого ученика или кого-либо из его знакомых. Со схожим явлением сталкиваются телеграфисты, списывающие его на «атмосферные помехи».

И, наконец, *последняя разновидность отвлечений* — *сам результат, к которому стремится практикующий*. Этот вопрос подлежит подробному рассмотрению, и позднее мы к нему вернемся.

А покамест отметим, что перечисленные типы отвлечений выстраиваются в четкую последовательность. По мере возрастания самоконтроля количество отвлечений первого и второго рода сокращается, даже если общее число отвлечений за сеанс медитации остается в среднем неизменным. И когда вы сможете посвящать медитации два—три часа в день, а остаток суток заполнять другими способствующими ей практиками, когда в ходе медитации вы почти каждый раз будете «забывать себя» и когда вся ваша жизнь наполнится постоянным предчувствием того, что «вот-вот случится нечто потрясающее», тогда, наконец, придет время для перехода к следующей ступени практики — дхьяне.

ГЛАВА VI

ДХЬЯНА

Это слово имеет два совершенно различных и взаимоисключающих значения. Первое относится к результату практики. [Санскритское] слово «дхьяна» тождественно палийскому «джхана». Будда насчитывал восемь джхан, представляющих собой, по всей видимости, различные степени и разновидности транса. Индуисты также говорят о дхьяне как о низшей ступени самадхи. Однако некоторые авторы, наоборот, обозначают этим словом нечто вроде дхараны высшей ступени. Патанджали утверждает: «Дхарана есть сосредоточение ума на определенном предмете. Непрерывный поток знания об этом объекте есть дхьяна. Самадхи же наступает, когда ум, отрешаясь от форм, сосредоточивается только на сути»¹. Эти три состояния он объединяет под названием «самьяма».

Мы будем рассматривать дхьяну не столько как метод, сколько как результат. Вплоть до этого момента мы вполне могли полагаться на древних учителей, вынося за скобки разве что

¹ Патанджали, «Йога-сутра», III:1—4.

их невразумительную этику; но когда дело доходит до результатов медитации, они теряют голову бесповоротно.

Они выжимают все что можно из поэзии в своих попытках провозгласить заведомую ложь. К примеру, в «Шива-самхите» утверждается: «Того, кто всегда размышляет над этим лотосом в сердце, желают небесные девы. Он получает неизмеримое знание, знает прошлое, настоящее и будущее, обладая способностью ясновидения и яснослышания, и может путешествовать по воздуху»¹. В результате другой практики йогин якобы обретает способность «создавать золото, видеть посвященных, открывать средства от болезней и находить скрытые сокровища»². Все это полная чушь. Что за проклятие лежит на всякой религии, неизбежно опутывающее ее догматы паутиной нелепостей и лжи?!

Впрочем, есть одно исключение. Это А.:А.:, члены которого всеми силами остерегаются выступать с утверждениями, не поддающимися проверке обычными средствами; если же без этого никак не обойтись, то, по крайней мере, избегают догматических формулировок. Во второй книге обращенных к ним практических наставлений, «Liber O», говорится:

Определенные действия влекут за собой определенные результаты; но ученику ни в коем случае не следует приписывать им объективную реальность или философскую значимость³.

Вот золотые слова!

Поэтому, приступая к рассуждению о дхьяне, мы прежде всего должны осознать со всей ясностью, что нам предстоит столкнуться с чем-то неожиданным.

Мы должны рассмотреть сущность этого явления и оценить его значимость совершенно беспристрастно, не впадая в славословия, обычные для подобных описаний, и не пытаемся вывести из своих наблюдений некую теорию мироустройства. Одного-единственного нового факта подчас достаточно,

1 «Шива-самхита», V:85—86.

2 Там же, V:82.

3 Цит. по: «Liber O vel Manus et Sagitta sub figura VI» // *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 570.

чтобы разрушить принятую теорию. Но построить целую теорию на одном-единственном факте невозможно.

Следует иметь в виду, что дхарана, дхьяна и самадхи представляют собой некий непрерывный процесс. Когда именно этот процесс достигнет кульминации — не так уж важно. Но говорить мы будем как раз о его кульминации, *поскольку ее можно познать на опыте*, — и опыт этот, заметим, весьма неординарен.

Практикуя сосредоточенность, мы обратили внимание на то, что содержимое ума в любой данный момент времени подразделяется на две, и только две части: переменную — Объект и постоянную — Субъект; по крайней мере, нам кажется, что дело обстоит именно так. Достигнув успеха в дхаране, мы добились того, что объект стал таким же неизменным, как и субъект.

Теперь же, в результате этого достижения, две упомянутые части сливаются воедино. Обычно это сопровождается невероятным потрясением. Описать это не под силу даже подлинным мастерам слова, поэтру не удивительно, что полуборозованные заики способны лишь барахтаться в океане сентиментальных восторгов.

Это событие, сокрушающее самые основы ума и превращающее всю нашу прежнюю жизнь в сущее ничтожество по сравнению с пережитым опытом, неизбежно придает всем нашим поэтическим чувствам и эмоциям некую экстатическую окраску.

Хороший литературный слог — это, в сущности, умение выражать ясные наблюдения и здравые оценки как можно более простым языком. Именно поэтому очевидцам никогда не удастся хорошо живописать великие исторические события (такие, как землетрясения и битвы), если только эти очевидцы не находились в момент катастрофы вне опасности. Но в случае с дхьяной слова остаются бессильны даже тогда, когда мы привыкаем к этому опыту, переживая его снова и снова.

Одну из простейших разновидностей дхьяны можно описать как «солнце». Это солнце, которое видится как бы самому себе, а не стороннему наблюдателю; и хотя воспринять его физическим зрением невозможно, приходится признать, что это «солнце» сияет гораздо ярче Солнца Природного. Весь этот опыт относится к некоему высшему плану.

Кроме того, полностью упраздняются все ограничения, налагаемые мыслью, временем и пространством. Что в действительности это означает, объяснить невозможно; понимание данного феномена даст вам только личный опыт.

(Этому также находят аналогии в обыденной жизни: новичок не в состоянии уловить идеи высшей математики, и объяснить их непосвященному невозможно.)

Следующий этап — явление Формы, которую неизменно описывают как человеческую; хотя далее описывающие ее люди добавляют множество подробностей, вовсе не имеющих отношения к человеческому облику. Как правило, данное явление принимают за «Бога».

Но, что бы оно собой ни представляло, воздействие его на ум колоссально: под его влиянием все мысли человека устремляются к пределу своего развития. Человек искренне верит, что его помыслы удостоились божественного одобрения или даже, быть может, исходят от самого этого «Бога». Он **возвращается в мир, вооруженный этой страстной убежденностью и облеченный высшим авторитетом.** Он провозглашает свои идеи без малейших ограничений, какие налагают на большинство людей сомнения, скромность или застенчивость¹; однако можно предположить, что подлинное просветление наступит еще не на этом этапе.

Впрочем, так или иначе, люди в большинстве своем всегда готовы последовать за человеком столь властным и необычным. История знает немало случаев, когда какой-нибудь офицер выходил с голыми руками против толпы взбунтовавшихся солдат и одной лишь силой убеждения заставлял их сложить оружие. Какую власть может обрести над толпой оратор, всем известно. Вероятно, именно по этой причине пророку удастся сковать человечество цепями своего закона. Ему просто в голову не приходит, что кто-нибудь может его ослушаться. На практике же можно спокойно миновать любого стража — хоть часового, хоть билетера, — если каким-то образом внушить ему, что вы имеете право пройти на охраняемую территорию без спроса.

¹ Эту невооруженность не следует путать с подобными состояниями, сопутствующими опьянению или сумасшествию. Они и впрямь разительно схожи между собой, но лишь на поверхностном уровне. — *Примеч. А. Кроули.*

Между прочим, именно эту способность подразумевают маги, говоря о «невидимости». Где-то я слышал замечательную историю о том, как четыре вполне благонадежных человека караулили у дома потенциальной жертвы, чтобы предотвратить убийство. Им было строго-настрого велено никого не впускать; и впоследствии — уже над трупом — все четверо поклялись, что никого не видели. Как затем оказалось, никто из них не обратил внимания на почтальона.

Воры, похитившие «Джоконду» из Лувра, скорее всего, переоделись рабочими и вынесли картину прямо из-под носа у охранника, а то и попросили его помочь¹.

Для того, чтобы нечто произошло, необходимо лишь твердо поверить в то, что это должно случиться. Но чисто эмоционального верования, как и чисто интеллектуальной убежденности здесь недостаточно. Вера, о которой идет речь, коренится в какой-то более глубокой области психики — хотя, впрочем, не настолько глубокой, чтобы для большинства людей — вероятно даже, для всех людей преуспевающих, — сказанное здесь не осталось неясным: они и сами имеют подобный опыт и могут сравнить его с вышеописанным.

Однако самая важная составляющая дхьяны — исчезновение Эго. Чтобы признать ценность такого результата, мы должны полностью пересмотреть свою картину мира; и сейчас как раз настало время осмыслить, что же при этом происходит на самом деле.

Согласимся, что мы дали весьма разумный ответ на вопрос, чем объясняется величие великих людей. Они пережили опыт настолько ошеломляющий и настолько несопоставимый со всем остальным, что просто перестали замечать все те мелкие препятствия, которые мешают обычному человеку осуществлять свои замыслы.

Почти все мы без исключения связаны по рукам и ногам мыслями о том, во что одеваться, чем питаться, где брать деньги; беспокойством о том, что, как и почему подумают о нас

¹ «Джоконда» была похищена из Лувра в 1911 году итальянским маляром Винченцо Перуджи, который действовал практически таким способом, как описано в тексте, с той лишь разницей, что переодеваться ему не пришлось: он входил в состав малярной артели, работавшей в Лувре. Спустя два года Перуджи был задержан при попытке продать «Джоконду» и приговорен к году тюремного заключения, а картина вернулась в Лувр.

другие люди; и, самое главное, страхом последствий, которые повлекут за собой те или иные наши действия. Теоретически говоря, анархисту проще простого убить короля. Достаточно купить винтовку, набить руку в стрельбе и поразить свою цель с расстояния в четверть мили. Однако покушения на царственных особо случаются крайне редко, хотя анархистов на свете полно-полно. В то же время, полицейские с готовностью подтвердят, что человек, который устал от жизни по-настоящему, в самой глубине своего существа (и, соответственно, находится в совершенно ином состоянии, нежели человек, просто *утверждающий*, что устал от жизни), запросто может убить кого-то другого, прежде чем наложить на себя руки.

Вот такую свободу обретает человек, переживший интенсивный опыт дхьяны. Вселенная перестает существовать для него, а он сам — для Вселенной. Поэтому отныне его Воля может продвигаться к своей цели беспрепятственно. В случае с Мухаммедом можно предположить, что он долгие годы лелеял некие колоссальные амбиции, но не предпринимал ничего для их воплощения в жизнь, ибо те самые качества, которые впоследствии выразились в форме государственной мудрости, твердили ему, что изменить что-либо ему не под силу. Но видение, явившееся ему в пещере, наделило его необходимой уверенностью в себе — той самой верой, что движет горы. В этом мире предостаточно вещей, которые лишь кажутся непоколебимыми: на самом деле их способен повалить даже ребенок, да только никому не хватает смелости подойти и толкнуть.

Итак, временно примем наше объяснение величия за данность и двинемся дальше. До сих пор нами тоже руководили амбиции; но теперь практика стала интересовать нас как самоцель.

(С нами произошло нечто из ряда вон выходящее: мы пережили опыт, в сравнении с которым вся любовь, слава, чины, амбиции и богатство не стоят и тридцати медяков. Нам ничего не остается, как с жаром вопрошать: «Что есть истина?» Вселенная рухнула нам на голову, точно картонный домик, и вместе с нею рухнуло наше «я». Но с этим крушением перед нами распахнулись Врата Небес! Здесь заключена огромная проблема, и нечто внутри нас страстно жаждет ее разрешения.

Посмотрим, как это можно объяснить.

Уравновешенный ум опытного естествоиспытателя первым делом предположит, что мы попросту перенесли тяжелое психическое потрясение. Как от удара по голове у человека «сыплются искры из глаз», так и здесь чудовищное напряжение дыхания каким-то образом перевозбуждает мозг и вызывает спазм или даже разрыв небольшого кровеносного сосуда. Мы не видим причин сбрасывать со счетов такое объяснение; но было бы крайне нелепо заключить, что, принимая его, мы тем самым отвергаем ценность описываемой практики. Спастические сокращения — это естественная функция по меньшей мере одного из органов тела. А о том, что данная практика не наносит мозгу никаких повреждений, свидетельствует тот факт, что многие люди, которые, по собственным их словам, переживали этот опыт неоднократно, продолжают после него заниматься обычными житейскими делами столь же активно, как и прежде.

Таким образом, физиологический аспект можно смело отбросить. Он не поможет ответить на главный вопрос, а именно: какова ценность личных свидетельств о пережитом опыте дыхания?

Это вопрос чрезвычайно сложный, и он влечет за собой еще одну проблему гораздо более общего свойства: какова ценность свидетельских показаний вообще? Каждая мысль, какую мы только можем себе представить, в то или иное время ставилась под сомнение, за исключением мысли, которую можно выразить посредством вопросительного знака, ибо, усомнившись в этой мысли, мы тем самым превращаем ее в утверждение. (Подробно эта идея рассматривается в эссе «Солдат и горбун»¹.) Но, помимо этого глубинного философского недоверия, остаются еще чисто практические сомнения повседневного толка. Расхожее выражение «не верить собственным чувствам» подразумевает, что в обычных условиях мы полностью доверяем показаниям своих чувств; однако настоящий ученый так не поступает. Он твердо знает, что чувства постоянно его обманывают,

¹ *The Equinox*, I, 1. — Примеч. А. Кроули.

Ср. следующий фрагмент из указанного эссе: «Юм приставил свой скромный “?” к берклианскому Богу-“!”; Будда — свой “?” к ведическому Атману-“!”; и оба они — и Юм, и Будда — были вознаграждены без промедления. Мы не нашли для себя “!”, подходящего для этой процедуры, но никто не мешает нам приставить “?” к нашему собственному “?”; и то-то будет радости, если второй наш “?” внезапно распрямится и — ать-два, грудь колесом — зашагает бодрым маршем в обличье “!”».

и изобретает сложные инструменты, призванные исправлять ошибки чувственного восприятия. И, более того, он осознаёт, что та Вселенная, которую мы непосредственно воспринимаем при помощи органов чувств,— это лишь микроскопическая часть Вселенной, известной ему опосредованно.

К примеру, воздух на четыре пятых состоит из азота. Если бы кто-то откупорил в этой комнате бутылку с азотом, то определить задним числом, какой газ содержался в бутылке, было бы очень сложно. Практически ни один тест не показал бы ничего внятного, а свидетельства органов чувств дали бы и того меньше.

Аргон и вовсе удалось открыть только благодаря тому, что исследователи на каком-то этапе решили еще раз сравнить вес химически чистого азота с весом азота в составе воздуха. Это и раньше проделывали неоднократно, но только теперь появились инструменты, достаточно чувствительные, чтобы уловить разницу. Или возьмем другой пример: не так давно один знаменитый ученый заявил, что наука никогда не сможет установить химический состав звезд. Однако вскоре эта задача была решена, и притом со всей определенностью.

Возьмите ученого и спросите, в чем, по его мнению, заключается «теория реальности». И он вам ответит, что «эфир» — тот самый, который невозможно ни воспринять посредством органов чувств, ни выявить при помощи инструментов и который обладает такими качествами, каких, попросту говоря, в природе быть не может,— так вот, этот самый «эфир» несравненно более реален, чем стул, на котором сейчас восседает наш ученый. Стул — это всего лишь единичный факт; и его существование подтверждается всего лишь чувствами одного человека, далеко от непогрешимости. А существование эфира — это неизбежный вывод из миллионов фактов, многократно проверенных и перепроверенных и выдержавших всевозможные испытания на истинность. Поэтому мы не вправе априори отрицать существование какого бы то ни было объекта на том лишь основании, что этот объект недоступен чувственному восприятию.

Теперь подойдем к проблеме с другой стороны. Одним из испытаний на истинность для нас служит яркость впечатления. Единичное и не слишком важное событие может скоро изгладиться из памяти, а если все же припомнится, то

настолько смутно, что мы начнем задаваться вопросом: «Мне это приснилось или произошло на самом деле?» Но события *катастрофического* характера не забываются никогда. Мы никогда не забудем (к примеру), как смерть впервые похитила одного из людей, которых мы любим, ибо в тот день мы впервые по-настоящему *осознали* то, о чем до сих пор только *знали*. Столкнувшись с чем-то подобным, можно в буквальном смысле лишиться рассудка. Иные ученые сводят счеты с жизнью, когда рушатся их излюбленные теории. Во всех подробностях эта проблема рассматривается в работах «Наука и буддизм»¹, «Время», «Верблюд»² и в ряде других статей. Здесь же по этому поводу можно сказать только одно: **дхьяну определяют как самое яркое и самое катастрофическое из впечатлений, какие только может испытать человек.** Это подтвердит каждый, кому довелось с ней столкнуться.

Таким образом, значимость данного переживания для индивида трудно переоценить, тем более что этот опыт ниспровергает все его представления о мире, включая и самое глубокое из всех возможных представлений — тот стандарт, с которым он всегда соотносил всё и вся, — а именно, его собственное «я». Попытавшись списать подобный опыт на галлюцинацию, временное умопомешательство или нечто в таком же роде, мы очень скоро убедимся, что нам это не под силу. С молнией, только что сбившей тебя с ног, не поспоришь!

Опровергнуть чистую теорию не составило бы труда. Всегда можно найти ошибки в цепи рассуждений или обнаружить, что предпосылки в чем-то неверны; но в данном случае, при попытках оспорить истинность дхьяны, нас останавливает тот поразительный факт, что попытки оспорить на тех же основаниях любой другой опыт увенчались бы успехом гораздо быстрее.

С какой бы стороны мы ни подошли к этой проблеме, результат всякий раз будет один и тот же. **Возможно, опыт дхьяны иллюзорен; но в таком случае иллюзорно и все остальное.**

Так или иначе, ум не желает успокоиться на предположении о том, что испытанные им переживания нереальны.

1 См. Кроули, «Собрание сочинений», [том II]. — Примеч. А. Кроули.

2 Эссе «Время» также вошло во второй том «Собрания сочинений» Кроули. Эссе «Верблюд» впервые было опубликовано в журнале «Оккалт Ревью» (XIII:43) в апреле 1911 года.

Возможно, они представляют собой не то, чем кажутся; но должны же они хоть что-то собой представлять! И если вся наша обыденная жизнь представляет собой хоть что-то, сколь же более значимым должно быть то, в свете чего эта обыденная жизнь кажется ничтожной!

(Обычный человек осознаёт обманчивость, бессвязность и бесцельность сновидений и считает их (вполне справедливо) порождениями неорганизованного ума. Философ взирает с таким же презрением на жизнь наяву; и схожего мнения придерживается человек, переживший дхьяну, — с той лишь разницей, что в его случае речь идет не об одном лишь шатком интеллектуальном представлении. Голые рассуждения, пусть даже сколь угодно связные, никогда не могут убедить в чем-либо до конца; но человек в состоянии дхьяны пребывает в такой же заурядной убежденности, как обычный человек, пробудившийся от ночного кошмара. Последний говорит себе: «Я вовсе не падал ни с какой лестницы в тысячу пролетов высотой, это был просто дурной сон».

Точно так же и человек, испытавший дхьяну, осознаёт: «Я вовсе не какое-то жалкое насекомое, не какой-то незаметный паразит на теле Земли; это был просто дурной сон». И точно так же, как проснувшегося человека невозможно убедить, что его кошмар реальней яви, так и пережившего дхьяну невозможно убедить, что его опыт был всего лишь галлюцинацией, — пусть даже он прекрасно понимает, что выпал из этого состояния и вернулся к «нормальной» жизни.

По всей вероятности, редко бывает так, чтобы картина мира преобразилась столь радикально вследствие одного-единственного опыта дхьяны; точно так же в первые несколько секунд после пробуждения мы иногда не можем понять, что реально — сон или явь. Но если этот опыт повторяется, ученик постепенно привыкает к нему, осваивается в новом мире и, наконец, убеждается в его реальности окончательно¹.

1 Мы пока что не располагаем никакими данными, позволяющими установить продолжительность дхьяны. Можно утверждать лишь, что она длится на период между таким-то и таким-то часом, а, следовательно, продолжалась меньше этого временного промежутка. Судя по записям Брата [Ludwig], весь опыт дхьяны может уложиться в один час пять минут. — *Примеч. А. Кроули.*

Еще одно рационалистическое соображение таково: ученик стремится отнюдь не возбудить, а, напротив, успокоить ум; не вызвать какую-либо мысль, а, напротив, изгнать все мысли без исключения (ведь дхьяна никак не связана с конкретным объектом медитации). Почему же мы должны предполагать, что в какой-то момент весь этот процесс внезапно нарушается? Тем более что впоследствии не остается никаких следов подобного нарушения — боли, усталости и т.п. Здесь, в отличие от многих других случаев, самое простое объяснение подсказывает индуистский образ.

Представим себе озеро, в которое сползают пять ледников. Эти ледники — не что иное, как наши физические чувства. В озеро постоянно падают откалывающиеся льдины, поэтому вода в нем неспокойна. Но если ледники остановят свой ход, вода успокоится — и тогда, наконец, в ней отразится солнце. Это солнце и есть «душа» или «Бог».

Впрочем, последних двух терминов мы пока что будем избегать, ибо они нагружены лишними ассоциациями. Давайте лучше опишем это солнце как «некий непознанный объект, существование которого до сих пор скрывали от нас все познанные объекты и сам познающий субъект».

Не исключено, что наша память о дхьяне — это память не о самом явлении, а о том впечатлении, который оно оставило в нашем уме. Однако то же самое можно сказать и о любом другом явлении, как неопровержимо доказали Беркли и Кант. Таким образом, этот вопрос мы вправе считать закрытым.

Ввиду вышесказанного, мы также вправе условно допустить, что дхьяна реальна; и даже более реальна и, следовательно, более важна для нас, чем любой другой опыт. Это состояние описывали не только индуисты и буддисты, но и мусульмане, и христиане. Однако христиане, ввиду глубоких догматических предрассудков, не приводят в своих сочинениях никаких сведений, способных принести пользу обычному человеку. Они обходят молчанием подлинно важные предпосылки дхьяны, заостряя внимание на несущественных деталях в гораздо большей степени, чем лучшие из индуистских авторов. Но искушенный исследователь, сведущий в сравнительном религиоведении, все равно с уверенностью распознает тождество. А теперь настало время обратиться к самадхи.

Грунды по поводу самадхи написано уже вполне достаточно, так что нам следует приложить все усилия, чтобы не увеличить эту мусорную кучу. Даже Патанджали, исключительно ясно и практично рассуждающий о большинстве предметов, начинает бредить, стоит лишь ему коснуться этой темы. Даже если бы за его словами стояла чистая правда, лучше бы он о ней умолчал, потому что выглядит она совершенно неправдоподобно, а если уж мы позволяем себе заведомо невероятное утверждение, то должны быть готовы тотчас подкрепить его исчерпывающими доказательствами. Впрочем, более чем вероятно, что его слова были ложно истолкованы комментаторами.

Из всех признанных авторитетов в этом вопросе самое разумное определение дает Яджнавалкья¹: «Пранаяма очищает тело, дхарана — ум, пратьяхара — привязанности, а самадхи изгоняет все, что мешает осознать владычество Души». Вот подлинно скромное утверждение, высказанное, вдобавок, хорошим слогом. Постараемся взять с него пример!

Во-первых, каков смысл самого этого термина? Этимологически *sam* тождественно греческому префиксу *syn-* и английскому *syn-*, означающим «вместе с...». *Adhi* означает «Господь», так что здравый смысл подсказывает перевести целое слово как «Единение с Богом». Это тот самый термин, которым обозначали свое достижение христианские мистики.

Но тут возникает страшная путаница, поскольку буддисты объясняют словом самадхи нечто совершенное иное, а именно — просто внимание как таковое. Для них подумать о кошке значит «совершить самадхи» с кошкой. А мистические состояния они описывают словом джхана. В этом источник множества недоразумений, ибо, как было сказано в предыдущей главе, дхьяна есть состояние, предваряющее самадхи, а джхана, это, разумеется, не что иное, как простонародное палийское искажение слова дхьяна².

¹ Яджнавалкья — автор трактата «Йога-Яджнавалкья» (ок. III—V вв. н. э.), цитату из него Кроули приводит по «Раджа-йоге» Вивекананды.

² Вульгарность и провициональность буддийского канона внушает бесконечное отвращение любому утонченному уму, и только зловерный идиот может толковать в терминах эгоцентрической философии психологию,

Существует множество разновидностей самадхи¹. Некоторые авторы полагают, что первое подлинное самадхи — это атмадаршан, восприятие Вселенной как единого необусловленного явления. Согласившись с ними, мы будем вынуждены перенести многие не столь возвышенные состояния в категорию дхьяны. Патанджали перечисляет ряд таких состояний. Достижение их дарует те или иные магические способности; по крайней мере, так он утверждает, а для дискуссии на эту тему здесь не место. Существуют десятки способов обрести магические способности для тех, кто желает именно этого.

Сила возрастает быстрее, чем желание. Допустим, мальчик хочет купить оловянных солдатиков и начинает зарабатывать деньги; но к тому времени, как скапливается нужная сумма, ему хочется уже не солдатиков, а чего-то другого — и, скорее всего, этот новый предмет оказывается ему не по средствам.

В точности такова же блистательная история всякого духовного развития! Никто никогда не задерживается, чтобы взять награду.

Поэтому мы не станем рассуждать о том, что может и чего не может дать самадхи в плане результатов, которым можно найти применение в жизни. Напомним, что эту книгу мы начали с рассуждения о смерти. К данному моменту сама идея смерти потеряла всякий смысл. Ведь она, в свою очередь, определяется идеями Эго и времени, а так как последние были уничтожены в ходе нашей практики, то ныне «поглощена смерть победой»². Теперь нас интересует только самадхи как таковое и условия, необходимые для его осуществления.

Давайте попытаемся выработать окончательное определение. Дхьяна подобна самадхи во многих отношениях. И в том, и в другом состоянии «я» сливается воедино с «не-я»; и в том, и в другом случае человек теряет чувство времени, пространства и причинности. Исчезает всякая двойственность во всех

основанную на доктрине отказа от Эго. Отвергнем же без малейших колебаний эти мерзости, эти гнусности нищих попрошайек, облаченных в лохмотья, похищенные с трупов, и будем придерживаться этимологического значения данного слова, указанного выше. — *Примеч. А. Кроули.*

1 По крайней мере, такова видимость. Имеется в виду, что проявления самадхи разнообразны. Но все они, вероятно, имеют одну и ту же причину, по-разному преломляющуюся в различных средах. — *Примеч. А. Кроули.*

2 I Кор. 15:54.

се формах и проявлениях. Идея времени подразумевает существование двух объектов, последовательно сменяющих друг друга, идея пространства — двух несовпадающих объектов, а идея причинности — двух объектов, связанных между собой.

Эти особенности состояния дхьяны противоречат условиям обыденного мышления, но в состоянии самадхи они проявляются гораздо более ярко, чем в опыте дхьяны. И если в последнем это выглядит просто как соединение двух объектов, то в первом — так, словно все объекты без исключения устремляются навстречу друг другу и сливаются воедино. Можно сказать, что в дхьяне данное качество присутствовало лишь латентно и что Единство существующего объекта там противопоставлялось Множеству несуществующих; в самадхи же эти Единство и Множество объединяются в союзе Бытия и Небытия. Это не умозрительные предположения, а описание, сделанное по памяти.

Далее, освоить «трюк» дхьяны и «набить в нем руку» не составляет особого труда. Через некоторое время приучаешься входить в это состояние без подготовки; и, рассматривая его с такой точки зрения, можно примирить между собой два значения самого термина «дхьяна», рассмотренные в предыдущей главе. При взгляде «снизу» дхьяна представляется чем-то наподобие транса, переживания столь грандиозного, что невозможно и помыслить о чем-то большем; при взгляде же «сверху» она видится всего лишь одним из возможных состояний ума, не менее естественным, чем любое другое. Еще не достигнув самадхи, брат Р[erdurabo] писал о дхьяне: «Нервный взрыв — по-видимому, как реакция на интенсивный контроль. Это явление мы называем дхьяной. <... > Самадхи, насколько я понимаю, — это всего лишь распространение данного состояния»¹.

Пятью годами позже он бы уже не написал этих слов. Вероятно, он сказал бы, что дхьяна — это «перетекание ума единым сплошным потоком от “я” к “не-я”, при котором не осознаётся ни то, ни другое и которое сопровождается всевозрастающим изумлением и блаженством». Ему понятно, как описанный процесс естественным образом проистекает из дхьяны, однако понять, каким образом из дхьяны проистекает самадхи,

1 См.: Алистер Кроули. Дж.Ф.Ч. Фуллер. *Храм царя Соломона*, т. II. М.: Ганга, Телема, 2011, стр. 144. Запись датируется летом 1902 года.

он не в силах. Возможно, он попросту не знает, какие условия нужно соблюсти для вхождения в самадхи. Он может погрузиться в дхьяну, когда пожелает, потратив на это лишь несколько минут работы, и зачастую входит в нее, по всей видимости, спонтанно; но с самадхи, к сожалению, далеко не все так просто. Может быть, он и способен входить в него по желанию, но не способен описать, как именно это получается, и предсказать, сколько времени на это уйдет; более того, он всякий раз *не уверен заранее*, получится это или нет.

Мы *заранее уверены*, что смогли бы пройти пешком одну милю по ровной дороге. Мы знаем, что для этого нужно; и обстоятельства должны сложиться поистине причудливым образом, чтобы нам это не удалось. В принципе, с таким же успехом можно заявить: «Однажды я поднялся на Маттерхорн, и я знаю, как сделать это еще раз», — однако на деле могут возникнуть самые разнообразные обстоятельства, любое из которых способно сорвать всю затею.

Далее, нам известно, что **устойчивое сосредоточение мысли на единственном объекте** влечет за собой дхьяну. Но достаточно ли просто усилить концентрацию, чтобы достичь самадхи, или же для этого потребуется еще что-то — мы не знаем. В первом случае мы имеем дело с научным знанием, во втором — с чистой эмпирикой.

Один автор утверждает (если память меня не подводит), что сосредоточение на двенадцать секунд — это дхарана, на сто сорок четыре секунды — дхьяна, а на семьсот двадцать восемь секунд — самадхи. А Вивекананда в комментариях к книге Патанджали представляет дхьяну всего лишь как продленную дхарану, но затем добавляет: «Допустим, я размышляю над книгой, постепенно сосредоточиваюсь на ней и наконец достигаю такого состояния, в котором могу воспринимать только внутренние ощущения, только смысл, не выразимый ни в какой форме. Это состояние дхьяны и называется самадхи»¹.

Другие авторы склоняются к мысли, что самадхи достигается лишь в результате медитации на такие объекты, которые сами по себе обладают особой ценностью. Например, Вивекананда советует: «Размышляйте о каком-либо священном

1 Из комментария Вивекананды к сутре III:3 Патанджали.

предмете», — и далее считает нужным пояснить: «Это значит, что о греховных предметах размышлять не следует» (!)¹.

Брат Р[erdurabo] не может с уверенностью сказать, удалось ли ему хоть раз войти в дхьяну через медитацию на какие-либо обыденные предметы. Он отказался от этой практики через несколько месяцев и в дальнейшем медитировал на чакры и тому подобное. Кроме того, дхьяна стала для него настолько обыденным явлением, что он перестал фиксировать ее случаи в дневнике. Но если бы он пожелал достичь ее сейчас, то выбрал бы такой объект, который может пробудить в нем «благоговение», «священный трепет» или «изумление»². Нет никаких видимых причин на то, чтобы дхьяны невозможно было достичь, размышляя о каком угодно заурядном предмете окружающей нас действительности, хоть бы даже и о голубой свинье; однако тот факт, что Брат Р[erdurabo] постоянно приводит последнюю в пример как обычный объект своих медитаций, не следует понимать *au pied de la lettre*³. В дневнике его медитаций это во всех отношениях достойное животное не упоминается.

Будет просто замечательно, когда организованные исследования увенчаются четким определением условий, исполнение которых ведет к самадхи. Но покамест не видно никаких возражений против того, чтобы следовать традиции и использовать для медитации те же объекты, какими пользовались наши предшественники, — за одним-единственным исключением, которое мы укажем в должное время.

Первую группу объектов для серьезной медитации (в отличие от предварительных упражнений, в которых следовало использовать простые и легко узнаваемые предметы, четкие образы которых можно поддерживать без особого труда) составляют *различные части тела*. Индуисты разработали сложную систему анатомии и физиологии, на первый взгляд не имеющую ничего общего с фактами, наблюдаемыми

1 Из комментария Вивекананды к сутре III:39 Патанджали.

2 Заявляя, будто какой-либо объект в чем-то превосходит другие, мы нарушили бы принцип скептицизма, лежащий в основе нашей системы. Поэтому будем рассуждать так: «А — это предмет, который В считает "священным". Следовательно, для В вполне естественно избрать его в качестве объекта медитации». Избавьтесь от Эго, рассматривайте все свои действия так, как если бы их совершал другой человек, — и вы избежите девяноста девяти процентов всех поджидающих вас неприятностей. — *Примеч. А. Кроули.*

3 «Буквально» (фр.).

в анатомическом театре. Важнейшее место в этой системе занимают семь чакр, которые будут описаны в части II настоящей книги¹. Кроме того, учитывается целый ряд «каналов» — физически не существующих, как и чакры.

Вторую группу составляют *объекты поклонения*, такие как идея или форма Божества либо сердце или тело Учителя или же другого глубоко уважаемого человека. Мы не рекомендуем использовать данную практику, поскольку она подразумевает наличие предубеждений.

Зато в качестве объекта медитации можно использовать *образы своих сновидений*. На первый взгляд это кажется странным; однако суть в том, что вы заведомо — и независимо от своей сознательной Воли — склонны думать об этих вещах, а, следовательно, медитировать на них вам будет легче, чем на другие объекты. (Верность такого объяснения подтверждается характером предыдущей и последующей групп.)

Кроме того, можно медитировать на *любой объект, обладающий для вас особой привлекательностью*.

Но при всем этом напрашивается предположение, что *медитация на объект, сам по себе не особенно значимый, будет эффективнее и убедительнее*. Нам не нужно, чтобы ум испытывал какое бы то ни было возбуждение, пусть даже порожденное благоговейными чувствами. См. три способа медитации, описанные в «Liber ННН»². Но, в то же время, мы не станем категорически отрицать, что гораздо *легче* будет работать с той идеей, к которой ум склоняется естественным образом.

Индуисты утверждают, что объект медитации предопределяет природу *самадхи*, точнее говоря, тех низших самадхи, которые даруют так называемые «магические способности». К примеру, существует йога-правритти. Медитируя на кончик носа, человек получает возможность учуять, так сказать, «идеальный запах», то есть не какой-либо конкретный запах, а запах архетипический, вариациями которого являются все остальные

¹ См. стр. 130–131.

² The Equinox, I, 3. Они служат дополнением к трем способам Воодушевления (наставление для А.А.А., к марту 1912 года еще не выпущенное в обращение). — *Примеч. А. Кроули.*

«Liber ННН» см. в издании: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 551–558. Под «наставлением для А.А.А.» подразумевается «Liber IAO sub figura 17», предназначенная только для членов Ордена; общее описание метода см. в «Liber 811» («Экстатическое воодушевление»).

запах. В этом описании нет ничего нелогичного: поскольку сам описываемый опыт противоречит всякой логике, то представляется только логичным, что описывающие его слова также противоречат здравому смыслу¹.

Аналогичным образом, сосредоточение на кончике языка позволяет ощутить «идеальный вкус», а на спинке языка — «идеальное прикосновение». «Каждый из атомов тела соприкасается со всеми атомами Вселенной одновременно», — так описывает это последнее состояние бхикку Ананда Меттея². Корень языка дает «идеальный звук», а глотка — «идеальный зрительный образ»³.

Но чаще под словом «самадхи» подразумевается атмадаршан, который и представляет собой, по мнению некоторых — и далеко не самых непросвещенных — авторов, первое

1 Этим же объясняется афанасьевский символ веры. Ср. точную параллель в книге «Зогар»: «Голова всех Голов; Голова, что не есть Голова». — *Примеч. А. Кроули.*

Афанасьевский символ веры — древний христианский символ веры, используемый в богослужении римско-католической и англиканской церквей. Подразумевается следующий фрагмент: «Отец не сотворен, Сын не сотворен, и Дух не сотворен. Отец не постижим, Сын не постижим, и Святой Дух не постижим. Отец вечен, Сын вечен, и Святой Дух вечен. И все же они являются не тремя вечными, но единым Вечным. Равно как не существует трех Несотворенных и трех Непостижимых, но один Несотворенный и один Непостижимый. Таким же образом, Отец всемогущ, Сын всемогущ и Святой Дух всемогущ. Но все же не трое Всемогущих, но один Всемогущий. Так же Отец есть Бог, Сын есть Бог и Святой Дух есть Бог. Хотя они являются не тремя Богами, но одним Богом. Точно так же, Отец есть Господь, Сын есть Господь и Святой Дух есть Господь. И все же существуют не три Господа, но один Господь». Цитата из книги «Зогар» приведена по книге С.Л. Мазерса «Разоблаченная кабала» («Малое святое собрание», 63).

2 *Ананда Меттея* (санскр. «блаженство доброты») — имя, которое принял в монашестве Алан Беннет (1872—1923), один из первых наставников Кроули в магии, в 1902 г. в Бирме принесший обеты бхикку (монаха буддийской школы тхеравада). В 1903 г. Беннет основал Всемирное буддийское общество, а после 1908 г., вернувшись в Англию, начал издавать журнал «Буддийское обозрение».

3 Схожим образом, Патанджали утверждает, что, совершая самаю с силой слона или тигра, ученик обретает такую же силу. Овладейте «каналом уда-на» — и вы сможете ходить по воде; овладейте «каналом самана» — и ваше тело засияет ярким светом; овладейте «элементами» Огня, Воздуха, Земли и Воды — и вы сможете совершить любое действие, которому они препятствуют в обыденной жизни. К примеру, победив Землю, вы сможете во мгновение ока перенестись в Австралию, а победив Воду — поселиться на дне Ганга. Рассказывают, что в Бенаресе есть святой, который там и живет и выходит на сушу только раз в году, чтобы утешить и наставить учеников. Но никто не обязан в это верить, если ему не хочется; более того, даже если вам захочется поверить во что-то подобное, это желание лучше побороть. Интересно будет, когда наука твердо установит, какие из компонентов этих уравнений — постоянные, а какие — переменные. — *Примеч. А. Кроули.*

подлинное самадхи; ибо даже видения «Бога» и «Я» не вполне свободны от формы. В атмадаршане же Всё предстает как Единое: это Вселенная, освобожденная от всяких ограничений. Уничтожаются не только все идеи и формы, но и понятия, имплицитно заложенные в самих идеях этих идей¹. Каждая часть Вселенной стала целым, и феномены более не противопоставляются ноуменам.

Однако описать это состояние ума решительно невозможно. Можно лишь сформулировать некоторые его характеристики, да и то в таких словах, под влиянием которых в нашем уме не возникнет никаких образов. Тот, кто испытал это состояние, не может сохранить адекватные воспоминания о нем; и невозможно представить себе состояние, которое было бы еще выше этого.

Тем не менее, еще более — и гораздо более — возвышенное состояние существует. Это так называемый шивадаршан, о котором достаточно будет сказать, что он представляет собой уничтожение предыдущего состояния, его полное растворение; а для того, чтобы понять суть этого уничтожения, пришлось бы вообразить «Ничто» (по-другому это не назовешь) как нечто позитивное, а не негативное.

Обычное состояние ума подобно свече в темной комнате. Откройте ставни — и в солнечном свете пламя свечи станет невидимым. Это вполне удовлетворительный образ дхьяны².

Однако найти подобие для атмадаршана ум не в силах. Можно, конечно, сказать, что при этом на тебя разом нисходят все сонмы небесные и точно так же затмевают солнечный свет, но это слишком слабое сравнение. И все же, если мы воспользуемся им, а затем попытаемся подобрать следующий образ для шивадаршана, то нам придется представить, что мы внезапно осознали: это вселенское сияние — не что иное, как тьма; не просто свет, померкший на фоне другого света, гораздо более яркого, но именно сама тьма. Это не переход

1 Это заходит так далеко, что не только «Белое» становится «Черным», но и «Белизна Черного» оказывается «неотъемлемым компонентом его Черноты». «Ничто = Единое = Бесконечность»; однако это тождество верно только благодаря тому, что существует само это трехчастное разделение, троика, или «треугольник противоречий». — *Примеч. А. Кроули.*

2 На этом месте диктовка прервалась, и последовало очень долгое размышление в попытках подобрать следующий образ. — *Примеч. Virakam.*

от малого к великому или даже от конечного к бесконечному. Это осознание того, что положительное является отрицательным. Окончательная истина воспринимается не просто как ложь, а как логическое противоречие истине. Развивать далее эту тему, до сих пор ставившую в тупик всех мыслителей, было бы совершенно бесполезно. Мы ведь поставили перед собой задачу сказать как можно меньше, а не как можно больше¹.

Еще меньше пользы принесло бы нам рассмотрение всех бесчисленных дискуссий, разворачивавшихся когда-либо по вопросу о том, следует ли считать это состояние окончательным достижением и что оно дает. Достаточно сказать, что даже первый и самый мимолетный опыт дхьяны тысячекратно окупит все страдания, которые мы перенесли в стремлении его достичь.

Для начинающего же надежда здесь в том, что труды его накапливаются и не пропадают втуне: каждый поступок, направленный на достижение, созидает судьбу, которая в конце концов принесет свой плод. Да достигнут все!

Итоги

Вопрос: Что такое гений и откуда он берется?

Ответ: Давайте возьмем нескольких представителей этого класса и попытаемся найти в них какое-либо свойство, общее для них, но отсутствующее у представителей других классов.

В.: Такое свойство существует?

О.: Да. Все гении имеют привычку к сосредоточению мысли и, как правило, приобретают эту привычку после длительного периода уединения. В частности, все величайшие религиозные гении в какой-то момент своей жизни удалялись от мира, а немедленно по возвращении начинали проповедовать.

В.: Какой прок в подобном отшельничестве? Казалось бы, человек, поступивший таким образом, по возвращении окажется оторванным от своей культуры и во всех отношениях менее приспособленным, чем был до ухода.

О.: Но все они, хотя и в разных выражениях, утверждают, что за время своего отшельничества приобрели некую сверхчеловеческую силу.

¹ И, тем не менее, вот сколько всего мы наговорили, пожелав уподобиться в краткости Яджнавалкье! — *Примеч. А. Кроули.*

В.: Вы в это верите?

О.: С нашей точки зрения, нехорошо отвергать свидетельства людей, признанных величайшими представителями человечества, если только мы не сумеем возразить им обоснованно или, по крайней мере, объяснить, почему они могли ошибаться. В данном случае каждый из упомянутых учителей оставил нам те или иные наставления, которым можно последовать. Единственный научный способ, позволяющий оценить их заявления, — это повторить их эксперименты и тем самым подтвердить либо опровергнуть их результаты.

В.: Но ведь каждый из них дает наставления, совершенно непохожие на то, чему учили остальные!

О.: Все расхождения объясняются исключительно обстоятельствами времени, национальной принадлежности, климата и языка. По сути же все эти методы идентичны.

В.: Не может быть!

О.: Доказать это стало для Брата Perdurabo делом всей жизни. Лично изучив религиозную практику каждой из мировых религий, он смог продемонстрировать сущностное тождество, заключенное во всем их разнообразии, и вычленил единый метод, свободный от всех догматических предубеждений и основанный исключительно на подтвержденных анатомических, физиологических и психологических фактах.

В.: Не могли бы вы вкратце описать суть этого метода?

О.: Основная идея — в том, что Бесконечность, Абсолют, Бог, Высшая Душа, или как бы ни предпочли Это называть, существует и присутствует постоянно; однако мысли, теснящиеся в нашем уме, мешают воспринять Это, подобно тому как посреди шумного города невозможно расслышать стук сердца.

В.: И что?

О.: Следовательно, чтобы познать Это, необходимо всего лишь остановить поток мыслей.

В.: Но ведь во сне поток мыслей и так останавливается?

О.: Грубо говоря, да, возможно; но при этом отключается и функция восприятия.

В.: Значит, нужно, чтобы ум оставался ясным и внимательным, но при этом его не потревожила бы ни единая мысль?

О.: Да.

В.: И как вы этого добиваетесь?

О.: Во-первых, мы успокаиваем тело при помощи асаны и обеспечиваем ему комфортное состояние и нормальное протекание всех физиологических функций посредством пранаямы. Тогда ум перестают тревожить сигналы, поступающие от тела.

Во-вторых, посредством ямы и ниямы мы успокаиваем эмоции и страсти, и они также оставляют ум в покое.

В-третьих, посредством пратьяхары мы подвергаем содержимое ума глубокому анализу и обучаемся контролировать и подавлять мысли любого характера вообще.

В-четвертых, путем непосредственного сосредоточения на на одной-единственной мысли мы подавляем все остальные мысли. Этот процесс, ведущий к высочайшим достижениям, состоит из трех частей: дхараны, дхьяны и самадхи, объединяющихся под общим названием самаймы.

В.: Как мне узнать об этом больше и испытать это на практике?

О.: Существует орден А.:А.: — организация, руководители которой на личном опыте достигли вершин этой науки. Они разработали систему, при помощи которой повторить их достижение может каждый, и притом с невиданной доселе легкостью и быстротой.

Первая ступень этой системы —

УЧЕНИК.

Ученик должен приобрести следующие книги:

1. Журнал «Эквинокс».
2. «777»¹.
3. «Копх Ом Рах».
4. Собрание сочинений А. Кроули (включающее работы «Тингейзер», «Меч песни», «Время» и «Элевсин») в трех томах.
5. «Раджа-йога» Свами Вивекананды².
6. «Шива-самхита» или «Хатха-йога прадипика».
7. «Дао дэ цзин» и труды Чжуан-цзы.
8. «Духовный путеводитель» Мигеля Молиноса.

¹ В рус. пер. см.: 777. Каббала Алистера Кроули. М.: Ланселот, 2011.

² В рус. пер. см.: Свами Вивекананда. Раджа-йога. Харьков: Фолио, М.: АСТ, 2004.

9. «Учение и ритуал высшей магии» Элифаса Леви или его перевод, выполненный А.Э. Уэйтом¹.

10. «Гозтия», или «Лемегетон царя Соломона»².

Эти книги в любом случае придется внимательно изучить для понимания второй части («Магия: начала теории») настоящей «Книги Четыре».

Проработав эти книги, Ученик составит твердое представление об интеллектуальной стороне системы А.:А.:

По истечении трех месяцев Ученик сдает экзамен по этим книгам, и если его знания будут сочтены удовлетворительными, он может стать Послушником и получить «Liber LXI» и тайную священную книгу «Liber LXV»³. Основная особенность данной ступени — в том, что Послушнику назначается опытный наставник, который будет руководить его работой.

Послушник может выбрать любые практики по своему усмотрению, однако к нему предъявляется обязательное требование: вести точные записи, чтобы сам он мог выявлять причинно-следственные связи в своей работе, а наставник мог судить о его продвижении и руководить его обучением.

По истечении одного года Послушник может быть принят в А.:А.: в качестве Неофита и получить тайную священную книгу «Liber VII»⁴.

Вот основные практические руководства, которым должен следовать каждый Послушник:

«Liber E», «Liber A», «Liber O», «Liber III», «Liber XXX», «Liber 175», «Liber 200», «Liber 206», «Liber 913»⁵. Ключ к обретению Магической Силы дается в «Liber 370»⁶.

1 А.Э. Уэйт опубликовал свой перевод этой работы под названием «Трансцендентальная магия».

2 В рус. пер. см.: *Гозтия. С предисловием и комментариями Алистера Кроули*. М.: Ганга, Телема, 2009.

3 В рус. пер. тексты «Liber LXI vel Causa» («Книга 61, или Книга Причин») и «Liber LXV» («Книга Сердца, обвиняемого Змеем») см. в издании: Алистер Кроули. *Святые книги Телемы*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 23—29 и 84—240.

4 В рус. пер. см.: *Святые книги Телемы*, указ. соч., стр. 36—68.

5 В рус. пер. см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 559—569, 653—655, 570—591, 656—658, 602—619, 642—643, 620—625 и 631—639.

6 В рус. пер. см.: *Святые книги Телемы*, указ. соч., стр. 289—297.

Часть II

Магия Начала теории

Церемониальная магия Подготовка к медитации

До сих пор мы рассматривали только мистический путь, уделяя основное внимание его практической, экзотерической стороне. Говоря о возможных препятствиях на этом пути, мы затрагивали исключительно трудности естественного характера. Так, например, мы вовсе не касались великой проблемы самоотречения, занимающей столь важное место в большинстве мистических трактатов. Мы рассуждали только о том, какие действия следует совершать, не упоминая о том, что может потребоваться от человека для выполнения этих действий. Мы не касались бунта Воли против жесточайшей дисциплины, необходимой для медитации; но теперь наконец можем сказать несколько слов на эту тему.

Поистине нет границ тому, что богословы называют «соблазном». Только на собственном опыте ученик сможет понять, сколь изобретателен бывает ум в своем стремлении ускользнуть из-под контроля. До тех пор, пока ученик соблюдает правила медитации, в точности выполняя то, что ему предписано, — не больше и не меньше, — ему ровным счетом ничего не грозит; однако ум его постарается не допустить неизменного пребывания в такой простоте. Этот факт — источник всех легенд о «святых», искушаемых «дьяволом». Вспомните притчу о Христе в пустыне, где он подвергается искушению использовать свою магическую силу и сделать что угодно, кроме того, что действительно должно быть сделано. Подобные атаки на Волю ничуть не лучше мыслей, вторгающихся в дхарану. Складывается впечатление, что заниматься медитацией вообще невозможно до тех пор, пока Воля не станет столь сильна, что ее не согнет и не сломит никакая сила на свете. **Сосредоточению на разуме, низшем начале, должно предшествовать сосредоточение на Воле, начале высшем.** Непонимание этого принципа сводит на нет все попытки преподавания «йоги», «воспитания ума», «нового мышления» и т.д.

Существуют методы развития Воли, позволяющие без труда оценивать свои достижения.

Всем известна сила привычки. Всем известно, что, если упорно продолжать действовать определенным образом, то со временем эти действия будут даваться все легче и легче и, наконец, станут совершенно естественными.

Во всех религиях разработаны практики, служащие этой цели. Если достаточно долго читать молитву губами, то в один прекрасный день обнаружишь, что молишься в сердце.

Древние мудрецы разобрали этот вопрос по косточкам и разложили по полочкам; они довели Науку Жизни до окончательного совершенства и дали ей имя «Магия». Это главная тайна Древних; ключи к ней не утеряны по сей день, но используются крайне редко¹.

Кроме того, путаница в мыслях, порожденная невежеством людей, не понимающих этого предмета, дискредитировала последний в целом. Ныне перед нами стоит задача восстановить эту науку во всем ее совершенстве.

Для этого нам придется подвергнуть критике авторитетные источники, одни из которых чрезмерно усложняют предмет, а другие не способны соблюсти даже такие простейшие принципы, как связность изложения. Многие из этих авторов — всего лишь эмпирики; еще чаще встречаются просто переписчики; но самый многочисленный класс составляют безмозглые шарлатаны.

Мы поведем речь о простой разновидности Магии, представляющей собой гармоничный синтез множества старых и новых систем. Мы опишем различные орудия Мага и предметы убранства его Храма, объясним их подлинные соответствия и рассмотрим правила их изготовления и использования.

Маг работает в Храме — во Вселенной, тождественной и равной по протяженности (запомните это крепко-накрепко!) ему самому². На полу этого Храма начертан Круг, ограничивающий пространство для магической работы. Для защиты Круга используются божественные имена — силы, на которые Маг может положиться как на защитников от мыслей, враждебных его работе. Внутри Круга стоит Алтарь — прочная опора для магических трудов, основание всей работы. На Алтаре помещаются орудия Мага — Жезл, Чаша, Меч и Пантакль, символизирующие его Волю, понимание, Разум и низшие части его сущности соответственно. Кроме того, на Алтаре стоит сосуд

1 Хранители этих ключей всегда действовали чрезвычайно скрытно, особенно в Европе, где это было необходимо ввиду господства церковей-гонителей. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Под «вами» подразумевается содержимое вашего сознания. Того, что лежит за его пределами, для вас не существует. — *Примеч. А. Кроули.*

с *Маслом*, вокруг которого располагаются *Плеть*, *Кинжал* и *Цепь*. Над Алтарем подвешен *Светильник*. Облачения Мага составляют *Венец*, одна *Мантия* и *Ламен*; кроме того, он имеет при себе *Книгу* Заклинаний и *Колокол*.

Масло освящает всё, что с ним соприкасается. Это высшее устремление Мага: любые действия, совершающиеся в соответствии с ним, священны. Плеть терзает его; Кинжал наносит ему раны; Цепь сковывает его. Благодаря трем этим символам устремление сохраняет свою чистоту и может освящать любые другие предметы. Венец утверждает господство и божественность Мага; Мантия символизирует молчание, а Ламен возвещает о его работе. Книга заклинаний — это его Магический Дневник, его *карма*. На востоке Храма располагается Магический Огонь, сжигающий всё дотла¹.

Далее мы рассмотрим каждый из этих предметов в подробностях.

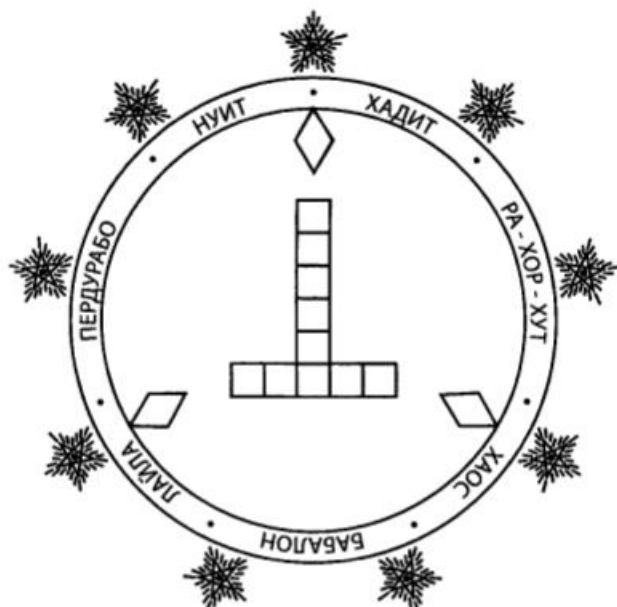
ГЛАВА I

Храм

Храм символизирует внешнюю Вселенную. Магу приходится принять его в таком виде, в каком он ему представит, поэтому строго определенной формы у него нет; однако в «Liber VII», VI:2 мы находим изречение: «Мы возвели себе храм из камней по подобию Вселенной; ты являл его неприкрыто, я же — сокрыто». Этот образ — *vesica piscis*²; но лишь величайший из Магов способен построить Храм по его подобию. Впрочем, иногда бывает выбор из нескольких помещений; это соотносится со способностью Мага реинкарнировать в подходящем теле.

1 Для инвокации, или призывания, — операции, в которой Маг призывает спуститься вниз то, что находится сверху и внутри него, — не требуется ничего, кроме описанного здесь оснащения; но для эвокации, или вызывания, — операции, в которой Маг вызывает к себе то, что находится внизу и снаружи, — можно начертить Треугольник за пределами Круга. — *Примеч. А. Кроули.*

2 «Рыбий пузырь» (лат.), или мандорла (санскр. «миндалина»), — фигура, образованная пересечением двух окружностей одинакового радиуса, расположенных таким образом, что центр одной из них находится на окружности другой. В некоторых традициях используется в качестве символа женских половых органов. Ср. Ату XXI в «Таро Тота» — «Вселенную», в основе геометрической композиции которой лежит *vesica piscis*.

Илл. 4. Круг

ГЛАВА II

Круг

Круг возвещает о Природе Великой Работы.

Будучи ограничен в выборе помещения, Маг более или менее свободен выбирать, в какой части помещения вести работу. Здесь ему следует руководствоваться соображениями удобства и наличествующих возможностей. Круг должен быть не слишком маленьким, чтобы не стеснять движений, но и не слишком большим, чтобы расстояния внутри него не были чересчур велики. Начертав и освятив Круг, Маг не должен ни выходить за его пределы, ни даже наклоняться наружу — иначе внешние враждебные силы уничтожат его.

Причин, по которым используется именно Круг, а не какая-либо другая геометрическая фигура, существует множество, например:

- 1) Маг утверждает свое тождество с бесконечностью;
- 2) Маг утверждает совершенное равновесие своей работы, ибо все точки окружности находятся на равном удалении от центра;
- 3) Маг признает ограничения, которые налагает на него приверженность Великой Работе. Он более не скитается по миру без цели и смысла.

Центр Круга совпадает с центром Тау-креста, состоящего из десяти квадратов, как изображено на рисунке. Вместе Тау-крест и Круг составляют одну из форм Розы и Креста, соединения субъекта с объектом, то есть Великой Работы, символами которой иногда служат эти крест и круг, иногда — лингам-йони, иногда — анх (*crux ansata*), иногда — шпиль и неф церкви или другого храма, иногда — брачный пир, мистическая свадьба, духовный брак, «химическое бракосочетание», а также сотни других образов. В любой своей форме Роза и Крест символизируют Великую Работу.

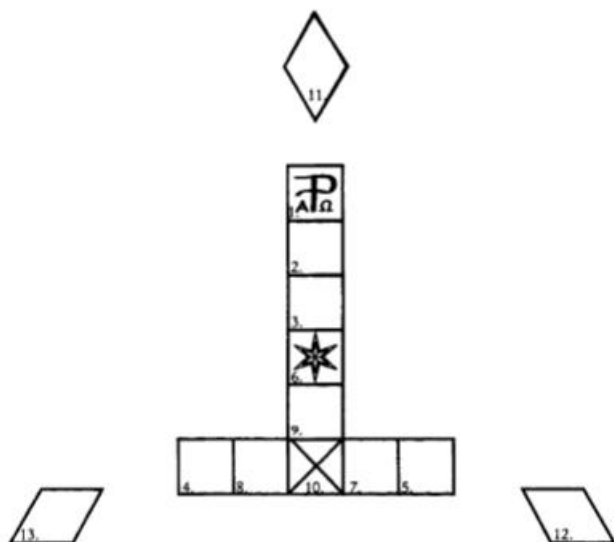
Таким образом, рабочее место Мага возвещает о сущности и цели Работы. Люди, утверждающие, что использование этих символов якобы подразумевает поклонение половым органам, попросту меряют мудрецов всех времен и народов по собственной мерке.

Тау-крест состоит из десяти квадратов по числу десяти сефирот¹. Вокруг этого Тау-креста очерчен треугольник, вписанный в большой Круг; однако из всего треугольника зримо обозначаются только углы, или, точнее, области, очерченные пересечениями его сторон. Иначе говоря, видны только те части треугольника, в которых пары его сторон соприкасаются друг с другом; и каждая такая часть построена до ромба — одной из форм йони². Значение их слишком сложно, чтобы рассма-

1 Десять Сефирот — это числа первого десятка. В одной из систем классификации (см. «Книгу 777») они распределены и соотнесены с различными идеями таким образом, что среди них может быть найдено соответствие любого объекта. Чем больше вы узнаете, тем более глубоким смыслом наполняются для вас эти числа. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Три покрова Небытия — не-желтый, не-красный и не-синий — обозначаются, соответственно, «сверкающими» цветами: пурпурным (11), изумрудным (12) и оранжевым (13). Внутри треугольника, образованного этими тремя йони, помещается лингам, касающийся и наполняющий их. Они негативны, а он — позитивен; они окрашены по шкале Короля, он — по шкале Королевы. Эманаций этого Единства, исходящих от Кетер, — то есть, частей этого лингама, — десять; $TARO = 78 = 6 \times 13$: влияние этого Единства на Макрокосм (гексаграмму). Центром всей фигуры является Тиферет, вместилище золотого Солнца о шести лучах. Обратите внимание на отражения трех этих йони

привать его в этом трактате для начинающих; при желании читатель может обратиться к книге Кроули «Берешит»¹.

Илл. 5. Треугольник Вселенной [и Тау-крест]

и триаде, расположенной над Малкут. Кроме того, обратите внимание, что треугольник, составленный этими йони, сокрыт, ибо связи между ними нечлены. С Малкут связан греческий крест зодиакальных знаков и их Духовного Центра. О цветовых шкалах см. «Книгу 777». — *Примеч. А. Кроули.*

«Сверкающий» цвет — цвет, дополнительный к данному. Любой данный цвет на фоне своего дополнительного цвета кажется более ярким, а, следовательно, в таких контрастных сочетаниях силы, связанные с цветами, проявляются более мощно. Шкала Короля соответствует высшему каббалистическому миру, Ацилут, миру прообразов, и представляет сущность цвета, его незримое основание; поэтому она использована для окраски углов незримого треугольника, символизирующего три завесы Небытия. На шкале Королевы, соответствующей миру творения, Брия, чистые цвета представлены такими, какими их видит глаз; поэтому данная шкала использована для окраски десяти сефирот — иманадий Бытия. «TARO = 78 = 6 x 13» и далее — подразумевается, что в колоде Таро 78 карт; 13 — числовое соответствие еврейского слова **תלם** (Ахад), означающего «Единство»: Алеф (1) + Хет (8) + Далет (4) = 13; 6 — число сефирот Тиферет, соответствующей Солнцу и золотому цвету по шкале Королевы. «отражения трех этих йони в триаде, расположенной над Малкут»: имеют вид сефирот Нецах, Ход и Йесод, окрашенные по шкале Королевы, т.е. изумрудный, оранжевый и фиолетовый цвета соответственно. «...греческий крест зодиакальных знаков и их Духовного Центра»: Духовный Центр зодиака — Солнце (так же, как Тиферет, соответствующая Солнцу) является центром Тау-креста сефирот.

1 См.: 777. Каббала Алистера Кроули. Указ. соч., стр. 530—552.

Размеры фигуры в целом зависят от размера квадратов, составляющих Тау-крест. А сторона каждого из этих квадратов равна стороне основания Алтаря, помещающегося поверх Малкут. Из этого следует, что, будучи, на первый взгляд, волен делать все, что ему заблагорассудится, Маг на самом деле абсолютно обусловлен: сторона основания Алтаря должна быть пропорциональна его высоте, а высота должна быть такой, чтобы Магу было удобно работать, а, значит, размеры Алтаря и Круга в целом зависят от роста Мага. Из этих соображений нетрудно вывести несколько нравственных уроков. Мы здесь упомянем лишь один, а именно: масштаб деятельности человека зависит от того, насколько он одарен от природы. Даже размеры орудий определяются соответствующими пропорциями. Исключения из этого правила — Светильник, подвешенный к потолку над центром Круга, квадрат Тиферет, и Масло, сосуд с которым так мал, что без труда уместится на любом Алтаре.

В ободе Круга начертаны Имена Бога; Круг чертится зеленым цветом, а Имена — пылающей киноварью, тем же цветом, что и сетка Тау-креста. Вне Круга располагаются на равном удалении девять пентаграмм¹, в центре каждой из которых горит небольшой светильник; это «Крепости на Рубежах Бездны»; см. «Книгу 418», 11-й Эфир². Они отгоняют силы тьмы, которые в противном случае могли бы прорваться в Круг.

1 Некоторые Маги предпочитают использовать семь светильников, ибо перед Престолом — семь Духов Божиих. Каждый светильник стоит в центре гептаграммы, а в каждом углу гептаграммы начертана буква, так что в общей сложности образуется семь имен (см. «Эквинокс», I, 7). Но эта символика слишком сложна. Разумеется, в простых операциях, предназначенных для той или иной конкретной цели, число светильников должно зависеть от характера работы, например, для операций, имеющих природу Сатурна, — три, Меркурия — 8 и так далее. — *Примеч. А. Кроули.*

«...семь Духов Божиих»: ср. Откр. 4:5: «...семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих». «...семь имен»: подразумеваются семibuквенные имена из енохианского пантакля «Sigillum Dei Aemeth» — «Имена Бога, произнести которые не под силу даже ангелам» (см.: Алистер Кроули. *Видение и Голос. Книга Еноха*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 263).

2 «Эквинокс», I, 5. — *Примеч. А. Кроули.*

Подразумевается следующий фрагмент, относящийся к описанию сефиры Йесод (Основание): «Узри основание Святого Града, башни и бастионы его! Узри воинства света, поставленные против Бездны внешней, против ужаса пустоты и злобы Хоронзона» (*Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 168).

Следующую линию защиты составляют Имена Бога. Маг может использовать имена по своему выбору; но каждое имя должно так или иначе служить символом данной Работы, ее метода и результата. Рассмотреть здесь этот предмет во всех подробностях невозможно: даже у самого сведущего каббалиста может уйти много лет на то, чтобы обучиться подбору или составлению подходящих имен.

Изначально вместо девяти светильников использовались свечи, отлитые из человеческого жира — жира врагов¹, убитых Магом; таким образом, они служили предостережением любой враждебной силе о том, что ее ожидает, если она попытается причинить вред. Но в наши дни добыть такие свечи непросто, так что, по-видимому, лучше всего использовать воск от пчелиных сот. Мед из них извлечен Магом; от тяжелого труда пчелиных сонмов не осталось ничего, кроме опустевшей оболочки — топлива для света. Этот же воск используется при изготовлении Пантакля, благодаря чему между данными символами возникает особая связь. Пантакль — это нища Мага; и часть ее он жертвует для освящения того, что находится вне его Круга. Ибо эти светочи лишь на первый взгляд враждебны внешним силам; в действительности же они озаряют Круг и Божественные Имена, тем самым открывая взору профана первые и главные символы посвящения.

Эти свечи устанавливаются внутри пентаграмм, которые символизируют Гебуру-Суровость и обеспечивают защиту, но в то же время обозначают Микрокосм — четыре стихии, упоенные Духом, человеческой Волей, достигшей совершенства в своем устремлении к Высшему. Они располагаются вне Круга с тем, чтобы привлечь враждебные силы и дать им начальное представление о Великой Работе, которое рано или поздно предстоит свершить даже им.

¹ Либо «младенцев, задушенных сразу после рождения», — то есть мыслей, которые были подавлены сразу же по осознании. — *Примеч. А. Кроули.*

Илл. 6. Греческий крест зодиака.

Овен: изумрудный на алом

Телец: зеленовато-голубой на оранжево-красном

Близнецы: ярко-синий на оранжевом

Рак: темно-синий на янтарном

Лев: фиолетовый на зеленовато-желтом

Дева: малиновый на желтовато-зеленом

Весы: алый на изумрудном

Скорпион: оранжево-красный на зеленовато-голубом

Стрелец: оранжевый на ярко-синем

Козерог: янтарный на темно-синем

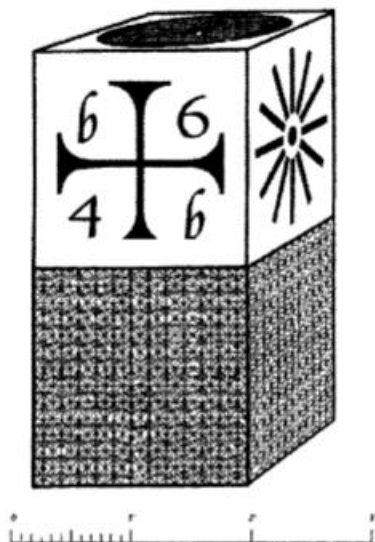
Водолей: зеленовато-желтый на фиолетовом

Рыбы: желтовато-зеленый на малиновом

Дух: черный на белом

Змей: лазурный с золотой чешуей

Контур: золотой

Илл. 7. Алтарь
Символы на боковых сторонах выполнены по указаниям Джона Ди;
см. «Эквинокс», I, 7

ГЛАВА III

АЛТАРЬ

Алтарь символизирует прочное основание Работы, неизблемую Волю¹ Мага и закон, которому он подчиняется в своей работе. В пределах Алтаря располагаются все орудия, поскольку все они подчиняются тому же закону. Исключение составляет Светильник.

Согласно некоторым источникам, Алтарь должен быть изготовлен из дубового дерева, олицетворяющего непоколебимость и непреклонность закона; другие отдают предпочтение акации как символу воскресения².

¹ Он представляет собой расширение Воли. Воля — это Двоица (см. главу о Жезле); $2 \times 2 = 4$. Поэтому в основании Алтаря лежит квадрат, а десять квадратов, из которых состоит его поверхность, также соотносятся с числом 4 ($10 = 1 + 2 + 3 + 4$). — *Примеч. А. Кроули.*

² Ср. Исх. 27:1: «И сделай жертвенник из дерева ситтим» (ситтим — пустынная акация). В «Книге 777» и дуб, и акация соотносятся с Тиферет.

Алтарь имеет форму двойного куба, в общих чертах символизирующего Великую Работу, ибо удвоение куба, подобно квадратуре круга, представляло собой одну из великих задач древности. Поверхность Алтаря состоит из десяти квадратов. Верхний квадрат соответствует Кетер, нижний — Малкут. Высота Алтаря равняется расстоянию от пола до пупка [англ. *navel*] Мага. Алтарь соотносится с ковчегом Завета, Ноевым ковчегом, нефом ([англ. *nave*, лат.] *navis* — «корабль») церкви и многими другими древними символами, значение которых отлично разобрано в анонимной книге под названием «Канон», которую следует тщательно изучить, прежде чем приступать к изготовлению Алтаря¹.

Ибо Алтарь должен олицетворять осведомленность Мага о законах Природы — тех самых законах, по которым он вершит свою работу.

Желательно использовать геометрические пропорции как символы тех или иных космических мер. К примеру, каждую из двух диагоналей можно соотнести с диаметром Солнца. Тогда длина боковой стороны Алтаря окажется соответствием какой-либо другой космической меры, *vesica*, начертанная на этой стороне, — третьей, «крест распятия», вписанный в *vesica*, — четвертой, и так далее. Маг должен разработать собственную символическую систему — и вовсе не обязательно ограничиваться именно космическими мерами. Можно, к примеру, подобрать какое-нибудь соотношение, выражающее закон обратных квадратов².

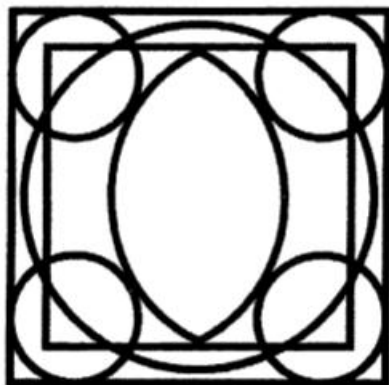
Рассуждение об акации как символе воскресения Кроули почерпнул из труда «Нравственность и догма» (1871) Альберта Пайка, выдающегося исследователя масонства: «Акация — это то же самое, что и колючий тамариск, дерево, выросшее вокруг тела Осириса. Она почиталась как священное дерево у арабов, сделавших из нее кумир Аль-Уззы, поверженный Мухаммедом. В виде кустарника она в изобилии произрастает в пустыне Тар; и из нее был сплетен "терновый венец", возложенный на чело Иисуса из Назарета. Символом бессмертия она стала ввиду своей исключительной воли к жизни: дверные косяки, сделанные из акации, нередко пускали корни и раскидывали над порогом ветви, покрывавшиеся молодой листвою».

1 «Канон: Языческая мистерия, сохраненная в каббале, как закон всех искусств» — монументальный труд английского архитектора Уильяма Стерлинга, впервые опубликованный анонимно в Лондоне в 1897 году.

2 *Закон обратных квадратов* — закон, согласно которому освещенность от точечного источника изменяется обратно пропорционально квадрату расстояния от источника до объекта.

Верхняя сторона Алтаря следует покрыть золотом, а на золоте должна быть выгравирована какая-нибудь символическая фигура из тех, что приведены здесь на иллюстрациях¹, — *Священный Участок*², *Новый Иерусалим*³ или, если Магу достанет мастерства, *Витрувианский Микрокосм*⁴.

На боковых сторонах Алтаря иногда изображают великие скрижали стихий и сигилы святых царей стихий, приведенные в «Эквиноксе», I, 7, ибо они суть совокупности природных сил⁵. Но эти символы чересчур специальные, тогда как настоящая книга призвана изложить лишь самые общие принципы работы.

Илл. 8. Новый Иерусалим

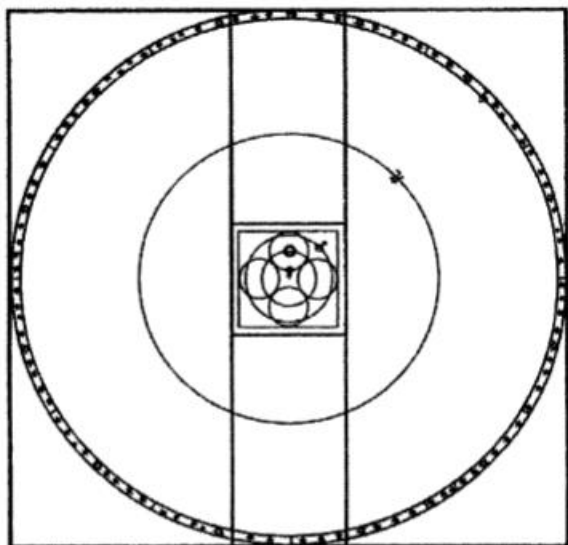
1 Иллюстрации взяты из «Канона» У. Стерлинга.

2 *Священный Участок* — образ из Иез. 48, где сказано, что весь город Иерусалим в целом должен быть окружен «священным участком» в форме квадрата со стороной в 25 000 тростей, предместья города — квадратом со стороной в 5000 тростей, а сам город — квадратом со стороной в 4500 тростей. К северу и к югу от предместий выделялись участки длиной в 25 000 и шириной в 10 000 тростей, предназначенные для «священников из сынов Садока» и других левитов. У. Стерлинг в «Каноне» приводит сложные выкладки, позволяющие соотнести пропорции этой фигуры с диаметрами планетных орбит, выраженными в диаметрах Солнца.

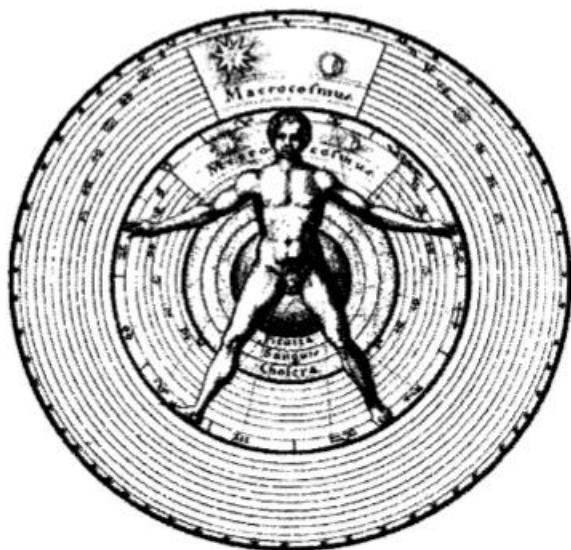
3 *Новый Иерусалим* — образ из Откр. 21—22, размеры которого, приведенные в тексте Откровения, также анализируются в «Каноне» с точки зрения соотношений между планетными орбитами.

4 *Витрувианский Микрокосм* — изображение человеческого тела в классических пропорциях, описанных в трактатах древнеримского архитектора I в. до н.э. Витрувия. В «Каноне» Стерлинга пропорции человеческого тела соотносятся с расстояниями внутри Солнечной системы, а сама витрувианская схема именуется «Макрокосмом».

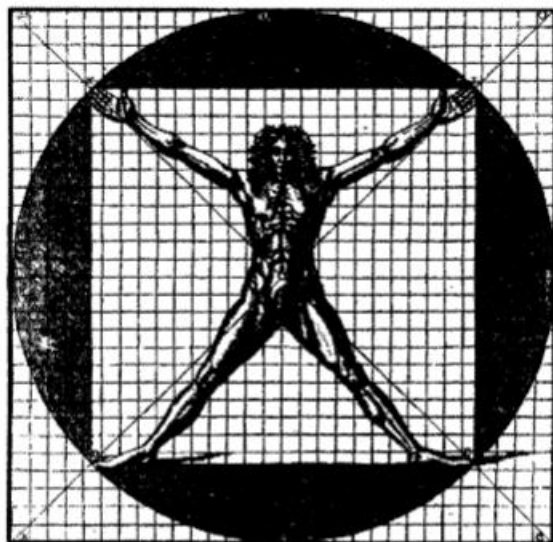
5 См.: *Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 267—271.

Илл. 9. Священный Участок

Илл. 10. Изображение, подходящее для верхней стороны Алтаря

Илл. 11. Витрувианский Микрокосм

ГЛАВА IV

ПЛЕТЬ, КИНЖАЛ и ЦЕПЬ

Плеть, Кинжал и Цепь символизируют три алхимических принципа: Сера, Ртуть и Соль. Это не одноименные химические вещества, а именно «принципы», действие которых химики описывают в других, более удобных для них терминах. Но, так или иначе, Сера символизирует энергию любого вещества, Ртуть — его подвижность, а Соль — его постоянство. Принципы эти подобны Огню, Воздуху и Воде, однако смысл их обширнее, ибо они означают нечто более глубокое и тонкое и при этом также более действенное. Почти точную аналогию им представляют три гуны индуистской философии: саттва, раджас и тамас. Саттва — это Ртуть, уравновешенная, спокойная и чистая; раджас — Сера, активная, легко возбудимая и даже неистовая; тамас — Соль, плотная, инертная, тяжелая и темная¹.

¹ Длинное описание трех гун содержится в «Бхагавад-гите». — Примеч. А. Кроули.

Однако индийская философия настолько подчинена господствующей идее о ничтожестве всего, за исключением Абсолюта, что склонна рассматривать все гуны (и даже сатву) как зло. Эта точка зрения верна, но лишь при взгляде сверху; мы же предпочитаем во имя истинной мудрости избегать этих нескончаемых сетований, пронизывающих философскую мысль всего Индийского полуострова, — «жизнь есть страдание» и т.д. Принимая индуистское учение о двух фазах Абсолюта, мы вынуждены относить их обе к какой-либо одной категории — рассматривать обе либо как добро, либо как зло; в противном случае мы вновь вернемся к той самой двойственности, для избавления от которой и был придуман Абсолют.

Более близка к истине христианская мысль о том, что грех бесполезен ввиду несравнимо большей пользы, которую несет искупление, — о том, что спасение столь прекрасно именно потому, что невинность в свое время была утрачена. Святой Павел говорит: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать. Что же скажем? оставаться ли нам во грехе, чтобы умножилась благодать? Боже упаси»¹. Но (очевидно!) Сам Бог поступал именно так — а иначе зачем бы Он сотворил Сатану, несшего в себе семя «грехопадения»?

Вместо того, чтобы с ходу осуждать упомянутые три качества, попытаемся лучше осмыслить их как части некоего таинства. В данном конкретном своем проявлении — в виде Плети, Кинжала и Цепи — они наводят на мысль о таинстве покаяния.

Плеть — это Сера; она побуждает к действию нашу ленивую натуру; и, кроме того, ее можно использовать как оружие исправления, бичуя мятежные побуждения. Она применяется к Нефеш — Животной Душе, вместилищу естественных желаний.

Кинжал — это Ртуть: он укрощает избыточный жар, отворяя кровь; и он же пронзает бок или сердце Мага, дабы наполнить Священную Чашу. Он применяется к тем свойствам нашей природы, которые занимают промежуточное положение между страстями и рассудком.

Цепь — это Соль; она помогает связать блуждающие мысли; поэтому Маг возлагает ее себе на шею, где находится Даат.

¹ Парафраз Рим. 5:20, 6:1.

Кроме того, эти орудия служат напоминанием о боли, смерти и рабстве. Те, кто хорошо знает евангелия, вспомнят, что все три они являлись орудиями страстей Христовых (роль Кинжала исполнили гвозди)¹.

Илл. 12. Плеть, Кинжал и Цепь, окружающие сосуд со Священным Маслом

Рукоять Плети должна быть железной, а сама плетть — из девяти нитей тонкой медной проволоки, в каждую из которых вплетены маленькие кусочки свинца. Железо символизирует суровость, медь — любовь, а свинец — аскетизм.

Лезвие Кинжала изготавливается из стали, инкрустированной золотом, а рукоять — также из золота.

Цепь делается из мягкого железа и состоит из 333 звеньев².

Теперь очевидно, почему эти орудия располагаются вокруг сосуда из прозрачного хрусталя, наполненного Священным Маслом.

Плетть поддерживает пыл устремления, Кинжал выражает решимость пожертвовать всем, а Цепь не позволяет отклониться от цели.

Теперь мы можем рассмотреть само Священное Масло как таковое.

1 Это же верно и в отношении всех остальных магических орудий. Холм Голгофы — Круг, Крест — Тау-крест; у Христа были мантия, венец, скипетр и т.д.; желательно проработать этот тезис во всех подробностях. — *Примеч. 1. Кроули.*

2 См. «Эквинокс», I, 5, «Видение и Голос», 10-й Эфир. — *Примеч. А. Кроули.* См.: *Видение и Голос. Книга Еноха.* Указ. соч., стр. 171—182; число 333 — гематрическое соответствие имени «Хоронзон», записанного еврейскими буквами.

СВЯЩЕННОЕ МАСЛО

Священное Масло — это устремление Мага; оно освящает его труды ради свершения Великой Работы; и сила его такова, что оно же освящает и всю утварь и орудия в Храме. Оно несет благодать миропомазания, ибо устремление Мага — это не честолюбивое побуждение, а качество, даруемое свыше. Поэтому Маг должен умастить сначала темя, и только затем — более низкие центры, продвигаясь по очереди, сверху вниз.

Цвет этого Масла подобен чистому золоту; когда Маг наносит его на кожу, оно обжигает и приводит его в трепет с истинно огненной мощью. Это чистый свет, преображенный в желание. Это не Воля Мага, не желание низшего начала достичь того, что вверху, а искра высшего начала в Маге, желающая соединиться с низшим.

Поэтому, если Маг не умастится прежде всего этим Маслом, то все его труды окажутся тщетны и обернутся лишь во зло.

Масло это состоит из четырех компонентов. Основу составляет оливковое масло. По традиции, олива — дар Минервы, Мудрости Божьей, *логоса*. В нем растворяются три других масла: масло мирры, масло корицы и масло корня галанги¹. Мирра соответствует Бине, Великой Матери, которая есть одновременно и Понимание, присущее Магу, и те скорбь и сострадание, что рождаются из созерцания Вселенной. Корица символизирует Тиферет, Солнце — Сына, в котором отождествлены сияние и страдание. Галанга символизирует одновременно Кетер и Малкут, Первое и Последнее, Единое и Многое, ибо в составе этого Масла они суть Одно.

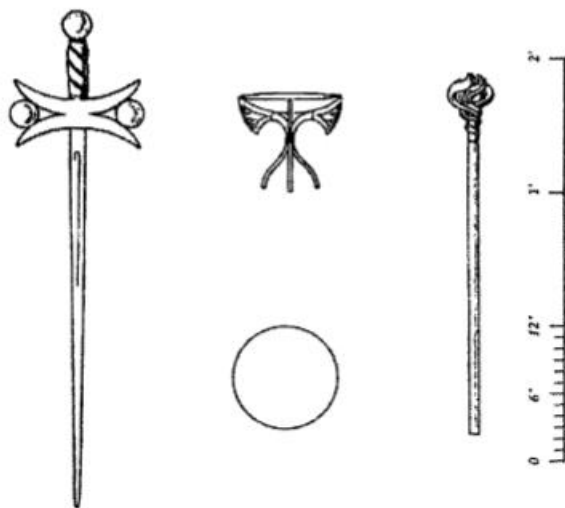
Таким образом, в совокупности эти масла символизируют все Древо Жизни в целом. Десять сефирот смешиваются в совершенное золото.

¹ Это так называемое масло Абрамелина, рецепты которого разнятся в различных версиях рукописи «Книги Священной Магии Абрамелина-мага». В переводе С.Л. Мазерса, которым пользовался Кроули, приводится следующий рецепт: «Возьми смолу мирры, одну часть; тонко измельченную корицу, две части; галангу, половину части; и лучшего оливкового масла — половину от общего веса этих веществ. Смешай вместе эти ароматические вещества по правилам аптекарского искусства и приготовь из них бальзам, каковой храни в стеклянном сосуде в ящике внутри алтаря». В оригинальной рукописи вместо галанги указывался *salatus*, т.е. аир.

Приготовить такое Масло из неочищенной мирры, корицы и галанги невозможно. Получится лишь бурая грязь, которую не удастся растворить в масле основы. Прежде чем соединить эти вещества, каждое из них необходимо преобразовать в чистое масло.

Это совершенное Масло обладает чрезвычайной тонкостью и проникающей способностью. Постепенно оно покрывает все предметы в Храме тончайшей сверкающей пленкой. После этого каждый предмет будет воспламеняться, если поднести его к Святильнику. Масло, подобное этому, было в кувшине вдовицы¹: оно обновляется и приумножается чудесным образом; благоухание его наполняет весь Храм, и оно есть душа, теплом для которой служат ароматы более грубые.

Масло это следует хранить в сосуде из чистого горного хрусталя. Некоторые Маги использовали сосуд в форме женской груди, ибо это Масло — истинная пища для всего живого. По этой же причине сосуд иногда изготавливали из перламутра, а пробку — из рубина.

Илл. 13. Жезл, Чаша, Меч и Диск, или Пантакль (изображенные в масштабе)

¹ Подразумевается сарептская вдова из III Цар. 17:9—16, отдавшая проку Илии последнее, что было у нее в доме из еды. За это «мука в кадке не иссохала, и масло в кувшине не убывало, по слову Господа, которое Он изрек чрез Илию».

ЖЕЗЛ

Магическая Воля по сути своей двойка, ибо она предполагает начало и конец; изъявляя желание быть чем-то, вы тем самым допускаете, что не являетесь этим.

Следовательно, желать чего бы то ни было, кроме Наивысшего,— значит, отдаляться от него все больше и больше: всякое желание, кроме желания полностью предать свое «я» Возлюбленному, есть Черная Магия; однако эта самоотдача — действие настолько простое, что нашим сложным умам оно представляется наитруднейшим из всех возможных; поэтому необходимо обучение. Кроме того, «я», приносимое в жертву, должно представлять собою «я» во всей его полноте и совершенстве: негоже предстать перед алтарем Всевышнего с даром нечистым или несовершенным. Как сказано в «Liber 65», «ждать Тебя — завершенье, а не начало»¹.

В ходе упомянутого обучения ученик может сталкиваться со всевозможными трудностями, сообразными его личным свойствам, а потому в любой момент у него могут возникать всевозможные желания, на сторонний взгляд никак не связанные с целью его работы. Точно так же со стороны не всегда можно сразу понять, зачем бильярдисту потребовалась та или иная серия ударов.

Если, таким образом, мы можем пожелать *чего угодно*, то наша Воля должна быть достаточно сильна, чтобы мы получили желаемое, не теряя времени.

Следовательно, необходимо развить Волю до высочайшего предела — несмотря на то, что последней нашей задачей на пути к цели станет полное отречение от Воли. Частичное отречение от несовершенной Воли не имеет веса в Магии.

Воля — это рычаг, нуждающийся в точке опоры; и этой точкой опоры служит главная цель всех устремлений ученика. Все желания, не связанные с этой основополагающей целью, только ослабляют его; они подобны жиру в теле спортсмена.

¹ «Liber 65», II:62.

Большинство людей в этом мире страдают душевной атаксией¹: они не в состоянии скоординировать «мышцы» своей психики для целенаправленного движения. Они не имеют Воли в подлинном смысле этого слова: все, что у них есть, — это случайный набор желаний, многие из которых противоречат друг другу. Жертва подобной болезни безвольно раскачивается (или, подчас, яростно — но столь же безвольно — мечется) от крайности к крайности, и лишь под конец жизни становится очевидно, что все ее передвижения попросту нейтрализовали друг друга. Человек не достиг ровным счетом ничего, не считая того единственного результата, который остается для него неосознанным, а именно — разрушения его собственного характера вследствие нерешительности. Хоронзон разорвал его на части.

Каким же образом следует развивать Волю? Необходимо своевременно выявлять все свои желания, прихоти, капризы, наклонности, тенденции и влечения, изучать и оценивать в связи с тем, могут ли они помочь или воспрепятствовать достижению основной цели, после чего обращаться с ними соответственно.

Очевидно, что для этого понадобятся бдительность и отвага. Я бы еще добавил «самоотречение», невзирая на то, что обычно подразумевают под этим словом; но разве можно назвать самоотречением отказ от всего того, что в действительности наносит вред нашему «я»? Уничтожить возбудителей малярии в своей крови — не значит совершить самоубийство.

Воспитывая в себе подобный образ мышления, ученик столкнется с огромными трудностями. И, пожалуй, величайшей из них следует признать забывчивость. Это едва ли не худшее проявление того, что буддисты называют невежеством. Тем, кто от природы забывчив и рассеян, могут пойти на пользу предварительные упражнения для развития памяти. И в любом случае полезно и необходимо вести Магический Дневник, как предписывается Послушникам А.: А.:

Прежде всего, следует вновь и вновь выполнять упражнения, описанные в «Liber III»², ибо они не только развивают бдительность, но и укрепляют тормозящие центры мозга,

1 Атаксия — расстройство координации движений.

2 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 644—647.

породившие, по мнению некоторых психологов, те механизмы, при помощи которых человек цивилизованный поднялся над дикарем.

До сих пор мы рассуждали, так сказать, от противного. Жезл Аарона сделался змеем и поглотил змеев других волхвов¹; теперь же настало время снова вернуть ему облик жезла².

Магическая Воля — это жезл в вашей руке, при помощи которого свершается Великая Работа, посредством которой Дочь не просто восходит на престол Матери, но и принимается в объятия Высочайшего³.

Таким образом, Магический Жезл — главное орудие Мага; а имя этого жезла — Магическая Клятва.

Будучи по сути своей двойкой, Воля соответствует Хокме⁴, а Хокма — это *логос*, Слово; поэтому иногда говорят, что Слово есть Воля. Бог Тот, Владыка Магии, — также Владыка Речи; Кадуцей — атрибут вестника-Гермеса.

Слово должно выражать Волю; поэтому Мистическое Имя Послушника — это выражение его наивысшей Воли.

Разумеется, лишь немногие из Послушников понимают себя в достаточной мере, чтобы суметь сформулировать для себя эту Волю; поэтому по истечении срока послушничества они выбирают новое имя.

1 Аллюзия на Исх. 7:10—12: «И бросил Аарон жезл свой перед фараоном и перед рабами его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами: каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями, но жезл Ааронов поглотил их жезлы». Позднее жезл Аарона чудесно процвел за одну ночь, подтвердив тем самым избрание колена Левия на служение Богу: «...жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали» (Числ. 17:8).

2 Как известно, в Книге Исход Миндальный Жезл обозначается словосочетанием **מִטְּהָרָה** [Мем=40, Тет=9, Хе=5, Хе=5, Шин=300, Коф=100, Далет=4], дающим в сумме 463. 400 — это Тав, путь ведущий от Малкут к Йесод; 60 — Самех, путь, ведущий от Йесод к Тиферет; а 3 — Гимел, путь, ведущий от Тиферет к Кетер. Таким образом, жезл в целом состоит из путей, восходящих от Царства [Малкут] к Венцу [Кетер]. — *Примеч. А. Кроули.*

В действительности название **מִטְּהָרָה** не используется в Ветхом завете; в Книге Исход жезл Аарона именуется просто **מִטָּה**, «жезл», а в Числ. 17:8 и Иер. 1:11 («вижу жезл миндального дерева») употреблено название **מִטְּהָרָה** (мекел шакед) — «миндальный жезл».

3 В одной системе магии, самой лучшей, Абсолют именуется Венцом, Бог — Отцом, Чистая Душа — Матерью, Священный Ангел-Хранитель — Сыном, а Природная Душа — Дочерью. Сын очищает Дочь, сочется с нею браком; так она становится Матерью, чье соединение с Отцом влечет за собой возвращение всего сущего к Венцу. См. «Liber 418». — *Примеч. А. Кроули.*

4 Т.е. второй сефире.

Таким образом, выражать свою Волю ученику удобнее в форме Магических Клятв.

Поскольку подобная клятва не подлежит отмене, ее следует тщательно обдумать и взвесить. Желательно ограничить действие клятвы каким-либо определенным сроком, поскольку со временем, когда понимание ученика возрастет, он может увидеть, что малая клятва несовместима с великой.

Это произойдет почти наверняка, и следует помнить, что подобная дилемма — худшая из всех, с какими только может столкнуться Маг, ибо самая сущность Воли — ее устремленность к единственной цели¹.

Еще одно важнейшее соображение в связи с Магическими Обетами заключается в том, что ученик должен отводить им в своей жизни строго определенное место. Принимать их следует ради четко поставленной, понятной и ясно сформулированной цели, за пределы которой они не должны выходить ни при каких обстоятельствах.

Воздержание от сахара — добродетель для диабетика, но так дело обстоит только ввиду его болезни. Эта добродетель отнюдь не общезначима. Илия по одному случаю заявил: «Надлежало мне разгневаться»², — однако подобные случаи весьма редки.

Более того, что для одного — пища, для другого — яд. Обет пищеты может принести огромную пользу человеку, который не умел разумно распорядиться своим богатством ради единой цели; но для кого-то другого подобная клятва повлечет за собой лишь пустую трату времени и сил.

Нет такой силы, которую нельзя было бы поставить на службу Магической Воле; опасно лишь искушение принять эту силу за самоценную.

Садовник не скажет: «Сруби ее: на что она и землю занимает?»³ — пока не убедится после многократных подрезок, что все надежды тщетны.

1 Верхний конец Жезла — это Кетер, единое; а в царстве клипот сефир — Кетер соответствует Таумизль — две противоборствующие головы, рвущие в клочья и пожирающие друг друга. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Эти слова принадлежали не Илии, а пророку Ионе; в русском синодальном переводе они переданы иначе: «...очень огорчился, даже до смерти» (Ион. 4:9).

3 Аллюзия на притчу из Лк. 13:6—9: «...некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице

«Если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее!»¹ — это вопль слабака. Если бы собак убивали сразу же, как только они в первый раз ослушаются хозяина, немногим бы удалось пережить щенячий возраст.

Наилучший из обетов — и находящийся, вдобавок, самое широкое применение, — это обет Священного Повиновения, ибо он не только ведет к совершенной свободе, но и обучает тому самоотречению, которое станет нашей последней задачей на пути к цели.

Большое достоинство подобной клятвы — в том, что она никогда не ржавеет. Если старший, которому принесли такой обет, знает свое дело, он быстро выяснит, какие вещи доставляют его ученику настоящее неудовольствие, и поможет ему свести с ними тесное знакомство.

Неповиновение старшему — это не что иное, как борьба между двумя Волями в душе младшего. Воля, выраженная в его обете и связанная с его наивысшей Волей (просто в силу того факта, что обет был принесен с целью развить эту наивысшую Волю), вступает в противоборство с Волей временной, основанной лишь на преходящих соображениях.

Учителю следует мягко, постепенно, но решительно закалять ученика до тех пор, пока тот не станет исполнять приказания автоматически, не задумываясь об их содержании, — как говорил Лойола², «*perinde ac cadaver*»³.

Никто лучше Лойолы не понимал, что такое Магическая Воля: в его системе индивидуум исчез. Воле генерала мгновенно вторили все до единого члены ордена, благодаря чему Общество Иисуса и превратилось в одну из самых могущественных и грозных религиозных организаций мира.

Немного уступала ему, пожалуй, секта Горного старца⁴.

и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, — не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее».

1 Мф. 5:30.

2 Лойола, Игнатий де (ок. 1491 — 1556) — католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

3 Лат. букв. «подобно трупу»; в переносном значении — формула беспрекословного подчинения, восходящая к уставу ордена иезуитов.

4 Имеется в виду секта ассасинов (XI в.), основанная Хасаном ибн-Саббахом по прозванию «Горный старец».

Недостаток системы Лойолы заключался в том, что генерал не был Богом; и, более того, по ряду причин он подчас оказывался даже не лучшим из членов ордена.

Чтобы стать генералом ордена, нужно было, прежде всего, пожелать стать генералом ордена; а тот, кто ограничивал себя этим желанием, уже не мог стать ничем большим.

Но вернемся к вопросу о развитии Воли. В процессе этой работы всегда приходится выпалывать сорняки, однако сам цветок нуждается в бережном уходе. Если мы уничтожим в себе, а, при необходимости, и в других людях все побуждения, которые сочтем противоречащими нашей истинной Воле, эта Воля обретет большую свободу для естественного развития. Но недостаточно лишь очистить храм и освятить его — необходимо еще и провести призывание. Точно так же и для утверждения этой Воли следует постоянно совершать действия положительного, а не только отрицательного характера.

Самоотречение и жертва — это необходимые, но относительно простые задачи. Есть сотня способов промахнуться и лишь один способ — попасть в цель. Воздерживаться от употребления говядины легко, а вот не есть ничего, кроме свинины, очень сложно.

Элифас Леви советует время от времени отрешаться от Магической Воли — на том основании, что после кардинальной «перемены занятий» всегда работаете лучше. Он, без сомнения, прав, но следует понимать, что этот совет он подает, «скорбя об ожесточении сердец человеческих»¹. Турбина эффективнее поршневого двигателя; и совет Леви хорош только для начинающих.

В конечном счете Магическая Воля настолько тесно отождествляется со всем существом человека, что тот перестает осознавать ее, как мы не осознаем постоянную силу земного тяготения. Подчас он даже удивляется собственным поступкам и вынужден строить догадки об их значении. Но следует понимать, что, когда Воля действительно поднимается таким образом до высот Судьбы, совершить ошибку человеку становится ничуть не легче, чем подняться в воздух и полететь.

Может возникнуть вопрос, не вступает ли Воля, развитая до такой степени, в противоречие с Этикой.

¹ Мк. 3:5.

Ответ — да, вступает.

В «Великом Гримуаре»¹ нам предписывается «купить яйцо, не торгуясь»; а Достижение, да и каждый шаг на пути к Достижению — жемчужина столь драгоценная, что человек, найдя ее, пойдет и продаст все, что имеет, и купит ее².

Этика — это всего лишь социальное выражение традиций и обычаев, но для многих людей нет ничего труднее, чем отказать от привычного; поэтому полезно будет избавиться от каких-нибудь привычек просто в качестве упражнения — чтобы понять сам принцип освобождения от этой формы рабства. Подобным же целям служат и такие практики, как прерывание сна, удержание тела в напряженных и неестественных позах или выполнение сложных дыхательных упражнений. Помимо конкретной пользы, которую каждая такая практика может приносить сама по себе для той или иной частной цели, все они полезны прежде всего потому, что человеку приходится заставлять себя выполнять их вопреки любым возможным обстоятельствам. Научившись преодолевать внутреннее сопротивление, он в дальнейшем сможет легче справиться с сопротивлением извне.

Прежде чем вступить в битву с сопротивлением воды, двигатель парохода должен преодолеть собственную инерцию.

Когда Воля в конце концов станет устойчивой, нужно будет задуматься о ее силе. На нашей планете сила тяжести придаст телам ускорение тридцать два фута в секунду, но на Луне — гораздо меньшее. Так и Воля, даже самая целеустремленная и постоянная, может оказаться практически бесполезной, если противодействующие ей обстоятельства будут слишком сильны или же если она по какой-то причине не сможет вступить в борьбу с ними. Нет смысла хотеть луну с неба. Если человек чего-то хочет, он должен задуматься о том, какими средствами можно осуществить эту Волю.

Кроме того, и самая могучая Воля, направленная на какую-то одну цель, далеко не всегда полезна в других отношениях; иногда она даже оказывается нелепой.

1 «Великий Гримуар» — магический трактат, датированный 1522 годом, но в действительности написанный не позднее начала XIX в.

2 Ср. Мф. 13:45—46: «...подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее».

Рассказывают, что один человек потратил сорок лет на то, чтобы научиться переходить Ганг по воде, аки посуху; и в конце концов ему это удалось. Но святой гуру только упрекнул его: «Ну и дурак же ты! Все твои соседи каждый день спокойно переправляются на плоту за две пайсы¹».

Большинство из нас, если не все, рано или поздно сталкиваются с тем же. Мы лезем из кожи вон, чтобы чему-то научиться и чего-то достичь, — и, лишь достигнув, понимаем, что все наши приобретения не стоят даже слов «я этого хочу».

Но принять такую точку зрения за руководство к действию было бы ошибкой. Дисциплина, необходимая для изучения латыни, сослужит нам хорошую службу, когда мы пожелаем добиться чего-то совершенного иного.

В школе нас наказывали учителя; но если мы за все школьные годы не научились наказывать себя сами, значит, мы не научились ничему.

По существу, единственная опасность заключается в том, что достижения и успехи могут превратиться для нас в самоцель. Мальчик, который гордится школьными отметками, рискует окончить свои дни профессором колледжа.

Таким образом, гуру индуса, научившегося ходить по воде, имел в виду лишь то, что пора перестать гордиться достигнутым — и направить свои силы на какую-нибудь более достойную цель.

И, кстати говоря, поскольку божественная Воля едина, то не найдется такой способности, которая естественным образом не служила бы свершению судьбы человека, ею владеющего.

Далеко не всегда можно предсказать, когда именно нить того или иного цвета будет воткана в ковер Судьбы. Только когда ковер будет соткан полностью и рассмотрен с надлежащего расстояния, станет очевидно, что эта нить действительно заняла положенное ей место. И здесь возникает соблазн преломить копье на древнейшем из турниров — в поединке между свободой воли и предопределением.

Да, каждый человек «предопределен» таким образом, что каждый его поступок оказывается лишь пассивной равнодействующей всей совокупности сил, действовавших на него от начала времен, а его собственная Воля — лишь отголоском

¹ *Пайса* — мелкая индийская монета.

Воли Вселенной. Но, тем не менее, сознание «свободы воли» ценно; и если человек понимает эту «свободу» правильно — как частный, индивидуальный случай тех внутренних движений во Вселенной, сумма которых есть покой,— то в меру своего понимания он чувствует всю эту гармонию, всю эту целокупность. Правда, счастье, которое он при этом испытывает, можно подвергнуть сомнению — как содержимое лишь одной чаши весов, на другой чаше которых покоится равной величины несчастье; однако есть люди, которые полагают, что единственное подлинное несчастье — это чувство отрезанности от Вселенной, а потому все чувства меньшего масштаба лишаются для них всякого веса, и остается только бесконечное блаженство — одна из фаз бесконечного сознания этой ВСЕОБЩНОСТИ. Впрочем, подобные рассуждения несколько выходят за рамки данных заметок. Нет особого смысла утверждать, что слон и блоха таковы, каковы они есть, и не могут быть иными; однако в нашем восприятии слон больше блохи. И этот факт имеет практическое значение.

Нам известно, что человека можно научить делать то, чего он не смог бы делать без обучения,— и утверждать, что обучиться способен лишь тот, кому это «суждено», было бы с практической точки зрения довольно бессмысленно. Точно так же и учителю «суждено» учить. В этом аргументе детерминистов кроется та же ошибка, что и во всех «системах» игры в рулетку. Пока рулетка вертится, шансы, что красное выпадет два раза подряд,— чуть более трех к одному; но как только красное один раз выпало, условия изменяются.

Настаивать на вышеизложенном не было бы смысла, если бы слишком многие люди не путали Магию с Философией. Философия — враг Магии. Философия уверяет нас, будто в конечном счете все неважно и «che sara sara»¹.

На практике (а Магия — самое практичное на свете искусство жизни) подобных затруднений не возникает. Человека, который бежит за поездом, бесполезно убеждать, что ему «не судьба» догнать состав,— он просто бежит, и все тут; а если бы ему не нужно беречь дыхание, он бы на все ваши уговоры ответил: «К черту судьбу!»

1 «Будь что будет» (ит.).

Выше указывалось, что истинную Магическую Волю следует направить на высочайшее достижение, но это возможно лишь при условии развитого Магического Понимания. Жезл надо *заставить* расти в длину и набирать силу — сам по себе он не будет этого делать.

Каждый мальчишка мечтает стать машинистом. Некоторые действительно становятся машинистами — и остаются ими на всю жизнь.

Но в большинстве случаев Понимание развивается быстрее Воли, и мальчишка забывает о своей мечте задолго до того, как получает возможность осуществить ее.

Однако бывает и так, что Понимание останавливается в своем развитии на определенной точке, а Воля продолжает действовать вслепую.

Так, например, какой-нибудь бизнесмен, мечтающий о праздности и комфорте, ежедневно является ради этого в свою контору и гнет спину под бичом надсмотрщика, куда более жестокого, чем все, с кем доводилось сталкиваться ничтожнейшему из работников, состоящих у него на жалованье. Когда же он, наконец, решает выйти в отставку, обнаруживается, что его жизнь пуста. Средства достижения цели поглотили саму цель.

Счастливы только те, кто желает недостижимого.

Все богатства, и материальные, и духовные, — прах.

Любовь, скорбь и сострадание, три сестры, на первый взгляд, не подвластные этому проклятию, кажутся свободными от него лишь благодаря своему родству с Неудовлетворенностью.

Сама красота недостижима настолько, что к ней невозможно даже приблизиться; и подлинный художник, подобно подлинному мистика, никогда не узнает покоя. Маг — всего лишь его слуга. Жезл истинного художника бесконечно длинен — это творящий *махалингам*.

Беда лишь в том, что такой Жезл, естественно, слишком тонок по отношению к своей длине, а потому все время болтается. Очень и очень немногие художники осознают свою настоящую цель, и слишком часто опора для их бесконечного устремления оказывается настолько хрупкой, что не удается достичь ничего.

Маг должен встраивать все, чем он обладает, в свою пирамиду; и сколь же широким должно быть основание этой

пирамиды, чтобы вершина коснулась звезд! Нет такого знания и нет такой силы, которые не могли бы принести Магу пользу. Пожалуй, во всей Вселенной не найдется клочка материи, которым он мог бы пренебречь. Главный его противник — Великий Маг, тот самый Маг, который сотворил всю иллюзию мироздания; и, чтобы сойтись с ним в битве, после которой ничего не останется ни от него, ни от вас, вы должны стать равным ему во всем.

В то же время Маг обязан помнить, что каждый кирпич в его пирамиде должен стремиться к вершине — что все его стороны должны быть идеально ровны: даже в самых нижних слоях не должно быть мнимых совершенств.

Такова практическая и активная форма присяги Мастера Храма, в которой говорится: «Я буду толковать каждое явление как особое обращение Бога к моей душе»¹.

В «Liber 175»² описывается много практических приемов, помогающих сосредоточиться подобным образом на единой цели, и хотя предмет этой книги составляет поклонение избранному Божеству, приведенные в ней указания можно без труда обобщить и использовать для развития любых других разновидностей воли.

Таким образом, воля представляет собой активную форму понимания. Посвященный степени Мастера Храма при виде слизняка задается вопросом: «В чем суть этого послания от Незримого? Как мне истолковать это Слово Всевышнего Бога?» Посвященный же степени Мага [Magus] спрашивает: «Как мне использовать этого слизняка?» И он не должен сворачивать с этого пути. Хотя ему посылается множество вещей, которым он не находит никакого полезного применения, рано или поздно среди них попадется та, которая ему нужна; и тогда его Пониманию откроется, что в действительности ни одна из тех прочих вещей не была бесполезной.

Что касается вышеописанных начальных практик самоотречения, то на этом этапе станет совершенно понятно, что они были полезны лишь до поры до времени. Они имели смысл только как обучающие упражнения. Адепт посмеется над

1 11-й (заключительный) пункт «Великой Присяги», или «Присяги Бездны»; см. «Эквинокс», I, 1, с. 10—11.

2 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 602—619.

глупостями, которые он когда-то творил, ибо теперь все диспропорции в нем устранены, всё пришло в гармонию, и строение его души стало абсолютно естественным — в ней больше нет ничего неуместного и нелепого. Он сможет воспринять самого себя как позитивный Тау-крест, десять совершенных квадратов которого заключены в треугольник негативности; и эта фигура станет единой, как только он перейдет от равновесия противоположностей к состоянию их тождества.

Постигнув на основе всего вышесказанного, что самое могущественное из доступных ученику орудий — это Обет Священного Повиновения, многие воскликнут: «О, если бы у меня только была возможность ввериться наставничеству какого-нибудь святого гуру!» Но все отнюдь не так сложно, как им кажется: для этого обета сгодится в качестве гуру любой человек, способный отдавать приказания, — при условии, что он не будет чересчур снисходителен и ленив.

Единственная причина, по которой имеет смысл избрать наставником того, кто уже поднялся на вершину, заключается в том, что такой гуру будет помогать спящему челе пробудиться и, проявляя милосердие к этому несчастному, бережно закалять его, в то же время услаждая его слух священными речами. Но если найти такого наставника не представляется возможным, достаточно выбрать любого человека из постоянного круга общения, объяснить ему ситуацию и попросить о содействии.

Желательно, чтобы этот человек был благонадежным; и пусть чела не забывает: если гуру прикажет ему прыгнуть с обрыва, то куда лучше будет повиноваться, чем отказаться от практики.

И, принося обет, ни в коем случае не делайте никаких оговорок. Яйцо нужно купить, не торгуясь.

Члены некоего Общества¹ давали клятву лишь после того, как получали заверение, что от них не потребуется «ничего такого, что противоречило бы их гражданскому, нравственному или религиозному долгу». В результате, когда один из них пожелал нарушить обет, ему без труда удалось подыскать для этого достойное основание. И обет утратил всю свою силу.

¹ Имеется в виду Герметический орден Золотой Зари.

Когда Будда воссел под благословенным Деревом Бо, он принес клятву, что ни один из обитателей десяти тысяч миров не заставит его подняться, пока цель его не будет достигнута,— и не сдвинулся с места, даже когда искушать его явился сам Мара, великий Царь Зла, с тремя своими дочерьми, великими соблазнительницами.

Разумеется, для начинающего столь суровый и грозный обет будет бесполезен: ему еще не хватит сил противостоять самому Мару. Пусть он оценит свои возможности и принесет такой обет, который будет ему по силам, но потребует полного их напряжения. Так Милон поначалу носил на плечах новорожденного теленка; теленок рос день за днем, а когда превратился в быка, Милону уже хватало сил и на это¹.

Повторим еще раз, что самый подходящий метод для новичка дается в «Liber III»²; но, даже если ученик совершенно уверен в своих силах, лучше всего поначалу давать обет на очень короткое время. Пусть начнет с одного часа в день и ежедневно увеличивает время практики на полчаса, пока не дойдет до полного дня. Затем пусть сделает небольшой перерыв, после чего попробует выполнить упражнение в течение двух дней; и так далее, пока не освоит практику в совершенстве.

Начинать он должен с самых легких упражнений. При этом действие, от которого ученик поклялся воздерживаться, не должно быть из числа тех, которые в обычных обстоятельствах он совершает нечасто, поскольку иначе нагрузка на память — опору его бдительности — окажется слишком велика и упражнение сильно усложнится. На начальном этапе вполне нормальна ситуация, когда боль в руке возникает как раз в тот момент, когда в обычных обстоятельствах он совершил бы запрещенное действие, как бы предостерегая его тем самым от повторения ошибки.

1 Милон Кротонский — знаменитый греческий атлет VI века до н.э. Однажды на олимпийских играх поднял на плечи четырехлетнего быка и с ним четыре раза кругом обошел ристалище, а затем в течение одного дня съел этого быка целиком.

2 Эту книгу следует изучить очень внимательно. Суть ее в том, что ученик дает клятву воздерживаться от определенной мысли, слова или действия и при каждом нарушении обета режет себе руку острой бритвой. Это лучше бичевания, поскольку это можно делать и прилюдно, не привлекая к себе внимания. Описанные упражнения составляют самую увлекательную салонную игру из всех, какие только изобретались когда-либо в семейном кругу. Друзья и родные будут стараться из всех сил, чтобы заманить вас в ловушку и вынудить нарушить запрет. — *Примеч. А. Кроули.*

Таким образом, в его психике закрепится четкая связь между причиной и следствием, которая в конце концов научит его избегать избранного для тренировки действия столь же старательно, как он избегает тех вещей, которых приучен не делать еще с детства.

Когда глазу грозит опасность, веки непроизвольно смыкаются¹. Ученик должен развить способность к торможению до такой же степени, пока та не закрепится глубже сознания, наполнив запас его бессознательных сил и позволив своему владельцу посвящать осознанную энергию задачам более высоким.

Эта способность к торможению станет для него неоценимым подспорьем, когда он займется медитацией. Он уже научился защищать свой ум от мыслей А, В и С; он умеет приказывать часовакам пропускать только тех, кто в мундире. А значит, он без труда сможет обобщить эти навыки и опустить привратную решетку.

Но пусть не забывает, что мысли различаются между собой не только по частоте повторения, но и по интенсивности.

Худшая из них — это, разумеется, само эго, почти вездесущее и почти непреодолимое, но укорененное так глубоко, что в ходе обычных размышлений человек далеко не всегда способен осознать его присутствие.

Будда, взяв быка за рога, первым делом атаковал именно эту идею.

Каждый пусть решает для себя сам, насколько такой подход благоразумен. Но, несомненно, более простым кажется прежде избавиться от тех вещей, без которых легко можно будет обойтись.

Большинству людей сложнее всего будет управиться с Эмоциями² и вызывающими их мыслями.

1. Будь это не так, немного бы осталось на свете зрячих. — *Примеч. А. Кроули.*

2. Отсюда и далее речь идет о четырех из пяти скандх — составляющих человеческого «я», выделяемых в буддизме. На санскрите слово «скандха» означает «склонность», однако Кроули называет «склонностями» одну из скандх — самскару. Перечень скандх таков: рупа (санскр. «форма; физические чувства»; понятие, близкое к понятию материи в западной философии); ведана (санскр.; чувства, эмоции, переживания; ощущение чего-то нового; опознание; у Кроули — «Эмоции»); самджня (санскр.; эмоциональное восприятие опознанного; представление, понятие; у Кроули — «Представления»); самскара (санскр.; обусловленность прошлыми впечатлениями; воля; опыт; действия на основании воли и опыта; у Кроули — «Склонности») и виджняна (санскр. сознание; различение; накопление знания; у Кроули — «Сознание»).

Однако Эмоции вполне возможно — и необходимо — не просто укротить, но и поставить себе на службу. Например, такую Эмоцию, как гнев, иногда полезно обращать против той части мозга, которая своим бездействием подрывает наше самообладание.

Если и есть среди эмоций хоть одна, не приносящая никакой пользы, так это гордость: ведь она неразрывно связана с Это...

Нет, от гордости никакого проку быть не может!

Избавиться от Представлений, как грубых, так и более тонких, по всей видимости, гораздо легче, поскольку они не затрагивают ум и не мешают помнить о необходимости контроля.

Несложно увлечься какой-нибудь книгой настолько, чтобы перестать обращать внимание даже на самый прекрасный пейзаж. Но если вас ужалил оса, вы тотчас же забудете о книге.

Однако со Склонностями сражаться гораздо труднее, чем со всеми тремя низшими *скандхами*, вместе взятыми, — по той простой причине, что они по большей части таятся в бессознательном. Для того, чтобы их разрушить, необходимо пробудить их и, так сказать, вывести на свет, из-за чего Воля Мага в определенном смысле вынуждена добиваться двух противоположных целей одновременно.

Сознание же уничтожается только в *самадхи*.

Итак, процесс, который начался с нашего отказа думать о своей ноге, завершается избавлением от чувства индивидуальности, и теперь логика его вполне очевидна.

Что касается способов уничтожения различных глубоко укоренившихся идей, то их существует немало.

Но самый лучший из них, пожалуй, — это метод уравнивания. Приучите себя находить противоположность всякой мысли, возникающей в вашем уме. В общении с другими людьми всегда противоречьте собеседнику. Рассматривайте его доводы; но, сколь бы глубокое одобрение они у вас ни вызвали, выдвигайте контраргумент.

Это надо делать беспристрастно: чем более вы убеждены, что та или иная точка зрения верна, тем решительнее следует искать доказательства ее ошибочности.

Если вы исполните предписанное со всем усердием, то эти точки зрения перестанут вас волновать; и тогда вы сможете

отстаивать свою точку зрения со спокойствием учителя — гораздо более убедительным, чем энтузиазм ученика.

Вы потеряете всякий интерес к дискуссиям; политика, этика, религия станут казаться вам пустыми игрушками, и ваша Магическая Воля освободится от этих помех.

В Бирме есть только одно животное, которое люди непременно убивают при встрече,— гадюка Рассела. «Или ты ее убьешь, или она — тебя»,— говорят они, и все сводится к тому, кто заметит другого первым.

Точно так же следует обходиться с любой идеей, кроме одной-единственной Идеи — Той Самой. Убив змею, можно использовать ее кожу, но до тех пор, пока она жива и свободна, вы в опасности.

И, как это ни прискорбно, идея эго — самая настоящая идея! — способна принимать несметное множество форм, облеченных в поистине роскошные одеяния. Сатана, как говорится, способен предстать в обличье Ангела Света¹.

Нет ничего ужаснее, чем столкнуться с таким испытанием под бременем магической клятвы. Обычному человеку не понять искушения святых. От близкого знакомства с идеями наподобие тех, что терзали святого Патрика или святого Антония, обычный человек угодил бы в сумасшедший дом.

Чем крепче вы сжимаете эту змею (которая до тех пор дремала на солнышке и казалась довольно безобидной), тем простней она извивается; и важно не забывать, что ваша хватка должна, соответственно, становиться еще крепче, а иначе змея вырвется на свободу и ужалит вас.

Стоит запретить ребенку что-либо делать (неважно, что именно), он тотчас же захочет сделать именно это, хотя без нашего запрета ему, возможно, это и в голову бы не пришло. Точно так же и со святым. В каждом человеке дремлют те или иные склонности; о большей части из них мы и не догадываемся и можем оставаться в неведении до конца своих дней — если только наша Магия их не разбудит. Они таятся в засаде. И все их, без исключения, следует разбудить; и все их, без исключения, следует уничтожить. Подписать Клятву Послушника — все равно что разворошить осиное гнездо.

1 2 Кор. 11:14: «...сам сатана принимает вид Ангела света».

Достаточно лишь четко заявить о своем осознанном устремлении, и враг уже тут как тут.

Кажется, что выдержать этот чудовищный год послушничества — просто не в человеческих силах. И это при том, что от соискателя не требуется ничего сложного — фактически, почти ничего вообще. Однако же, по опыту, впечатление такое, что человека оторвали от родного очага и бросили посреди штормовой Атлантики. На самом деле, не исключено, что задача оказывается сложной именно в силу своей крайней простоты.

Послушник должен держаться за свое устремление, подтверждая его вновь и вновь, пусть даже из последних сил.

Возможно, он уже почти потерял его из виду; возможно, оно лишилось для него всякого смысла; возможно, он повторяет его чисто механически, носясь по воле ветра и волн.

Но если он все-таки его удержит, испытание будет пройдено.

И как только оно будет пройдено, послушник вновь увидит все в настоящем свете; он поймет, что все, казавшееся столь реальным, было лишь иллюзией, и укрепитя перед лицом новых испытаний, ожидающих его впереди.

Но, воистину, горе тому, у кого не достанет выдержки! Сколько бы он ни твердил: «Мне не нравится Атлантика, хочу домой», — это ему не поможет.

Для того, кто сделал хоть один шаг на пути, назад возврата нет. Вспомните строки из браунинговского «Чайльд-Роланда»:

Но — к цели! Оказался вскоре я
На пустоши, бурьяна полной злого.
Смотрю назад — дорога и поля.
Здесь — мертвая бесплодная земля
До горизонта утомляет взгляд.
Идти вперед — нет для меня иного!¹

И это справедливо для всех. Оговорка, гласящая, что Послушник при желании может отречься от своей клятвы, в действительности предназначена лишь для тех, кто клянется чисто формально.

¹ Из стихотворения Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошел до Темной Башни». Пер. с англ. Н. Эристави.

Подлинную Магическую Клятву нарушить нельзя: даже если вам кажется, что это возможно, на самом деле она нерушима.

И в этом — достоинство подлинной Магической Клятвы.

Сколько бы вы ни ходили кругами, рано или поздно вы все равно достигнете цели; а все ваши попытки нарушить клятву лишь навлекут на вас несчастья самого ужасного свойства.

Следует раз и навсегда усвоить, что такова природа вещей, и ни один человек, сколь бы могуществен он ни был и сколь бы высоко ни поднялся, не изменит ее своей волей: вся его сила, вся мощь его великой клятвы не одолеет даже самой слабой клятвы самого заурядного новичка.

Любая попытка противостоять Магической Воле другого человека была бы злодеянием, не будь она сущей бессмыслицей.

Пытаться воздвигнуть Волю можно тогда, когда еще нет ничего, кроме хаоса прихотей; но как только воцарился порядок, он становится свят. Как говорит Блейк, «все живое священно»¹; а потому священнойшая из задач — сотворение жизни. Творцу не так уж важно, что именно он создает: во вселенной хватит места и для паука, и для мухи.

Материалы, из которых будет слеплен бог, выбираются из мусорной кучи Хоронзона!

Такова высшая суть Мистерии Искупления; и таков же, быть может, истинный смысл существования (если можно считать что существованием) формы, или, если угодно, Эго.

Поразительно, что этот закономерный возглас — «Я есмь я!» — исходит именно от того, кто никоим образом не является «я»².

И только тот Учитель, чья Воля была столь могущественна, что от легчайшего ее изъявления глухие обретали слух, а немые — голос, прокаженные очищались, а мертвые вставали из могил³, — только Он и никто иной был способен на вершине своей смертной муки воскликнуть: «Не моя Воля, но Твоя да будет!»⁴.

1 Из поэмы У. Блейка «Бракосочетание Неба и Ада».

2 «Я есмь я!» — здесь: слова Хоронзона, демона рассеяния; см. «Liber 418» («Видение и Голос»), 10-й Эфир. Ср. также Исх. 3:14: «Я есмь Сущий».

3 Ср. Мф. 11:5: «...слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют».

4 Лк. 22:42.

ЧАША

Если Магический Жезл есть Воля, Мудрость и Слово Мага, то Магическая Чаша — его Понимание.

Это та чаша, о которой сказано: «Отче Мой! если будет на то Твоя Воля, да минует Меня чаша сия»¹. И еще: «Можете ли пить чашу, которую Я пью?»²

И она же — чаша в руке ГОСПОЖИ НАШЕЙ БАБАЛОН и чаша Причастия.

И чаша сия полна горечи, крови и хмеля.

Понимание Мага — это пассивная форма его связи с Незримым.

Воля его заблуждается активно, когда противопоставляет себя Воле Вселенной.

Понимание же его заблуждается пассивно, когда воспринимает любые влияния, кроме тех, что исходят от высшей истины.

Поначалу Чаша ученика почти пуста; и даже те капли истины, которые ему удастся собрать, могут проливаться из нее и пропадать втуне.

Говорят, венецианцы умели делать стеклянные сосуды, которые меняли цвет, если в них попадал яд. Вот из такого стекла ученик и должен сделать свою Чашу.

Приобретя мало-мальский опыт на мистическом пути, он осознает, что среди впечатлений, им воспринимаемых, нет ни единого истинного. Одни ложны сами по себе, другие получают ложное истолкование в его уме.

Существует лишь одна-единственная истина. Все прочие мысли ложны.

Глубже исследовав свой собственный ум, ученик поймет, что само его устройство настолько несовершенно, что на постижение истины он не способен даже в самых возвышенных своих состояниях.

Он увидит, что любая мысль — это всего лишь проведение некоей связи между «я» и не-«я».

¹ Мф. 26:39, в русском синодальном переводе: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша эта; впрочем не как Я хочу, но как Ты».

² Мк. 10:38.

Кант продемонстрировал, что сами законы природы — это всего лишь обстоятельства, обуславливающие мышление¹. А течение мыслей — это кровь разума. Поэтому говорят, что Магическая Чаша наполнена кровью Святых. Все мышление следует принести в жертвенный дар наивысшему.

Чашу трудно назвать «орудием». Она кругла, как и пан-такль, а не пряма, как жезл и кинжал. Ее природа — восприятие, а не проецирование.

В операциях вызывания Маг исполняет роль Бога по отношению к вызываемому Духу; он стоит в Круге, а дух находится в Треугольнике. Но, предстая пред лицом своего Бога, Маг сам располагается в Треугольнике. Поэтому все круглое для него — символ влияния свыше. Этот круг символизирует Бесконечное, тогда как всякий крест или Тау-крест представляют Конечное. Четырехугольник обозначает Конечное, неподвижно утвержденное в самом себе; именно по этой причине алтарь имеет четырехугольную форму — он служит прочным основанием для всех разворачивающихся вокруг него операций. Одна из форм² магической чаши — полукруглая емкость, укрепленная на сфере, которая, в свою очередь, покоится на коническом основании³.

Такая чаша (состоящая из полумесяца, сферы и конуса) символизирует три принципа — лунный, солнечный и огненный. Согласно индийскому учению, таковы три начала, циркулирующие в теле⁴.

1 И. Кант. «Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука», §§14—38.

2 Некрасивая форма. Более удачная приведена на илл. 13 [стр. 107]. — *Примеч. А. Кроули.*

3 Так выглядит Чаша Приготовителя в ритуалах Внешнего ордена Емлоты Зари.

4 Когда ученику впервые удастся успокоить ум, он видит эти «начала», а точнее, то из них, которое преобладает в данный момент. Опыт этот столь чудесен — даже для тех, кто поднимался в астральных видениях очень высоко, — что его можно по ошибке принять за Конец Пути. См. главу о дхьяне [стр. 66—76].

Еврейские буквы, соответствующие этим началам, — Гимел [Луна], Реш [Солнце] и Шин [Огонь и Дух], а слово, составленное из них, означает «цветок», а также «изгнанный», «исторгнутый». — *Примеч. А. Кроули.*

Это Чаша Очищения; как говорит Зороастр, а посему «жрец, совершающий действие Огня, да омоется прежде // чистую, звучной водой многошумного моря»¹.

Море очищает мир. А «Великим Морем» в каббале именуется Бина, «Понимание».

Работа Мага очищается его Пониманием.

Более того, Бина — это Луна, а емкость этой чаши имеет форму луны.

Луна здесь — это путь Гимел, по которому влияние Венца нисходит к Солнцу сефиры Тиферет.

Опорой же для нее служит пирамида огня, символизирующая устремление ученика.

Согласно индийской символике, капли амриты, или «росы бессмертия»², стекают на человека непрерывно, однако их сжигает грубый огонь его страстей. Йогин старается собирать и сберегать эту росу, прижимая кончик языка к заднему нёбу.

Относительно воды в этой Чаше можно сказать следующее: если жезл должен быть идеально жестким, идеально твердым, то вода, напротив, должна быть идеально текучей.

Жезл направлен вертикально вверх и должен простирается до Бесконечности.

Поверхность воды горизонтальна и должна простирается до Бесконечности.

Первый — линия, вторая — плоскость.

Но как Жезл, не имеющий толщины, слаб, так и вода, не имеющая глубины, лжива. Понимание Мага должно охватить собою все сущее и достичь бесконечной глубины.

Герберт Уэллс сказал: «Каждое слово, не известное человеку,— это не известная ему идея». И невозможно понять все в совершенстве, не располагая об этом знаниями.

Понимание — это структурирование знаний.

Все впечатления разрознены, как со всей ужасающей ясностью осознаёт новорожденное Дитя Бездны; и для того, чтобы согласовать их между собой, Мастер Храма должен

1 «Халдейские оракулы», §193. Эта фраза произносится в магических церемониях при очищении Храма водой.

2 А — отрицательная частица, *mrta* — «смертный». — *Примеч. А. Кроули.*

просидеть в Городе Пирамид 106 времен, ибо задача эта поистине колоссальна¹.

В учении о связи между знанием и пониманием нет ничего сугубо оккультного.

Зеркало воспринимает все впечатления, но не согласовывает их между собой.

Дикарь способен проводить лишь самые примитивные связи между идеями.

И даже обычный цивилизованный человек продвинулся не многим дальше.

Каждый шаг вперед на пути мышления — это результат накопления максимально возможного количества фактов, их последующей классификации и группирования.

Склад ума, присущий филологу (пусть даже говорящему всего на одном языке), относится к гораздо более высокому типу, нежели склад ума, характерный для лингвиста (пусть даже тот владеет двадцатью языками).

Точный аналог этого Древа Мысли — древовидная структура нервной системы.

В наши дни встречается очень много людей, исключительно «хорошо информированных», но не имеющих ни малейшего представления о том, что означают известные им факты. Необходимые для этого высшие умственные способности у них не развиты. Индукция для них — непосильная задача.

Подобная склонность к простому накоплению фактов без всякой их обработки граничит со слабоумием. Известны случаи, когда умственно отсталым людям удавалось нашпиговать свою память таким количеством знаний, на какое нормальному человеку нечего и надеяться.

¹ *Дитя Бездны* — в ордене А.:А.: переходная ступень от степени Свободного Адепта ($7^{\circ}=4^{\circ}$) к степени Мастера Храма ($8^{\circ}=3^{\circ}$). На этой стадии уничтожаются все связи между компонентами «я» и всё сложное в нем распадается на простейшие составные части, после чего проявление последних становится невозможным, поскольку всякая вещь познаваема лишь во взаимосвязях с другими вещами. Далее, на степени Мастера Храма, посвященный должен достичь совершенного понимания Вселенной. В результате полностью уничтожается та внешняя личность, которая ограничивала и подавляла его истинное Я. Символически Мастер Храма представляется как «пригоршня праха», пребывающая в «Городе Пирамид в ожидании Великого Огня, что сожжет на этот прах и обратит его в пепел» («Магия в теории и на практике», глава XXI). 106 — число Смерти, число буквы Нун (в полной записи: Нун=50, Вав=6, Нун=50, 50+6+50 = 106), соответствующей Агу XIII, Смерть. Подробнее см.: *Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 155.

В этом огромный недостаток современной системы образования: ребенку набивают голову фактами, даже не пытаясь объяснить, как они связаны между собой и что из них следует. И в результате даже сами факты очень быстро забываются.

Подобный подход оскорбителен и раздражителен для всякого достойного ума и способен испортить даже самую хорошую память.

Любые две данные идеи обретают подлинный смысл лишь тогда, когда их примиряет между собой третья, а провести эту операцию в совершенстве можно лишь при условии, что исходные две идеи противоположны друг другу. В этом сущность гегельянской логики.

Как было показано выше, Магическая Чаша — это также цветок. Это лотос, раскрывающийся навстречу солнцу и собирающий росу.

Лотос держит в руке Исида, великая Мать. Это символ, подобный Чаше в руке ГОСПОЖИ НАШЕЙ БАБАЛОН.

Согласно индийской системе физиологии, упомянутой в главе о дхаране¹, лотосы есть и в человеческом теле².

В крестцовом отделе, где пребывает спящая кундалини, расположен трехлепестковый лотос — вместилище репродуктивной силы.

На уровне пупка размещается шестилепестковый лотос — хранилище сил, которые питают и поддерживают тело.

Лотос в области солнечного сплетения — сосуд нервной силы.

Шестилепестковый лотос в области сердца соответствует Тиферет и хранит в себе жизненную силу, связанную с кровью.

Шестнадцатилепестковый лотос на уровне гортани — вместилище сил, которые питают дыхание.

В лотосе о двух лепестках, расположенном в области шишковидной железы, накапливаются силы, питающие мысль.

И, наконец, над стыком черепных костей помещается величественный лотос о тысяче и одном лепестке, воспринимающий

¹ См. стр. 62—65.

² Все эти лотосы располагаются вдоль позвоночного столба, через который проходит три канала: посредине — *сушумна*, а по обе стороны от него — *ида* и *пингала* (ср. Древо Жизни). Центральный канал сжат у основания кольцами *кундалини*, магической силы, спящей змеи. Пробуди ее — и она устремится вверх по позвоночнику, а по *сушумне* потечет *прана*. Подробнее см. «Раджа-йогу» [Вивекананды]. — Примеч. А. Кроули.

лияния свыше; в этом лотосе пробужденная *кундалини* адепта наслаждается блаженным общением с Владыкой всего сущего.

Илл. 14. Чакры

Магическая Чаша — символ всех этих лотосов.

В человеческом теле эти лотосы лишь слегка приоткрыты или раскрываются только для того, чтобы принять соответствующее им питание. В сущности, проще сказать, что они закрыты; заключенные в них питательные силы в отсутствие солнечного света превращаются в яд.

Магическая Чаша — это сосуд без крышки, однако ее следует постоянно держать под плотным покрывалом, открывая лишь при воззваниях к Наивысшему.

Кроме того, чашу необходимо скрывать от непосвященных. Жезл следует беречь от посторонних глаз, дабы профаны, убоившись, не дерзнули сломать его; Чашу же — дабы они не осквернили ее прикосновением.

Верно, что служитель, кропящий водой из этой чаши, благословляет не только Храм, но и тех, кто не вхож в него: вода должна изливаться щедро и без ограничений! Однако не открывайте никому своей истинной цели; и никому не открывайте тайны вашей силы.

Помните о Самсоне! Помните о Гае Фоксе!¹

¹ Самсон попал в руки филистимлян, открыв своей возлюбленной Далиле, бывшей с ними в сговоре, тайну своей силы, которая заключалась в его волосах. Гай Фокс (1570—1606) — английский дворянин, самый знаменитый участник «Порохового заговора» (1605) против короля Иакова I; заговор был раскрыт из-за утечки информации, и Гая Фокса схватили и казнили.

Из всех способов развития Понимания наилучшими, пожалуй, следует признать те, что предлагает священная каббала,— при условии, что разум полностью осознаёт их абсурдность и не позволяет переубедить себя¹.

Полезны также медитации особого рода — не медитация в строгом смысле, предназначенная для успокоения ума, но практики наподобие саммасати².

В эзотерическом плане можно, при необходимости, тренировать ум посредством изучения какой-либо развитой науки, например, химии или математики.

Организация знаний — это первый шаг, второй же — интерпретация. Мастер Храма, степень которого соответствует Бине, клянется «толковать каждое явление как особое обращение Бога к его душе».

Но опробовать эту практику с пользой для себя может даже начинающий.

Факты либо встраиваются в систему, либо нет; если нет — гармония нарушается; но поскольку гармонию Вселенной нарушить невозможно, то разлад следует искать в уме ученика — так выясняется, что он звучит не в тон со вселенским хором.

Пусть он сначала найдет место в мозаике для самых значимых фактов, затем перейдет к не столь важным... и наконец, в один прекрасный летний день, разморенный и отяжелевший после сытного обеда, он внезапно постигнет смысл существования мух и увидит ему достойное оправдание!

Поначалу все мы не понимаем почти ничего, и это поистине ужасно и прискорбно. Мы видим, что этот мир полон жестокости, расточительства и скудоумия.

На первых порах размышления о Вселенной — чистая, почти ничем не смягчаемая мука. Этим фактом объясняется большинство философских умопостроений.

Ежегодно в ночь на 5 ноября (годовщину провала заговора) в Англии отмечают Ночь костров или Ночь фейерверков, когда, по традиции, сжигают чучело Гая Фокса. Популярное стихотворение о Пороховом заговоре начинается словами «Помните 5-е ноября — заговор против короны».

1 См. ниже раздел «Интермедия» [стр. 136—149]. — *Примеч. А. Кроули.*

2 См.: «Тренировка ума» («Эквинокс», I, 5), «Психология гашиша» («Эквинокс», I, 7), «Книга 913». — *Примеч. А. Кроули.*

Саммасати (санскр. букв. «правильное воспоминание») — постоянное удержание в памяти того факта, что все сущее по природе своей преходяще; по преданию, это было последнее слово, произнесенное Буддой.

Средневековые философы безнадежно заблуждались, поскольку теология требовала от них соотносить все на свете с мерилом благополучия человека. Затем дело дошло до таких нелепостей: Бернарден де Сен-Пьер¹ (или кто?) утверждал, что близ того места, где люди возводили большой город, Господь в милосердии Своем всякий раз пролагал реку, дабы способствовать торговле. Но правда в том, что воображать себе Вселенную служанкой человека бессмысленно. Если лошади созданы для того, чтобы человек на них ездил, то не для того ли создан человек, чтобы его ели черви?

Таким образом, мы вновь убеждаемся: **чтобы достичь Понимания, прежде необходимо беспощадно выкорчевать саму идею Эго.**

На первый взгляд кажется, что эта установка несовместима с той, на которую опирается Мастер Храма. Что может быть естественнее, чем толковать каждое происшествие как особое обращение Бога к нашей душе?

Однако Бог есть все сущее, а не какая-либо часть; а, следовательно, каждое такое «обращение» означает расширение души, избавление ее от обособленности.

От каждого солнечного луча цветок раскрывается шире.

Поверхность воды в Магической Чаше беспредельна, и нет на ней ни единой точки, отличной от любой другой².

Поэтому, в конечном счете, если Жезл — это связывание и ограничение, то Чаша есть расширение — в Бесконечность.

И в этом таится опасность, грозящая Чаше: она непременно должна быть открыта всему сущему, но если вложить в нее нечто несоизмеримое, неуравновешенное или нечистое, она пострадает.

И здесь источником затруднений снова оказываются наши мысли. Грубость и тупость «простых впечатлений» мутят воду; «эмоции» вздымают на ней волны; «представления» все еще

1 Бернарден де Сен-Пьер, Жак Анри (1737—1814) — французский писатель-сентименталист, последователь Руссо, автор романа «Поль и Виржиния» и ряда философских сочинений. Следующее далее утверждение приводится в его труде «Этюды природы» (1784—1787); там же встречается немало других подобных соображений, нелепых в силу крайнего антропоцентризма.

2 «...если смешаете вы разделенное пространство, сказав, "Они едины" или "Их много" <...> — готовьтесь к страшному приговору Ра Хор Хуита! Так возродится мир, малый мир — сестра моя» [«Книга Закона», I:52—53]. Это — слова НУИТ, нашей Звездной Владычицы, от которой Бина — лишь отражение в мутном зеркале. — *Примеч. А. Кроули.*

слишком далеки от совершенной чистоты истины — они порождают отражения; «склонности» же преломляют свет с тем или иным коэффициентом. И даже само «сознание» есть то, что проводит различие между низшим и высшим¹; это та ужасная стадия в великом кощунстве сотворения мира, на которой вода, что над твердью, отделяется от воды, что под твердью.

Так как вода эта², даже в самом лучшем случае, — всего лишь отражение, сколь же безмерно важной становится задача ее успокоения и поддержания в неподвижности!

Если чаша колеблется, свет преломляется.

Поэтому Чашу устанавливают на Алтаре, форма которого — четырехугольник, Воля, помноженная на Волю³, подтверждение Воли в Магической Клятве, закрепление Воли в Законе.

Когда вода мутна, заметить это нетрудно; нетрудно и очистить ее от ила; но есть и такие нечистые примеси, от которых не избавиться иначе, как с помощью дистилляции, да и ту в некоторых случаях приходится повторять до семидесяти семижды раз.

Однако существует универсальный растворитель и гармонизатор — роса столь чистая, что одной капли ее, добавленной в Чашу, достанет, чтобы на время вода обрела полное совершенство.

Имя этой росе — Любовь. Даже если это любовь человеческая, под властью ее вся Вселенная представляется совершенной; Божественная Любовь же, о которой ныне идет речь, способна на много большее.

1 Здесь перечисляются пять скандх — составляющих человеческого «я»; см. примеч. 2 на стр. 121.

2 Вода в этой Чаше (последняя также представляет собой сердце, о чем свидетельствует история Таро: масть червей [англ. *hearts* — «червы», а также «сердца». — *Примеч. перев.*] в старинных колодах и даже в современных испанских и итальянских картах именуется «чашами») — это буква Мем (еврейское слово, означающее «вода»), которой среди старших арканов Таро соответствует «Повешенный». На карте «Повешенного» изображается адепт, подвешенный за одну ногу на виселице, которая имеет форму буквы Далет — буквы «Императрицы», небесной Венеры в Таро. Ноги адепта скрещены, а руки образуют треугольник: своей уравновешенностью и самопожертвованием он низводит свет в нижние сферы и утверждает его даже в самой Бездне.

При всей своей простоте, это весьма удачный символ Великой Работы, хотя очевидную сентиментальную интерпретацию его ученик должен будет отбросить сразу же, как только поймет ее. Возомнить себя Искупителем — иллюзия очень благородная, а, следовательно, очень опасная. Ибо так — со всеми иллюзиями в этой Чаше: чем они тоньше и чище, тем труднее их выявить. — *Примеч. А. Кроули.*

3 Число, соответствующее Воле, — 2, число сефиры Хокма.

Ибо любовь человеческая есть возбуждение, а не успокоение ума; и, будучи привязана к отдельной личности, в конце концов лишь приносит большие беды.

Божественная Любовь же, напротив, не привязана ни к каким символам.

Она не терпит никаких ограничений, ни по мощи, ни по охвату. Она — не что иное, как та звездная роса, о которой говорится в Священных Книгах¹, ибо НУИТ, Звездная Владычица, именуется «непрерывной в Небе», и это — та Роса, что омывает тело Адепта «благовонным нектаром пота»².

Поэтому, хоть в Чашу эту и вмещается все сущее, но силою сей росы оно утрачивает все свои особенности. И потому эту Чашу держит в руке БАБАЛОН, Владычица Города Пирамид, где все неотличимы друг от друга и где не дано воссесть никому, кто еще не утратил свое имя.

О том, чем наполнена эта Чаша, сказано также, что это — вино. Это — Чаша Опыянения. Опыянение [*intoxication*] означает отравление, и прежде всего — тем ядом, которым смачивают стрелы (греч. *τοχον* — «лук»). Обдумайте Видение Стрелы из «Liber 418» и обратитесь к тем местам из Священных Книг, где о действии духа образно говорится как о влиянии смертельного яда³.

Ибо для каждой отдельно взятой вещи Достижение означает, в первую очередь, разрушение ее индивидуальности.

Каждая из наших идей должна предать свое «я» Возлюбленному, дабы в конце концов и мы смогли предать свое «я» Возлюбленному в свой черед.

Читавшие «Историческую лекцию»⁴ вспомнят, как Адепты, те, «кто некогда с улыбкой оставили дома свои и свое достояние, жен и детей своих, дабы совершить Великую Работу, ныне

1 *Священные Книги* — в традиции Телемы тексты, написанные Анистером Кроули в состоянии духовной экзальтации или же, как в случае с «Книгой Закона», продиктованные ему независимой сущностью внечеловеческой природы. Они входят в «класс А» публикаций А.А.А. — группу текстов, в которые запрещается вносить какие бы то ни было изменения.

2 «Книга Закона», I:27.

3 См.: *Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 210—215; см. также: *Святые книги Телемы*, указ. соч., стр. 89, 129, 151—152, 235—236, 239, 272.

4 «Liber 61», которую вручают тем, кто желает стать Послушником А.А.А. — *Примеч. А. Кроули*.

См.: *Святые книги Телемы*, стр. 25—29.

смогли со спокойной решимостью и твердой верностью оставить самую Великую Работу; ибо в этом и состоит последняя и величайшая алхимическая проекция¹.

Мастер Храма пересек Бездну и вошел во Дворец Королевской Дочери; ему достаточно вымолвить одно слово, и все растворится. Но вместо этого он укрывается в земле и возделывает сад².

Тайна сия слишком глубока, чтобы разъяснить ее в этих обрывках неочищенных мыслей; ее следует постигать в медитации.

ИНТЕРМЕДИЯ³

В каждом детском стихе заключены глубокие магические тайны, открывающиеся каждому, кто изучил соответствия, принятые в священной каббале. Выискивая в этих «бессмыслицах» мнимый смысл, человек задумывается о Мистериях; он погружается в глубокое размышление о святых предметах, и Сам Господь ведет душу его к подлинному просветлению. Этим же объясняется и необходимость Воплощения: чтобы достичь Совершенной Истины, душа должна погрузиться в полную мнимость.

Например⁴:

1 Проекция — здесь: завершающая алхимическая операция (projection, букв. «бросание»), на которой совершенная субстанция философского камня смешивается с неблагородным металлом и превращает его в золото.

2 Ср. *Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 157—159.

3 Эта глава была продиктована в ответ на случайную реплику Сестры Virakam. Брат P[erdurabo] заметил в шутку, что Истина содержится во всем — надо только знать, как отыскать ее; и взялся оправдать свои слова, приняв брошенный вызов. Сюда эти рассуждения включены не ввиду какой-либо их особой ценности, а лишь для того, чтобы испытать читателя. Того, кто сочтет нижесказанное шуткой, следует отнести к одной категории никчемных глупцов; того, кто подумает, будто Брат P[erdurabo] верит, что сочинители этих стихов руководствовались некими оккультными намерениями, — к другой категории глупцов, столь же никчемных. Сестра Virakam выбирала стихи наудачу. — *Примеч. А. Кроули*.

4 Стихи в жанре «нонсенса», рассматриваемые в этом разделе, взяты из знаменитого сборника английских народных стихов и песенок для детей — «Сказки Матушки Гусыни». В большинстве своем они известны русскоязычному читателю в различных переводах. Однако интерпретации их основаны на анализе отдельных слов и даже букв, составляющих слова, поэтому мы вынуждены в каждом случае использовать оригинальный текст и подстрочный перевод. Известные литературные переводы приводятся в примечаниях.

Old Mother Hubbard
Went to her cupboard
To get her poor dog a bone;
When she got there,
The cupboard was bare,
And so the poor dog had none.

Старая Матушка Хаббард
Пошла в буфет,
Чтобы дать косточку бедной собачке;
Когда она пришла,
Буфет был пуст,
Так что бедная собачка осталась ни с чем¹.

Кто же эта древняя почтенная матушка, о которой здесь идет речь? Воистину, это сама Бина, как свидетельствует священная буква *H*, с которой начинается ее имя².

Это не бесплодная Мать Ама, но плодовитая Айма³; ибо в ней заключен Сын — Вав, вторая буква ее имени⁴; предпоследняя же буква — *R*, Солнце, Тиферет, Сын⁵.

Остальные три буквы ее имени — *B*, *A* и *D* — суть три пути, соединяющие между собой троицу высших сефирот⁶.

Что это за буфет, в который она направилась? Не что иное, как сокровеннейшие пещеры мироздания. А что такое собачка

1 Перевод Г. Варденги:

Матушка Фэтти // В кастрюльках в буфете // Две кости припрятала песику.
// Но хитрые мышки, // Откинув две крышки, // Оставили песика с носиком.

Перевод И. Явчуновской:

Матушка Модд // Открыла комод, // Чтоб кости собачке достать повкусней,
// Но комод был пуст, // И косточек хруст // Собачка слышала... но во сне.

2 *H* — первая буква имени Hubbard и аналог еврейской буквы *He*, соответствующей Матери в составе Тетраграмматона и сефире Бина, символизирующей Мать на Древе Жизни.

3 Ама (Ама) — каббалистическое имя Божественной Матери — Айма (Айна), записанное без буквы Йод (которая символизирует оплодотворяющее семя).

4 Английская буква *u* (вторая в имени Hubbard) — один из аналогов еврейской Вав, соответствующей Сыну в составе Тетраграмматона.

5 Буква *R* — соответствие XIX аркана Таро, «Солнце». В свою очередь, Солнце как небесное светило — астрологическое соответствие сефиры Тиферет, а последняя символизирует Сына на Древе Жизни.

6 *B* — путь Бет, соединяющий Кетер и Бину, *A* — путь Алеф, соединяющий Кетер и Хокму, *D* — путь Далет, соединяющий Хокму и Бину.

[dog]? Не что иное, как имя Бога [God], записанное по каббалистическим правилам задом наперед. А косточка? Разумеется, это Жезл, священный лингам!

Теперь полное истолкование этой песенки ясно, как на ладони. Стих этот — предание об убийстве Осириса Тифоном¹.

Части тела Осириса были разбросаны по всему Египту.

Исида обыскала все уголки вселенной и нашла всё, кроме священного лингама, который был обнаружен лишь недавно (см. «Звезду на Западе» Фуллера²).

Рассмотрим другой пример из той же богатой сокровищницы магических знаний.

Little Bo Peep
She lost her sheep,
And couldn't tell where to find them.
Leave them alone!
And they'll come home,
Dragging their tails behind them.

Малютка Бо Пип
Потеряла овечек
И не знает, где их искать.
Оставь их в покое!
И они вернутся домой,
Волоча за собой свои хвостики³.

1 Тифон — эллинизированное имя египетского бога Сета, брата и убийцы Осириса.

2 Фуллер, Джон Фредерик Чарльз (1878—1966) — английский военный, историк и оккультист, в 1906—1911 — друг и соратник Алистера Кроули, член А.А.А.. В 1907 г. опубликовал книгу о творчестве Кроули под названием «Звезда на Западе», в которой объявил Кроули новым Дионисом и основателем новой религии, идущей на смену христианству, — неогерметизма, или неорозенкрейцерства, которому Фуллер дает название «кроулианство». Здесь Кроули ссылается на примечание, в котором Фуллер утверждает: «Кроули сумел отыскать не только все части тела Осириса, найденные Исидой, но и фаллос, который она не нашла» (подразумевается важнейшая роль, отведенная в учении Кроули фаллическим идеям).

3 Перевод В. Лунина:

Плачет Мэри-бедняжка: // «Я не вижу барашка! // Потерялся барашек мой!» // «Ты не плачь, моя Мэри! // К нам вернется потеря // Вместе с хвостиком за спиной!»

«Бо» — это корень со значением «Свет», от которого происходят такие слова, как «дерево Бо», «бодхисаттва» и «Будда».

А «Пип» — это не кто иной, как Апоп (Апер), змей Апофис¹. Таким образом, в этом стихотворении содержится тот же символ, что и в священных писаниях египтян и древних евреев.

Змей — это символ посвящения, Агнец же — Спаситель.

Древний Змей, олицетворенная Мудрость Веков, сидит, погруженный в свою вековую тоску, ожидая Спасителя. И этот священный стих торжественно заверяет нас, что для беспокойства нет причин. Спасители будут являться один за другим по собственной доброй воле и тогда, когда в них возникнет необходимость; и каждый из них будет увлекать за собой к высшей цели свои «хвостики», то есть тех, кто будет следовать их священным заповедям.

Далее мы читаем:

Little Miss Muffett
Sat on a tuffet,
Eating of curds and whey,
Up came a big spider,
And sat down beside her,
And frightened Miss Muffet away.

Малютка мисс Маффет
Сидела на пригорке,
Ела сыворотку с творогом,
Пришел большой паук
И сел рядом с нею,
И мисс Маффет убежала в испуге².

1 Апофис — эллинизированное имя Апопа, змея, с которым сражается египетский бог солнца Ра.

2 Перевод О. Седаковой:

Малютка мисс Бумби // Сидела на тумбе, // Хлебала свою простоквашку.
// Но выглянул вдруг // Свирепый паук // И спугнул нашу Бумби, бедняжку.

Перевод И. Родина:

Крошечка Лесли // Сидела на кресле // И яблочный ела пирог. // Но сзади к ней вдруг // Подкрался паук — // И Лесли скорей наутек.

В образе малютки мисс Маффет, вне всякого сомнения, представлена Малка¹, ибо она — незамужняя девица. Она восседает на «пригорке», т.е. перед нами не прошедшая возрождения душа, пребывающая на краю Тофета, адской ямы². При этом она пьет «сыворотку» — не что иное, как молоко матери, чистое, но претерпевшее распад.

Но кто такой паук? Воистину, здесь освященная веками тайна! Как и все насекомые, паук обозначает демона. Но почему именно паук? Кто же такой этот паук, которой «лапками цепляется, но бывает в царских чертогах»? Имя этому пауку — Смерть. Именно страх смерти вынуждает душу в первый раз задуматься о своем отчаянном положении.

Жаль, что традиция не сохранила для нас дальнейшие похождения мисс Маффет.

Но нам пора обратиться к следующему стиху:

Little Jack Horner
Sat in a corner,
Eating a Christmas pie.
He stuck in his thumb,³
And pulled out a plum,
And said: «What a good boy am I!»

Малыш Джек Хорнер
Сидел в уголке,
Ел рождественский пирог.
Сунул в него большой палец,
Выковырял сливу
И сказал: «Какой я хороший мальчик!»⁴

¹ Малка (др.-евр. «Царица») — один из титулов сефиры Малкут, именуемой также Кала (др.-евр. «Невеста»).

² Тофет — название места в долине Еннома (Геенны) близ Иерусалима, где стоял идол Молоха, в жертву которому сжигали детей. Впоследствии это место превратилось в свалку, а само слово «тофет» стало одним из синонимов преисподней.

³ Притч. 30:28.

⁴ Перевод О. Седаковой:

Малютка Чарли Клок // Уселся в уголок, // В рождественский пирог он сунул пальчик: // Середку ковырнул, // А сливу облизнул // И говорит: «Какой я славный мальчик!»

В истолковании этого замечательного стихотворения обнаруживаются разногласия между двумя великими школами Адептов.

Одни утверждают, что Джек — это всего лишь искаженное Джон, Иоп, идущий¹, — то есть Гермес, Вестник. Другие просто, но с благоговением отождествляют Джека с Иакхом, духовной ипостасью Вакха². Однако не так уж важно, какой именно аспект Святого Духа Божьего мы здесь подчеркнем — стремительность или экстаз; а то, что речь идет именно о Духе Святом, очевидно, поскольку даже поверхностного знакомства со Святыми Евангелиями и сочинениями Конгрива достаточно, чтобы понять: имя Хорнер применимо только к Нему, и ни к кому иному³. В контексте же это становится еще яснее, ибо он восседает в углу, то есть на месте Христа, Краеугольного Камня⁴, и вкушает рождественскую пищу, то есть наслаждается тем, что приносит нам Христово рождество. Он — Утешитель, занимающий место отсутствующего Спасителя. Если в личности Его все еще остаются какие-то сомнения, то их развеивает окончательно тот факт, что в пирог сего нового ниспослания благодати он погружает именно большой палец — символ великой стихии Духа, а не какой-либо из остальных четырех пальцев, связанных с четырьмя малыми стихиями. Из этого пирога он извлекает того, кто созрел, — вне сомнения для того, чтобы направить его проповедовать миру; и, совершая это, радуется, что так хорошо исполняет Волю Отца.

Но обратимся от этого благословеннейшего предмета к другому:

1 Др.-греч. *ιων* — «идущий».

2 *Иакх* — божество, связанное с Элевсинскими мистериями, впоследствии слившееся с Вакхом-Дионисом. По одним версиям — сын, питомец или супруг Деметры, несущий в себе черты земледельческого божества, по другим — сын Персефоны и Зевса, тождественный Дионису-Загрею. Имя его происходит от экзотического возгласа «иакх!», звучавшего в Элевсинских мистериях.

3 *Хорнер* (Horner) — англ. букв. «рогатый». *Конгрив*, Уильям (1670—1729) — английский драматург и поэт. Вероятно, Кроули подразумевает цитату из его комедии «Любовь за любовь»: «Плодовита, плодовита голова, увенчанная рогами; рога суть плод головы». В Евангелии от Луки 1:68—69 Иисус Христос именуется «рогом спасения»: «...благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего».

4 Христос традиционно именуется «краеугольным камнем» в связи с его речением из Мф. 21:42: «...камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла».

Tom, Tom, the piper's son,
Stole a pig and away he run.
The pig was eat,
And Tom was beat,
And Tom went roaring down the street.

Том, Том, сын свирельщика,
Украл свинью и убежал.
Вот свинья съедена,
А Том — побит,
И Том бежит с ревом вниз по улице¹.

Это стихотворение — одно из самых понятных и общедоступных. В сущности, это всего лишь солярный миф. Том — не кто иной, как Атум [Toum], бог заходящего Солнца (Сын Аполлона — Свирельщика, творца музыки). Всякий, кому довелось наблюдать неистовый закат над морем в тропических странах, признаёт, сколь несравненное описание подобного заката дано в великолепной заключительной строке; так что единственное затруднение в настоящем стихе представляет свинья. Одни предполагают, что свинья эта символизирует вечернее жертвоприношение, другие отождествляют ее с Хатхор, Владычицей Запада, в самой чувственной ее ипостаси.

Но гораздо более вероятно, что данное стихотворение — лишь первая строфа некоего эпоса. Все отличительные признаки этого налицо. Кое-кто утверждает, что «Илиада» не завершена, а оборвана. Так же и здесь. У этого стиха наверняка должно быть продолжение: сам по себе он сообщает нам слишком много и, в то же время, слишком мало. Почему поедание обычной украденной свиньи обернулось такой трагедией? И вот великая загадка — кем же «съедена» эта злостная свинья?!

¹ Перевод С. Маршака:

Том, Том, сын трубача, // Украл поросенка и дал стрекача. // Украл он свинью и за это побит. // И вот он в слезах по дороге бежит.

Перевод Ю. Сабанцева:

Томас, Томас, сын флейтиста, // Спер свинью и смылся быстро. // Свинку мигом слопали, // Томаса отшлепали, // Он по улице несется с охами и воплями.

Но мы вынуждены оставить этот вопрос без ответа, ибо разрешить его окончательно не представляется возможным. Перейдем лучше к следующему стихотворению:

Hickory, dickory, dock!
The mouse ran up the clock;
The clock stuck one,
And the mouse ran down,
Hickory, dickory, dock!

Гиккори, диккори, док!
Мышь взбежала на часы;
Часы пробили один раз,
И мышь сбежала вниз.
Гиккори, диккори, док!'

Оно сразу же переносит нас на более высокий план. Часы символизируют позвоночный столб или, если угодно, само Время, понимаемое как один из факторов, обуславливающих обыденное сознание. Мышь — не что иное как Эго, поскольку *мыш*, [лат.] «мышь», — это всего лишь *смит*, [лат.] «я есмь», записанное по каббалистическим правилам задом наперед.

Когда Эго, или прана, или сила кундалини, возводится вверх по позвоночнику, часы издают один удар, то есть уничтожают двойственность сознания. После этого поднявшаяся сила опускается вновь на свой обычный уровень.

«Гиккори, диккори, док!» — это, по-видимому, мантра, которой пользовался Адепт, сочинивший данное стихотворение; вероятно, он надеялся запечатлеть ее в сознании людей, дабы они также смогли достичь самадхи тем же способом. Другие толкователи приписывают ей более глубокое значение, однако рассмотреть его сейчас мы не сможем, поскольку должны обратиться к следующему стиху:

1 Перевод С. Маршака:

Вышли мыши как-то раз // Поглядеть, который час. // Раз-два-три-четыре.
Мыши дернули за гири. // Вдруг раздался страшный звон — // Убежали
мышки вон.

Перевод И. Родина:

Хикори-диккори-док! // Мышки на часики — скок! // Часы заиграли — //
И мыши сбежали. // Хикори-диккори-док!

Humpty Dumpty sat on a wall;
Humpty Dumpty got a great fall;
All the king's horses
And all the king's men
Couldn't set up Humpty Dumpty again.

Хампти-Дампти сидел на стене;
Хампти-Дампти рухнул вниз;
Вся королевская конница
И вся королевская рать
Не смогла усадить Хампти-Дампти обратно¹.

Это настолько просто, что в пояснениях почти нет нужды. Хампти-Дампти — это, разумеется, Яйцо Духа; стена — Бездна, а его падение, следовательно, есть нисхождение духа в материю; и уж кому-кому, а нам с вами прекрасно известно, что никакая королевская конница, никакая королевская рать не в силах вознести нас обратно в горние выси.

Сделать это может только Сам Король!

Впрочем, слишком трудно рассуждать на тему, над которой уже столь плодотворно поработал Ludovicus Carolus², сей высокопросвещеннейший человек Божий. Его мастерский разбор трех горизонтальных путей — Далет, Тет и Пе — одно из самых изумительных мест во всей священной каббале³. А представленное им преображение того, что казалось нам рабскими оковами, в самую любовь, в расшитую золотом ленту почета, даруемую нам самим Королем, — одно из самых возвышенных достижений подобного рода во всей литературе.

1 Это стихотворение использовано в книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и широко известно в переводе С. Маршака:

Шалтай-Болтай сидел на стене, // Шалтай-Болтай свалился во сне. // Вся королевская конница // И вся королевская рать // Не может Шалтая, // Не может Болтая, // Шалтая-Болтая, // Болтая-Шалтая, // Шалтая-Болтая собрать.

2 *Ludovicus Carolus* — латинская запись имени «Льюис Кэрролл», псевдонима, образованного путем перевода на латынь настоящего имени писателя — Чарльз Лютвидж (Доджсон).

3 Путь Пе, соединяющий Нецах и Ход и соответствующий «Башне» (символу войны) в Таро в таком толковании соответствует четвертой линии шахматной доски, где Алиса встречается с воинственными Труляля и Траляля. Путь Тет, соединяющий Гебуру и Хесед и соответствующий «Вожделению» (аналогу «Силы») в Таро, — шестой линии, на которой происходит встреча с Единорогом и Львом (фигурирующим на традиционных изображениях данного аркана). Путь Далет, соединяющий Бину и Хокму и соответствующий «Императрице» в Таро, — восьмой линии и коронации Алисы.

Peter, Peter, pumpkin eater,
Had a wife and couldn't keep her.
He put her in a peanut shell;
Then he kept her very well.

Питер, Питер, поедатель тыкв,
У него была жена, но он не мог за ней уследить.
Он посадил ее в стручок арахиса
И там прекрасно смог за нею следить.

Этот подлинный древний текст буддийской школы хина-на высоко ценится и по сей день наиболее образованными и преданными последователями упомянутой школы.

Тыква — это, разумеется, символ воскресения, как известно всем, кто изучал историю о тыкве и пророке Ионе¹.

Следовательно, Питер — не кто иной как архат, вознамерившийся положить конец цепи своих воскресений. Питером он назван в знак того, что архаты суть камни², из которых сложена великая стена хранителей человечества. Его жена — это, конечно же, его тело (по общеизвестной символике), которое он не мог блюсти должным образом, пока не облачил ее в стручок арахиса — желтую ризу бхикку.

Будда говорил, что человек, пожелавший стать архатом, должен в тот же день принять обеты бхикку или умереть. Именно это речение Будды и пожелал увековечить неизвестный поэт, сложивший следующие строки:

Taffy was a Welshman,
Taffy was a thief;
Taffy came to my house
And stole a leg of beef.
I went to Taffy's house;
Taffy was in bed.
I took a carving knife,
And cut off Taffy's head.

1 См. Ион. 4:5—11.

2 Имя Питер (Петр) происходит от др.-греч. πέτρος — «камень».

Тэффи был валлийцем,
Тэффи был вором;
Тэффи пришел в мой дом
И украл говяжью ногу.
Я пришел к Тэффи домой;
Тэффи лежал в постели.
Я взял разделочный нож
И отрезал Тэффи голову¹.

Тэффи — это попросту уменьшительное от «Тафтартарат», имени Духа Меркурия, бога, покровительствующего уроженцам Уэльса или воров. «Мой дом» — разумеется, эквивалент «моего магического Круга». Обратите внимание, что Бет, буква Меркурия и карты «Маг», означает «дом».

Говядина — символ Быка, Аписа-Искупителя². Следовательно, это то, о чем сказано: «О, мой Бог, скрой славу Свою! Приди яко тать, и похитим Святыя Дары!»³

Следующая строка сообщает нам, что Тэффи лежит «в постели» — как следствие поглощения упомянутых Святых Даров. Великая задача алхимика — фиксация Ртути⁴ — исполнена.

Остается только взять Священный Кинжал и отделить *caput mortuum*⁵ от Эликсира. Некоторые алхимики полагают, что говядина символизирует ту плотную физическую субстанцию, которой необходимо насытить Ртуть для ее фиксации; но мы здесь, как и везде, отдаем предпочтение более духовному толкованию.

Bye, Baby Bunting!
Daddy's gone a-hunting.
He's gone to get a rabbit-skin
To wrap my Baby Bunting in.

1 В известном переводе В. Лунина смысл этого стихотворения сильно смягчен:

Тэффи из Уэльса — эдакий нахал! — // Однажды в дом ко мне пришел и колбасу украл. // Я — снова к Тэффи, зная, что он ушел давно, // И в печке сжег его штаны и куртку заодно.

2 Апис — священный бык в древнеегипетской мифологии; раз в 25 лет совершалось торжественное жертвоприношение быка, провозглашенного Аписом.

3 «Liber 7», VI:10—11.

4 Английское название Ртути — Mercury — тождественно имени Меркурия.

5 *Caput mortuum* (лат. букв. «мертвая голова») — осадок.

Баю-бай, пухлый малыш!
Папа ушел на охоту.
Он ушел добыть кроличью шкурку,
Чтобы укрыть моего пухлого малыша¹.

Это мистический призыв к новорожденной душе сохранять неподвижность, соблюдать постоянное сосредоточение в медитации; ибо в слове «бай» Бет — буква мысли, а Йод — буква «Отшельника»². Здесь заключено обетование, что Отец Всего Сущего укроет эту душу Своим величественным безмолвием. Ибо кто, как не кролик, «лежит себе тихохонько и ни гугу»³?

Pat-a-cake, pat-a-cake, baker's man!
Bake me a cake as fast as you can!
Pat it and prick it and mark it with P!
Bake it in the oven for baby and me!

Ладушки, ладушки, ученик пекаря!
Испеки мне пирожок, да поживей!
Похлопай его, проколи его и пометь буквой «П»!
Испеки его в печи для меня и моего малыша!⁴

Чтение этих стихов обычно сопровождается (и даже в наши дни в детской) церемониальным хлопанием в ладоши — символом самадхи⁵. Сравните, что говорится на эту тему в нашем рассуждении по поводу знаменитого отрывка о Пришествии из Послания к Фессалоникийцам⁶.

1 Перевод Г. Варденги:

Спи, малютка, крепким сном,
Твой отец ушел с ружьем,
Чтоб крепыш мой белокурый
Был укрыт барсучьей шкурой.

2 Буква Бет соответствует аркану Таро «Маг» и Меркурию, а Йод — аркану Таро «Отшельник».

3 Характеристика Братца Кролика из «Сказок дядюшки Римуса» Джозеля Харриса.

4 Эти стишки обычно читают при игре в «ладушки». В третьей строке традиционно говорится «пометь буквой "Б"», но, как правило, букву заменяют на первую букву имени ребенка, с которым ведется игра (в данном случае использована буква «П» — инициал магического имени «Perdurabo»).

5 Аллюзия на знаменитый дзенский коан, уподобляющий просветление — достижение состояния недвойственности — хлопку одной ладони.

6 См. ниже, главу VIII (стр. 155—156).

Пирожок — это, разумеется, хлеб Причастия; комментировать же третью строку Брату Р. не пристало, хотя можно отметить, что даже среди католиков гостию испокон веков помечали знаком фаллоса или крестом.

Примечание Сестры Virakat

Около полуночи мы прекратили запись под диктовку и перешли к простой беседе. Брат Р[erdurabo] сказал: "О, если бы я мог надиктовать книгу, подобную 'Дао дэ цзину'!" — и закрыл глаза, словно погружившись в медитацию. За мгновение до того я заметила перемену в его лице, в высшей степени необычную, как если бы он стал другим человеком; в сущности, за те десять минут, что мы разговаривали, он как будто успел побыть многими разными людьми. Особенно меня удивило то, что зрачки его расширились настолько, что глаза стали почти черными. (Я сейчас так дрожу и внутренне трепещу от одной мысли о прошлой ночи, что не могу даже как следует выводить буквы.) Затем вся комната мало-помалу наполнилась густым желтым светом (темно-золотистым, но не сияющим. Точнее говоря, мягким, а не слепящим.) Брат Р[erdurabo] выглядел, как человек, которого я никогда не видела, но словно бы хорошо знала; его лицо, одежда и так далее светились тем же желтым светом. Я так обеспокоилась, что взглянула на потолок, пытаюсь понять, откуда же идет этот свет, но не увидела ничего, кроме свечей. Затем стул, на котором он сидел, как будто стал выше, превратился в подобие трона; сидящий же на нем казался мертвым или спящим, но, вне всякого сомнения, это был уже не Брат Р[erdurabo]. Я испугалась и стала оглядывать комнату в попытках понять, что же происходит; когда я снова взглянула на стул, он по-прежнему был высоким, и тот, кто сидел на нем, оставался прежним. Я поняла, что осталась одна; я подумала, что он умер, или ушел, или случилось еще что-то ужасное... и я потеряла сознание.

Итак, беседа оборвалась и осталась неоконченной, но к сказанному остается добавить, пожалуй, лишь то, что

продемонстрированная способность извлекать духовный мед из цветов, обещающих, на первый взгляд, столь немного, — это признак Адепта, доведшего свою Магическую Чашу до совершенства. Данный метод каббалистического толкования — один из лучших способов возвысить свой разум на уровень высшего сознания. Очевидным образом, он так мощно «подтолкнул» Брата Р[erdurabo], что тот моментально достиг полного сосредоточения и погрузился в транс¹.

ГЛАВА VIII

Меч

«Слово Божье живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого»².

Если Жезл — это Хокма, Воля, «Отец», а Чаша — Понимание, «Мать», Бина, то Магический Меч — это Разум, «Сын», шесть сефирот Руаха; Пантакль же, как мы увидим далее, соответствует Малкут, «Дочери».

Магический Меч — это аналитические способности; обращенный против всякого демона, он разрушает все сложное в нем.

Только простое может устоять против Меча. Поскольку мы пребываем ниже Бездны, для нас это орудие сугубо разрушительное: под его влиянием Сатана разделяется в самом себе.

Важным орудием Меч становится только в низших, чисто человеческих формах магии. Вполне можно было бы обойтись Кинжалом.

Но, как правило, разум для человека слишком значим и ценен, так что Меч оказывается самым большим из его орудий; несчастлив тот, кому достаточно Кинжала!

Рукоять Меча должна быть медной.

¹ См. примечание к «Элевсину» о бессмысленности молитв (Кроули, Собрание сочинений, том III, сс. 223—224). — *Примеч. А. Кроули.*

В указанном примечании Кроули рассуждает о поисках смысла в так называемых «варварских именах вызывания» и обосновывает тезис о том, что сама их бессмысленность — залог их эффективности.

² Евр. 4:12.

Гарда составлена из двух полумесяцев — растущей и стареющей Луны, расположенных спина к спине. Сферы, помещенные между ними, образуют равносторонний треугольник со сферической головкой эфеса.

Лезвие — прямое, сужающееся к концу, и остро отточенное по краям с обеих сторон, по всей длине, вплоть до гарды. Его следует изготовить из стали, чтобы уравновесить рукоять, поскольку сталь — это металл Марса, тогда как медь — металл Венеры.

Две эти планеты означают мужчину и женщину — и, таким образом, служат отражениями Жезла и Чаши, хотя и на гораздо более низком плане.

Рукоять соответствует Венере, поскольку движущая сила этого беспощадного анализа — Любовь; в противном случае Меч был бы орудием Черной Магии.

Головка эфеса Меча располагается в Даат, гарда простирается между Хесед и Гебурой, а острое достигает Малкут. Некоторые маги делают три сферы из свинца, олова и золота соответственно, полумесяцы — из серебра, а в рукоять добавляют ртуть, так что Меч в результате заключает в себе символы всех семи планет. Однако это лишь пустые измышления и жеманство.

«Все, взявшие меч, мечом погибнут»¹, — это не мистическая угроза, но мистическое обещание. Разрушить необходимо всё сложное в нас самих.

Вот еще притча: Петр, Камень Philosophorum², отсекает ухо Малху, рабу первосвященника³ (ухо — орган, соответствующий Духу⁴). В ходе анализа необходимо отделить от Малкут ее духовную часть при помощи философского камня, а затем Христос, Помазанный, снова восстановит все в целости. «Solve et coagula!»⁵.

1 Мф. 26:52.

2 Апостол Петр вначале звался Симоном, но Иисус дал ему имя Кифа («камень, скала» по-арамейски) в ознаменование твердости духа. Петр — перевод имени «Кифа» на греческий (петрос — «камень, скала»). Здесь этот «камень» отождествляется с философским камнем алхимиков.

3 Ин. 18:10: «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх». Далее по созвучию это имя отождествляется с Малкут.

4 В философии индуизма Акаша («Дух») считается источником звука, поэтому из органов чувств ей ставится в соответствие ухо.

5 «Растворять и сгущать» (лат.), алхимический девиз.

Примечательно, что это происходит во время ареста Христа (а Христос есть сын, Руах), незадолго до его распятия.

Крест Распятия состоит из шести квадратов, будучи разерткой куба, а куб — это и есть философский камень.

В медитации откроется множество тайн, заключенных в этом символе.

Меч или Кинжал соответствуют Воздуху — вездесущему, всепроникающему, но неустойчивому: это не тонкий феномен, как огонь, не химическое соединение, как вода, но всего лишь смесь газов¹.

Начинающему ученику не обойтись без Меча, и все же это грубое орудие. Его задача — не подпускать врагов или прокладывать себе дорогу сквозь их ряды. Владеть Мечом необходимо, чтобы войти во дворец, однако на брачном пиру он будет неуместен.

Можно сказать, что Пантакль — это хлеб жизни, а Меч — нож, которым его нарезают. Человек не может жить без идей, однако к идеям необходимо относиться критически.

Меч также служит для того, чтобы вселять ужас в демонов и подчинять их. Это должно оставаться Владыкой всех впечатлений. Нельзя допустить, чтобы демон разорвал Круг; нельзя допустить, чтобы какая-либо идея овладела вами безраздельно.

Нетрудно заметить, сколь примитивны и обманчивы все эти указания — однако для начинающих они решительно необходимы.

При общении с демонами острие Меча всегда должно быть направлено вниз. Использовать его для призывания, как учат некоторые школы магии, не следует.

Меч, обращенный острием в направлении Венца, перестает быть Мечом. Разделить Венец невозможно. Так что поднимать Меч не следует ни при каких обстоятельствах.

¹ Сам по себе кислород, будучи слишком активным, не может поддерживать жизнь, однако в составе воздуха он разбавлен большим количеством инертного газа азота. Рациональное мышление поддерживает жизнь, однако около 79 процентов его не только отказывается вступать в реакции, но и мешает делать это остальным 21 процентам. Интеллект охлаждает воодушевление; это великий враг благоговейного устремления. Одна из задач Мага — каким-то образом отделить в своем уме кислород от азота, заглушить влияние четырех пятых его объема, дабы остальное могло возгореться священным пламенем. Но с помощью Меча это сделать невозможно. — *Примеч. А. Кроули.*

Но, тем не менее, Меч можно держать направленным вертикально вверх, крепко обхватив его рукоять обеими руками: так он становится символом мысли, слившейся воедино с нераздельным устремлением и пламенеющей, как огонь. Этот огонь есть Шин, Руах Элохим, а не просто Руах Адам¹, — божественное, а не человеческое сознание.

Маг не может работать с Мечом, пока на голове его нет Венца.

Те Маги, которые попытались сделать Меч своим единственным или хотя бы просто главным орудием, сами себя уничтожили — разрушив не соединение, но разделенные части².

Слабость побеждает силу³.

Самые стабильные государственные образования за всю историю человечества удалось создать Китаю, где в основу взаимодействия между членами общества была положена учти-вость⁴, и Индии, которой хватило сил поглотить всех своих многочисленных завоевателей⁵.

За минувшее столетие Меч стал великим оружием. Не осталось такой идеи, которая не подверглась бы атаке мыслителей и смогла бы устоять перед ними. И ныне цивилизация рассыпается на части.

Рухнули все устои. Вся государственная деятельность свелась к сугубому практицизму или оппортунизму. Даже подлинность связи между Матерью и Ребенком, даже подлинность различий между Мужчиной и Женщиной — и те поставлены под сомнение.

Разум человека в отчаянии перед надвигающимся безумием, которым грозит ему распад этих четких и связных образов, пытается заместить их идеалами — каковым лишь в силу

1 Т.е. «Дух Божий», а не «Дух Человеческий».

2 Здесь необходимо отметить, что неоднозначность слова «разрушение» порождает немало заблуждений. «Solve» — это разрушение, но и «coagula» — также разрушение. Цель Мага — уничтожить свое частное сознание, соединив его с Сознанием Всеобщим, а не усугубить еще более раскол и разделенность Целого. — *Примеч. А. Кроули.*

3 Ср. «Дао дэ цзин», 36: «Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное».

4 Учивость — одна из основных конфуцианских добродетелей.

5 Даже брамины — не настолько закрытая каста, как «небеснорожденные» (Индийская гражданская служба). — *Примеч. А. Кроули.*

Индийская гражданская служба (Indian Civil Service) — чиновно-бюрократическое ведомство в Британской Индии, составлявшее основу колониальной администрации и комплектовавшееся из интеллектуальной элиты Оксфорда и Кембриджа.

своей неопределенности удается уцелеть и не погибнуть, едва родившись.

Волю Короля можно было, по крайней мере, точно выяснить в любой момент; но никто еще не изобрел способа точно выяснить волю народа.

Любое осознанное волевое действие сталкивается с неодолимыми преградами; ход событий свелся к чистому движению по инерции.

Прежде чем Маг возьмет в руки Меч, он должен принять все это к сведению. Ему необходимо понять, что Руах — этот комплекс из шести сефирот, не образующих жесткого соединения, но объединенных лишь в силу своей связи с человеческой Волей, сосредоточенной в Тиферет, — должен быть разделен на части.

Чтобы преодолеть ум, прежде следует разрушить его и погрузить в своего рода безумие.

«Вымыслы ненавижу»¹, — сказал Давид.

«Все, о чем можно помыслить, не является истиной», — говорят индусы.

«Плотские помышления — вражда против Бога»², — сказал Павел.

И всякий, кто займется медитацией и посвятит ей хотя бы час, скоро сам увидит, как этот порывистый бесцельный ветер колеблет и задувает его пламя. «Ветер дышит, где хочет»³. А обычный человек — легче соломинки⁴.

Некоторые предполагают, что между Дыханием и Разумом существует лишь чисто этимологическая связь. Но в действительности их связывает более глубокое родство⁵.

1 Пс. 118:113: «Вымыслы (человеческие) ненавижу, а закон Твой люблю».

2 Рим. 8:7.

3 Ин. 3:8.

4 Однако сказано, что «*similia similibus curantur*» [«подобное лечат подобным» (лат.)], и тот же Руах оказывается символом Духа. Руах Элохим [אֱלֹהִים רוּחַ, Реш=200, Вав=6, Хет=8, Алеф=1, Ламед=30, Хе=5, Йод=10, Мем=40], Дух Божий, даст в сумме 300, число священной буквы Шин. Дыхание по природе своей двойственно, как обоюдоострый Меч [т.е. имеет две фазы — вдох и выдох. — Примеч. перев.], а символ дыхания — буква Н [Хе], буква Овна — обители Марса, Меча [здесь сохраняется традиционное соответствие буквы Хе IV аркану Таро, «Императору»; впоследствии Кроули соотнес эту букву с XVII арканом, «Звездой». — Примеч. перев.], и буква Матери [в составе Тетраграмматона. — Примеч. перев.]; такова связь между Мечом и Чашей. — Примеч. А. Кроули.

⁵ Не вызывает сомнений, что в первичном значении Руах — это «нечто движущееся или вращающееся», «движение», «колесо», «ветер» и что свое вторичное значение — «разум» — это слово приобрело в результате наблюдений.

Так или иначе, связь между дыхательной и мыслительной функциями несомненна. Ученик удостоверится в этом, практикуя пранаяму. Благодаря этим упражнениям часть мыслей блокируется, а те, которым все-таки удастся проникнуть в сознание, движутся медленнее обычного, так что сознанию хватает времени убедиться в их ложности и уничтожить их.

На лезвии Магического Меча выгравировано имя АГЛА — нотарикон¹ фразы «Ате Гибор Леолам Адонаи» — «Твоя сила во веки веков, о Господи!».

Кислота, способная протравить сталь, — купоросное масло². Vitriol³ — это нотарикон фразы «Visita Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem»⁴. Иначе говоря: исследуя все сущее и приводя все в гармонию и соразмерность, ты отыщешь тайный камень, тот самый вышеупомянутый камень философов, который превращает всё в золото. Это масло, способное разъесть сталь Меча, — то самое, о котором сказано в «Liber 65», I:16: «Как кислота въедается в сталь <...> так я — в Дух Человеческий».

Смотрите, как тесно переплетены между собой все эти символы!

Центр Руаха — сердце, а потому Меч Руаха должен пронзить самое сердце Мага.

Но это — задача более отдаленная, та, о которой сказано в «Liber 7», V:47: «Будет ожидать он меча Возлюбленного и для

за особенностями разума, показавших его неустойчивость и склонность к движению по кругу. [Латинское] слово «Spiritus» стало означать «Дух» [англ. Spirit] в современном формальном смысле лишь благодаря усилиям теологов. Терминологически правильно это слово употребляется, например, в сочетании «Spirit of Wine» [англ. «винный спирт», букв. «дух вина»], т.е. воздушная часть вина. Но слово «inspire» [англ. «вдохновлять, воодушевлять»], по видимому, восходит к наблюдениям за тем, как нарушается дыхание у людей, охваченных божественным экстазом. — *Примеч. А. Кроули.*

1 *Нотарикон* (от лат. notarius — «писец, скорописец») — общее название двух каббалистических методов. Согласно первому, каждая буква изучаемого слова принимается за начальную букву или аббревиатуру какого-либо другого слова; в результате из букв одного слова составляется целая фраза. Согласно второму, из начальных, конечных, тех и других или же средних букв слов изучаемой фразы составляется новое слово или несколько слов.

2 *Купоросное масло* — старинное название серной кислоты.

3 *Vitriol* (лат. букв. «купорос») — в алхимии название универсального растворителя.

4 «Посети недра земли: очищением обретишь тайный камень» (лат.).

первого удара обнажит горло свое». В области горла располагается Даат — престол Руаха. Даат есть знание.

Когда в конце концов уничтожается само знание, открываются врата Города Пирамид¹.

Кроме того, в «Liber 220», III:11 сказано: «Да будет женщина препоясана мечом предо мной». Впрочем, в этих словах заключено предписание вооружить ведану самджней² — преодолеть эмоции ясностью восприятия.

Кроме того, в «Liber 65», V:14 упоминается Меч Адонаи, имеющий четыре лезвия: лезвие Молнии, лезвие Столпа, лезвие Змея и лезвие Фаллоса.

Однако этот Меч не для обычного Мага. Ибо это — тот пламенный Меч обращающийся, что стережет врата Эдема³, и в Мече том сокрыты Жезл и Чаша; так что сущность Мага, даже испепеленная Молнией и отравленная ядом Змея, все-таки сохраняет в себе органы, соединение которых есть верховное таинство.

С пришествием Адонаи индивидуум разрушается в обоих смыслах этого слова. Он разбивается на тысячу кусков и, в то же время, растворяется в простоте⁴.

Об этом же говорит святой Павел в своем Послании к общине в Фессалониках: «Потому что Сам Господь при вознесении, при голосе Архангела и трубе Божьей, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем»⁵.

Примитивное истолкование этого стиха как пророчества о «втором пришествии» не представляет для нас интереса; однако каждое слово его заслуживает глубокого осмысления.

1 Т.е. врата Бины, сефиры, соответствующей степени Мастера Храма (8°=3°).

2 *Ведана* (санскр.) — вторая из пяти скандх (составляющих человеческого «я»): чувства, ощущения, эмоции, переживания. Самджня — третья скандха: представление, понятие, восприятие. См. примеч. 2 на стр. 121.

3 Ср. Быт. 3:24: «И изгнал [Господь Бог] Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

4 Ср. первую стихотворную вставку в «Liber XVI» (XVI аркан Таро — это Пё, Марс, Меч.). — *Примеч. А. Кроули.*

5 I Фес. 4:16—17.

«Господь» здесь — это Адонаи, что по-еврейски означает «Господь мой»; Он «сходит с неба» — из горного Эдема, сахасрара-чакры в человеке, — с «возвещением», с «голосом» и с «трубой»; это вновь символы Воздуха, поскольку именно воздух — проводник звука. Под этими звуками подразумевается то, что слышит Адепт в миг экстаза.

Точнее всего это изображено на карте Таро «Ангел», соответствующей букве Шин — букве Духа и Дыхания¹.

При сошествии Адонаи весь ум человека распадается на части и тотчас же растворяется в слиянии с Ним.

«На воздухе» — вновь Руах.

Обратите внимание, что этимологически слово uv, «вместе с» [«в сретение (Господу)»], — это санскритское *Sam*, а еврейское *ADNI* [Адонаи, Господь] — санскритское *ADHI*².

Таким образом, выражение «в сретение Господу» идентично слову «самадхи» (санскритскому названию этого самого явления, описанного святым Павлом, — этого слияния «я» и не-«я», субъекта и объекта, этой химической свадьбы), и, следовательно, равнозначно символике Розы и Креста, рассмотренной под несколько иным углом³.

А поскольку сочетаться браком могут только единица и единица, то очевидно, что для вступления в подобный союз идея должна быть простой.

Поэтому каждую идею следует расчленить Мечом. И по этой же причине в сознании медитирующего человека должна присутствовать лишь одна-единственная мысль.

Далее можно перейти к вопросу о том, как при помощи Меча очистить Эмоции и преобразовать их в Представления⁴.

1 «Ангел» — старинное название XX аркана Таро, «Суд» (в Таро Тота — «Эон»).

2 Санскр. *sat* — «вместе с»; *adhi* — «над», в переносном значении — «наивысший, всевышний»; в совокупности образуют слово *samadhi* (самадхи), этимологически восходящее к сочетанию *sat* («вместе с») + *a* («по направлению к») + *dha* (глагольный корень со значением «помещать, приводить»).

3 Т.е. свершению Великой Работы, понимаемой как слияние Розы (пентаграммы — символа человека, микрокосма) с Крестом (разверткой куба, состоящей из шести квадратов, т.е. соответствующей гексаграмме — символу божества, макрокосма).

4 Речь снова идет о скандхах; см. примеч. 2 на стр. 121.

Предназначение Чаши заключалось в том, чтобы истолковывать Представления через Склонности; Меч же высвобождает Представления из паутины Эмоций.

Представления сами по себе бессмысленны; но Эмоции хуже, поскольку они заставляют свою жертву считать их истинными и значимыми.

Каждая Эмоция — это своего рода одержимость; ужаснейшее из кощунств — приписывать какие-либо Эмоции Богу в Макрокосме или чистой душе в Микрокосме.

Как можно привести в движение нечто самосущее и совершенное? Даже «вращение [вокруг точки] — зло»¹.

Если же сама точка придет в движение, она перестанет существовать, ибо единственный атрибут точки — ее местоположение.

Поэтому Маг должен добиться в данном отношении полной свободы.

Демоны постоянно пытаются уstrasшить или изумить Мага, внушить ему отвращение или влечение. Всему этому он должен противопоставлять сталь Меча. Если он уже избавился от идеи эго, эта задача будет сравнительно легкой, но если нет — почти неразрешимой. В «Дхаммападе» сказано:

«Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто таит в себе такие мысли, ненависть не прекращается².

И эта ненависть — та самая мысль, что препятствует любви, апофеоз которой есть самадхи.

Но молодому Магу еще не под силу практиковать привязанность к отвратительному; сперва пусть научится безразличию. Пусть он старается рассматривать любые факты просто как факты — так, как если бы они были историческими. Пусть избегает надуманного истолкования фактов. Пусть не ставит себя на место людей, к которым имеют отношение данные факты, а если ставит, то лишь для того, чтобы изучить и понять их.

Сочувствие³, негодование, хвала и хула не подобают наблюдателю.

1 См.: *Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 133.

2 «Дхаммапада», I:3. Пер. В.Н. Топорова.

3 Хотя иногда сочувствие необходимо для понимания. — *Примеч. 4. Кроули.*

Вопрос о количестве и качестве света, который дают свечи из навощенных христиан, до сих пор остается неизученным.

Кто знает, какая часть тела среднего миссионера предпочтительнее для гурманов? Мы можем только предполагать, что на вкус католик лучше пресвитерианина.

Однако, когда доходит до дела, только подобные вопросы и оказываются хоть сколько-нибудь значимыми.

Нерон не задумывался, что будут говорить о нем в отдаленном потомстве; и трудно представить себе каннибала, рассчитывающего, что какие-нибудь богобоязненные старушки, вдохновившись рассказами о его подвигах, добровольно пополнят запасы в его кладовой.

Очень немногие люди *видели* бой быков по-настоящему. Одни зрители ищут волнующих переживаний, другие — того извращенного возбуждения, которое вызывает подлинный или притворный страх. И лишь очень немногие отдают себе отчет в том, что свежая кровь, сверкающая под лучами солнца, — это, пожалуй, самый красивый цвет из всех, какие можно встретить в природе.

Общезвестный факт, что получить достоверное описание происходящего на спиритическом сеансе практически невозможно: эмоции затуманивают восприятие.

Надежда на правдивый отчет о событиях возникает только в абсолютном спокойствии лаборатории, где наблюдатель готов беспристрастно принять все, что бы ни случилось, и заботится лишь о том, чтобы точно проследить за происходящим и провести все необходимые измерения при помощи инструментов, не способных на эмоциональные переживания. Даже простейшие физиологические основы эмоций — ощущения наслаждения и боли — неизбежно ведут наблюдателя к ошибкам, даже будучи не настолько сильными, чтобы взбудоражить ум.

Опустите одну руку в горячую воду, а другую — в холодную. Затем погрузите обе руки в теплую воду. Одна рука скажет «горячо», а другая — «холодно».

И даже сами измерительные инструменты в силу чисто физических процессов, которым они подвержены, — таких как расширение и сжатие (своего рода корни наслаждения и боли), — становятся причиной погрешностей.

Претерпевая плавку при изготовлении термометра, стекло испытывает такое возбуждение, что высота ртутного столба продолжает колебаться в нем год за годом, еще лет тридцать, а то и больше; что же, в таком случае, можно сказать о разуме — материале неизмеримо более податливом! Нет такой эмоции, которая не оставила бы на нем своей отметины, а каждая подобная отметина означает изъян. Надежда и страх — это лишь две противоположные фазы единой эмоции; обе они несовместимы с чистотой души. Иное дело страсти: они суть производные собственной Воли человека. Их следует не подавлять, а дисциплинировать. Но эмоции возникают под воздействием плывне. Каждая эмоция — это вторжение в магический Круг.

В «Дхаммападе» говорится:

Как дом с плохой крышей беззащитен перед ветром и дождем, так в легкомысленный ум без труда проникает страсть.

Как дом с хорошей крышей защищен от ярости дождя и ветра, так в упорядоченный ум не может проникнуть страсть¹.

Пусть же ученик наблюдает за теми предметами, которые обычно вызывают у него эмоции; и, тщательно описав увиденное, проверяет его с помощью человека, привычного к подобным зрелищам.

Плодотворные объекты наблюдения для новичка — хирургические операции и танцующие девушки.

Читая эмоциональные книги, наподобие тех, которые навязывают детям, пусть ученик старается взглянуть на каждое событие с точки зрения, противоположной авторской. Но не следует при этом уподобляться тому частично раскрепощенному ребенку, который при виде картинки Колизея, полагая, что «одному бедному львенку не досталось ни одного христианина». Подобное допустимо лишь на первых порах. Недоброжелательная критика — это лишь первый шаг, и останавливаться на нем не следует.

Насочувствовавшись в досталь и христианам, и львам, пусть ученик откроет глаза на то, чего до сих пор не мог разглядеть

1 «Дхаммапада», I:14—15.

из-за сочувствия, — на то, что картинка отвратительна и по замыслу, и по композиции, и по графике, и по раскраске (скорее всего, именно так и будет).

Затем пусть займется изучением тех мастеров искусства или науки, которые умели наблюдать с ясным умом, не окрашенным никакими эмоциями.

Пусть учится распознавать идеализации, критиковать и вносить поправки.

Пусть осознает лживость Рафаэля, Ватто, Лейтона и Бугеро; пусть оценит правдивость Иоанна [?], Рембрандта, Тициана и О'Конора¹.

К подобным же выводам он придет, проведя аналогичные исследования в области литературы или философии.

Но прежде всего необходимо анализировать собственные эмоции, ибо, не преодолев их, о других людях судить невозможно.

Для анализа такого рода существуют различные способы; один из них — материалистический. Например, если ученик испытывает подавленность из-за неприятного сна, пусть объяснит себе: «Этот кошмар — всего лишь застой крови в мозге».

Строгий способ подобного анализа — медитация махасатипаттханы², однако в дополнение к ней ученик должен постоянно стараться оценивать все события в истинном свете. С особым вниманием следует принимать в расчет их относительность.

Ваша зубная боль не мешает никому за пределами очень узкого круга. Наводнение в Китае для вас — не более, чем пара строк в газете. Гибель всей Земли не имела бы ни малейшего значения для обитателей Сириуса. Скорее всего, даже тамошние астрономы не заметили бы столь пустячного происшествия.

1 Лейтон, Фредерик (1830—1896) — английский художник, глава викторианской классической школы живописи. Бугеро, Вильям-Адольф (1825—1905) — французский академический художник. Авторы многочисленных полотен на мифологические сюжеты, в свое время пользовавшихся огромной популярностью. О'Конор, Родерик (1860—1940) — ирландский художник-экспрессионист.

2 См. Кроули, [«Наука и буддизм»], «Собрание сочинений», том II, сс. 252—254. — Примеч. А. Кроули.

Медитацию махасатипаттханы (санскр. «великие основы осознанности») Кроули определяет как «практику наблюдения, которая впоследствии приобретает аналитический аспект по отношению к вопросу: “Что на самом деле является наблюдаемым?”».

А теперь, приняв к сведению, что сам Сириус — это, насколько вам известно, всего лишь одна, и притом далеко не самая важная, из множества идей, содержащихся в вашем уме, скажите на милость, с какой стати этот ум должен обращать внимание на вашу зубную боль? Развить это утверждение без тавтологии невозможно, поскольку оно очень простое; но именно потому, что оно очень простое, его следует действительно подчеркнуть. Гав! Гав! Гав! Гав! Гав!

Особое значение данная тема приобретает в связи с вопросами этики: многие не видят для себя возможности оценить достоинства какого бы то ни было поступка, не привлекая целый ряд соображений, в действительности не имеющих к нему ни малейшего отношения.

Ученые, чья компетентность не вызывает сомнений, принесли в свой перевод Библии массу неточностей — лишь потому, что были вынуждены принимать в расчет современную теологию. Самый яркий тому пример — «Песнь Песней» Соломона, типичный образец восточной эротической поэзии. Но признать упомянутый факт означало лишить эту книгу права на канонизацию, а потому переводчикам пришлось представить ее как чисто символическое произведение.

Они постарались облагородить все непристойные выражения, но даже им не достало дерзости, чтобы в полной мере справиться с этой задачей.

Нечестность такого рода достигает высшей степени в цензурировании классической литературы. «Библия — это Слово Божье, записанное святыми людьми по вдохновению от Духа Святого. Но мы вправе вычеркнуть те места, которые нам представляются неподобающими». «Шекспир — наш величайший поэт... но до чего же он отвратителен!». «Стихи Шелли не имеют себе равных, но нам следует делать вид, что он не был атеистом».

Одни переводчики, не способные стерпеть, что китайские язычники используют имя «Шан-Ди»², делают вид, будто оно означает вовсе не Бога, а нечто иное. Другие, вынужден-

1 Теперь еще неделю-другую, заслушав лай любой уличной собаки, вы тутчас будете вспоминать о сказанном. — *Примеч. А. Кроули.*

2 *Шан-ди* («верховный владыка») — высшее божество в народной религии древних китайцев.

ные признать, что оно все же означает именно Бога, объявляют существование данного термина указанием на то, что «Бог не лишил свидетельства о себе даже этот народ, глубже всех погруженный в идолопоклонничество. Китайцы чудесным образом были вынуждены употреблять это слово, не понимая его истинного значения». А все дело в том, что этим переводчикам присуще эмоциональное убеждение, будто они лучше китайцев.

Самый потрясающий пример подобного явления обнаруживается в истории исследований буддизма.

Первые ученые, начавшие разрабатывать эту тему, были просто не в состоянии понять, что буддийский канон отрицает существование души и считает эго иллюзией, которую порождает особая функция нездорового ума; им даже в голову не приходило, что цель буддиста, нирвана, может в чем-то отличаться от их собственной цели, Царства Небесного, — и это несмотря на безупречную простоту языка таких источников, как, например, беседы между архатом Нагасеной и царем Милиндой¹; попытки этих ученых втиснуть текст в рамки своих предубеждений навсегда останутся в ряду великих глупостей, до которых, бывало, опускались мудрецы.

Точно так же у благовоспитанного христианина не укладывается в голове, что Иисус Христос ел руками.

А поборник трезвости воображает, будто вино на свадьбе в Кане было безалкогольным.

Это своего рода силлогизм сумасшедшего:

Никто из тех, кого я уважаю, этого не делает.

Я уважаю Такого-то.

Следовательно, Такой-то этого не делает.

Современный моралист впадает в ярость, когда ему указывают на тот факт, что практически все великие люди в истории человечества были чудовищно и возмутительно аморальны.

Но довольно! Закроем эту тягостную тему.

¹ Имеется в виду диалог «Милиндапанхья» («Вопросы Милинды»), в котором индо-греческий царь Милинда (Менандр), завоевавший значительную часть Северной Индии в середине II века н.э., задает вопросы буддийскому мудрецу Нагасене, а тот в своих ответах излагает основные положения буддийского учения.

До тех пор, пока мы пытаемся подгонять факты под гипотезы — вместо того чтобы следовать научному методу и, при необходимости, вносить поправки в гипотезы, приводя их в соответствие с фактами, — мы продолжаем барахтаться в трясине лжи.

Церковники же насмеются над ученым, обладающим подобной широтой взглядов и подобной гибкостью. Ибо их золотое правило гласит: «Единожды солгав, на том и стой!»

Даже самый скромный из учеников, постигающих Магию Света, поймет без объяснений, к чему ведет подобная линия поведения.

Независимо от того, что истинно — Книга Бытия или геология, геолог, верующий в Книгу Бытия, будет низвергнут и геенну. «Не можете служить Богу и маммоне»¹.

ГЛАВА IX

ПАНТАКЛЬ

Если Магическая Чаша — это небесная пища Мага, то Магический Пантакль — это его пища земная.

Схожим образом Жезл был его божественной силой, а Меч — силой человеческой.

Чаша вогнута, дабы воспринимать влияния свыше. Пантакль плосок, как плодородные равнины земли.

Само слово «Пантакль» подразумевает образ Всего Сущего, «omne in parvo»²; однако это достигается лишь через магическое преобразование Пантакля. Силою нашей Магии мы превратили Меч в символ всего сущего; такую же работу надлежит проделать и с Пантаклем. И то, что было лишь куском обычного хлеба, станет Телом Господним!

Жезл — это Воля человека, его мудрость, его слово; Чаша — его понимание, сосуд благодати; Меч — его разум; а Пантакль — не что иное, как его тело, храм Святого Духа.

Какова длина этого Храма?

От севера до юга.

Какова ширина этого Храма?

¹ Мф. 6:24.

² «Всё в малом» (лат.).

От востока до запада.

Какова высота этого Храма?

От Бездны до Бездны¹.

Следовательно, во всей поднебесной не найдется такой вещи, подвижной или недвижимой, что не входила бы в этот пантакль, даже если размеры его — всего лишь «восемь дюймов в диаметре и полдюйма в толщину»².

Огонь — вовсе не вещество; вода — сочетание элементов; воздух — практически смесь элементов; земля же заключает в себе всё это в смеси и в сочетании.

Так же обстоит дело и с Пантаклем, символом земли.

А поскольку Пантакль этот изготовлен из чистого воска, не забывайте, что «все живое священно»³.

Каждое явление — священное таинство. Нет такого факта и нет такой лжи, которым не нашлось бы места в Пантакле: он — великая сокровищница, из которой черпает Маг.

«В хлебах румяных вкусим мы пищу мира и будем сильны»^{4, 5}.

В разделе о Чаше было показано, как всякий факт следует сделать значимым, как всякому камню следует отвести подобающее место в мозаике. Горе,⁶ если хоть один камень окажется не на своем месте! Но не собрав все камни до единого, не сложишь мозаику вовсе.

Эти камни суть простые впечатления или переживания; ни одно из них не должно быть отвергнуто.

Даже если ты видишь, что это чаша с Ядом, протянутая тебе врагом, — не отказывайся! Выпей ее в твердости духа — и не ты упадешь замертво, а он!

Как мне отвести камбоджийской живописи подобающее место в искусстве, если я, например, никогда не слышал

1 Парафраз описания масонской ложи, приведенного, в частности, в «Каноне» У. Стерлинга в качестве эпиграфа к 9-й главе («Масонство»): «Какова форма Ложи? — Вытянутый квадрат. — Какова ее длина? — От востока до запада. — Какова ее ширина? — От севера до юга. — Какова ее глубина? — От поверхности до центра Земли. — Какова ее высота? — До небес».

2 Парафраз указаний по изготовлению Пантакля, приведенных в «Liber 412» («Книге А, или Книге Орудий»).

3 Цитата из поэмы У. Блейка «Бракосочетание Неба и Ада».

4 Цитата из «Книги 7» («Книги лазурита»), IV:20.

5 Мы не стали рассматривать Пантакль как Дискос Причастия, хотя в «Книге Закона» на этот счет даются специальные указания. Он состоит из муки, меда, вина, священного масла и крови. — *Примеч. А. Кроули.*

о Камбодже? Как геологу оценить возраст слоев, залегающих под меловыми пластами, если он не обладает знаниями, не имеющими прямого отношения к геологии,— знаниями об истории животных, из чьих останков сформировались эти меловые отложения?

Здесь перед магом встает огромная проблема. Разумеется, он не в силах объять весь потенциальный опыт. Он, конечно, может утешать себя философскими рассуждениями о том, что пределы Вселенной совпадают с границами того опыта, который у него все же имеется; однако в ранние годы жизни сфера личного опыта расширяется так стремительно, что соблазн поверить в существование иных разновидностей опыта, не входящих в эту сферу, становится слишком силен; а с практической точки зрения маг оказывается на перепутье столь многочисленных дорог познания, что выбрать какую-либо одну из них невероятно сложно.

Небезызвестный осел никак не мог выбрать между двумя кустами чертополоха; насколько же более затруднителен выбор для этого большего — о, несравненно большего! — осла, которого манят к себе две тысячи кустов!

Впрочем, что именно он выберет, по счастью, не так уж важно; желательно лишь остановить свой выбор на тех отраслях знания, которые имеют непосредственное отношение к универсальным задачам.

Следует выбрать не один предмет, а несколько, и предметы эти должны как можно более отличаться по характеру друг от друга. Важно, чтобы среди них оказался какой-нибудь вид спорта, в котором маг будет стремиться достичь вершин, и чтобы спорт этот наилучшим образом подходил для поддержания телесного здоровья.

Следует основательно овладеть классическими языками и литературой, математикой и естественными науками, а также изучить современные языки и познать превратности жизни в достаточной мере, чтобы без затруднений и без опаски путешествовать по всему свету.

Осваивать историю и географию он может по мере необходимости и желания; и что должно интересовать его в любом предмете больше всего, так это его связи с другими

предметами,— дабы Пантакль его не пострадал от отсутствия того, что художники называют «композицией».

Сколь бы хорошей памятью он ни обладал, он обнаружит, что на одно впечатление, сохраняющееся хотя бы в течение дня, приходится десятки тысяч других, ускользающих без следа. Залог совершенства памяти — мудрый выбор того, что следует удерживать в ней.

Наилучшая память выбирает и судит таким образом, что в ней не остается практически ничего, не связанного с генеральным планом разума.

Илл. 15. *Sigillum Dei Aemeth*¹, Пантакль, изготовленный Джоном Ди

В каждом Пантакле будут заключаться первичные идеи круга и креста, хотя некоторые предпочтут заменить крест точкой, тау-крестом и треугольником. Иногда вместо круга используется *vesica piscis*² или же круг образует свернувшаяся кольцом

1 «Печать Бога Истины» (лат.—др.-евр.).

2 См. примеч. 2 на стр. 92.

имся. Иногда в Пантакле бывают представлены время и пространство, идея причинности, а также три стадии развития философии, на которых объектами изучения становились соответственно Природа, Бог и Человек.

Иногда представлена также двойственность сознания; может фигурировать и само Древо Жизни или его подразделения. Желательно добавить какую-либо эмблему Великой Работы. Но в любом случае Пантакль останется несовершенным, если каждая идея не будет уравновешена своей противоположностью и если каждая такая пара идей не будет связана должным образом со всеми остальными парами.

Лучше, если первые наброски своего Пантакля Неофит сделает достаточно большими и сложными, а затем будет постепенно упрощать его, но не столько методом исключения, сколько путем объединения — примерно так, как зоолог, выделив четыре вида больших обезьян и человека, объединяет их вместе в единую категорию «приматов».

Но заходить слишком далеко в упрощениях не стоит, ибо предельным символом является бесконечность. А поскольку окончательное разрешение противоположностей еще не достигнуто, изображать его символ не следует.

Если бы кто-либо добился доступа к V.V.V.V.V.¹ и спросил Его мнения о каком-либо предмете, то ответом почти наверняка стало бы глухое молчание; и даже такой ответ был бы не вполне удовлетворительным, поскольку «Дао дэ цзин» указывает, что Дао невозможно выразить ни молчанием, ни словами.

В ходе предварительной работы по сбору материалов идея «я» не столь уж важна: все впечатления суть различные аспекты не-«я», а «я» служит лишь приемником для них. По существу, для хорошо упорядоченного ума не подлежит сомнению, что впечатления реальны и что ум не является *tabula rasa* исключительно потому, что существуют «Склонности»² или

1 Девиз, который избрал для себя Вождь А.:А.:, «Свет Мира». — Примеч. А. Кроули.

V.V.V.V.V. — магический девиз, принятый Кроули в связи с достижением степени Мастера Храма (8=3) А.:А.: Аббревиатура латинского изречения *Vi Veri Unversum Vivus Vici* («Силой Истины я победил Вселенную еще при жизни»).

2 Т.е. самскара, одна из скандх (см. примеч. 2 на стр. 121).

«врожденные идеи», под влиянием которых одни идеи воспринимаются с меньшей, а другие — с большей готовностью¹.

С этими «Склонностями» необходимо бороться: на неприятных фактах следует настаивать до тех пор, пока нашему «я» не станет совершенно все равно, чем питаться.

Как бриллиант сияет красным подле розы и зеленым — рядом с листьями ее, так и ты пребудешь отделенным от Впечатлений².

Эта великая задача — отделить «я» от впечатлений, или вритти³, — представляет собой одно из значений афоризма «solve», соответствующее тому «coagula», что совершается в самадхи. Таким образом, наш Пантакль символизирует все, чем мы являемся, и равнодействующую всего того, чем мы были склонны стать.

В «Дхаммападе» сказано:

Все, чем мы есть, обусловлено разумом, основано на разуме, из разума сотворено.

Кто действует и говорит с нечистым помыслом, за тем несчастье идет по пятам, как колесо повозки — за волом.

Все, чем мы есть, обусловлено разумом, основано на разуме, из разума сотворено.

Кто действует и говорит с чистым помыслом, за тем следует счастье, как неотступная тень⁴.

Таким образом, Пантакль в определенном смысле тождествен карме Мага.

Карма человека — это его «гроссбух». Баланс еще не сведен, и человеку неизвестно, каков он окажется; более того, он даже не вполне осознает, какие долги ему предстоит выплатить.

1 Только что вылупившимся цыплятам не приходит в голову вести себя подобно новорожденным человеческим детям. — *Примеч. А. Кроули.*

2 «Liber 65», V:22.

3 *Вритти* (санскр. букв. «водоворот») — мысли «низшего ума» (читты), подразделяющиеся на пять типов: правильные идеи, ложные идеи, фантазии, идеи, приходящие во время сна, и воспоминания.

4 «Дхаммапада», 1—2.

и что, в свою очередь, причитается ему; более того, он не знает, когда именно будет предъявлен счет даже на те выплаты, которые он предвидит.

Если бы на таких условиях пришлось вести дела, вышла бы полная неразбериха, — и в действительности именно такая неразбериха и царит в жизни человека. Пока он корпит дено и ночно над какими-нибудь незначительными мелочами, некая исполинская сила, быть может, уже приближается «*pede claudo*»¹, чтобы сразить его.

Обычный человек способен прочесть далеко не все статьи из этого «гроссбуха»; способ их чтения описан в одном важном наставлении А.: А.: — «*Liber 913*», или «Тишарб»².

Далее, примите к сведению, что карма — это все, чем владеет человек, и все, чем он является. Его конечная цель — полностью избавиться от этого всего, когда настанет срок принести свое «Я» в жертву Возлюбленному³; но в начале своего пути Маг — еще не «Я», а всего лишь груда мусора, из которого предстоит выстроить это Я. Чтобы уничтожить магические орудия, сначала необходимо их изготовить.

Многие из тех, от кого трудно было ожидать подобной путаницы, в том числе и сам Будда, смешивали эту концепцию Кармы с поэтическими идеями справедливости и воздаяния.

Известно предание об одном из архатов Будды, который, будучи слепым, невольно передавал при ходьбе множество насекомых. (Убийство для буддистов — самое ужасное преступление.) Другие архаты спросили, за что его постигла такая участь, и Будда поведал им длинную небылицу о том, как в прошлом воплощении их брат злоумышленно лишил зрения некую женщину. Но это просто сказка, жупел, пригодный лишь пугать детей; и это едва ли не худший из всех способов воспитания молодежи, какие только изобрела людская глупость.

Карма так не работает.

1 «Хромою стопою» (лат.), слова из оды Горация, III, 2, 31—32: «Но редко пред собой злодея // Кара упустит, хотя б хромая».

2 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 631—639.

3 Пожертвовать всем — значит, отказаться не только от дурного, но и от хорошего, не только от слабости, но и от силы. Как может мистик пожертвовать всем, если он продолжает цепляться за свои добродетели? — *Примеч. А. Кроули.*

Да и в любом случае, нравоучительные сказки следует сочинять с большой осмотрительностью, а не то они обернутся против тех, кто ими пользуется.

Помните Страсть и Терпение Баньяна¹? Озорная Страсть играла, сколько ей было угодно, пока не переломала все игрушки, а послушное маленькое Терпение аккуратно откладывало свои игрушки в сторону. Но Баньян забыл упомянуть, что к тому времени, когда Страсть переломала все игрушки, она успела перерасти всякую нужду в них.

Карма работает отнюдь не по принципу «око за око». «Око за око» — это, в своем роде, правосудие дикаря, а наши человеческие представления о правосудии совершенно чужды уставу Вселенной.

Карма — это Закон Причины и Следствия. В ее действии нет никакой соразмерности. Невозможно предсказать, что повлечет за собой та или иная случайность; а вся Вселенная — это и есть одна грандиозная случайность.

Мы можем хоть тысячу раз ходить к знакомым на чай безо всяких происшествий, но на тысяча первый встретим по дороге кого-нибудь, кто раз и навсегда изменит все течение нашей жизни.

Каждое впечатление, воспринятое нашим разумом, — это, в определенном смысле, равнодействующая всех сил, влиявших на нас в прошлом; ни одна мелочь не проходит бесследно, не приняв хоть какого-нибудь участия в формировании нашего характера. Но этот принцип не имеет ничего общего с грубым возмездием. Можно за какой-нибудь час истребить сотню тысяч вшей, как однажды довелось Брату Р[erdurabo] у подножья ледника Балторо². Было бы нелепо предполагать по примеру теософов, что за это его теперь сто тысяч раз убьет вошь.

Мелкие статьи расхода и прихода проходят отдельно от grossбуха кармы, и совокупный оборот по этим мелким статьям значительно больше, чем по сделкам, достаивающимся grossбуха.

Объевшись лососями, мы заработаем несварение и, по всей вероятности, ночные кошмары. Но было бы глупо

1 *Страсть и Терпение* — аллегорические персонажи романа Джона Баньяна (1628—1688) «Путь паломника» (1678).

2 *Балторо* — самый крупный ледник горного хребта Каракорум (Центральная Азия); на леднике Балторо Кроули провел 68 дней летом 1902 года в составе экспедиции под руководством Оскара Эккенштейна.

утверждать, что за это нас когда-нибудь съест лосось и мы не пойдем ему впрок.

С другой стороны, мы постоянно терпим ужасные наказания за поступки, которые вовсе нельзя назвать преступлениями. Даже своими добродетелями мы подчас навлекаем на себя кару оскорбленной природы.

Карма растет лишь на том материале, который годится ей в пищу; и чтобы вырастить карму надлежащим образом, необходимо держать ее на строжайшей диете.

В жизни большинства людей дело обстоит так, что действия их аннулируют друг друга: каждое приложенное усилие тотчас же уравнивается ленью. Эрот уступает место Антэроту¹.

На тысячу человек не найдется и одного, кто хотя бы для вида попытался вырваться из обыденности животной жизни.

Рождение — страдание.

Жизнь — страдание.

Старость, болезнь и смерть — страдание².

Но величайшее из всех несчастий — перерождение.

«О, сколь горестно! рожденье вновь и вновь!» — как сказал Будда³.

Каждый день человек делает понемножку того и понемножку сего; через ум его проходят то добрые мысли, то недобрые; но в действительности он ровным счетом ничего не совершает. К концу дня тело и ум изменяются, изменяются безвозвратно. Но какой «смысл» во всех подобных переменах?

Много ли найдется людей, способных оглянуться в прошлое, на много лет назад, и сказать, что они по-настоящему продвинулись в каком-либо определенном направлении?

1 *Антэрот* (др.-греч. «противоположный Эроту») — в поздней греческой мифологии бог, внушающий человеку неприязнь к тому, кто его любит.

2 Ср. первую из четырех «благородных истин» буддизма: «В чем состоит благородная истина о страдании? Рождение — страдание; расстройство здоровья — страдание; смерть — страдание; скорбь, стенания, горе, несчастье и отчаяние — страдание; союз с нелюбимым — страдание; разлука с любимым — страдание; неполучение страстно желаемого — страдание; короче говоря, пять категорий существования, в которых проявляется привязанность (к земному) — страдание».

3 «Дхаммапада», 153.

А тех, у кого это продвижение проходило разумно и в согласии с осознанной волей,— и того меньше! Мертвый груз изначальной обусловленности, с которым мы родились, перевешивает с лихвой все наши усилия. Неосознанные влияния несравненно сильнее всех тех, которые мы хоть как-нибудь осознаём. Вот она, *плотность* нашего Пантакля,— *карма* нашей Земли, со скоростью в тысячу миль в час непрестанно кружащей нас вокруг своей оси, хотим мы того или нет. А тысяча — это Алеф, заглавная Алеф', микрокосм вездесущего Воздуха, Дурак колоды Таро, бесцельность и обреченность всех вещей!

Вот поэтому-то *вылепить* и *обработать* этот грузный Пантакль очень непросто.

Мы можем вырезать на нем знаки Кинжалом, однако едва ли участь их будет завиднее той, что выпала на долю изваяния Озимандии, Царя Царей, в песках бескрайней пустыни¹.

Мы чертим символ на льду; поутру его сотрут следы чьих-нибудь коньков; символ этот — не более чем царапины на поверхности ледяной толщи, да и сам лед неизбежно растает под лучами солнца. Воистину работа над Пантаклем может **ввергнуть Мага в отчаяние!** Исходный материал есть у всех, и у каждого он не хуже, чем у прочих; но вылепить из него этот Пантакль с какой бы то ни было желанной целью, или хотя бы целью, доступной пониманию, или, на худой конец, просто какой-нибудь известной целью,— «*Nos opus, Nec labor est*»². Это и впрямь великий труд, равнозначный подъему из недр Аверна до самых небес.

1 1000, наряду с 1,— числовое соответствие еврейской буквы Алеф.

2 Аллюзия на известный сонет П.Б. Шелли «Озимандия»:

Рассказывал мне странник, что в пустыне,
В песках, две каменных ноги стоят
Без туловища с давних пор поныне.
У ног — разбитый лик, чей властный взгляд
Исполнен столь насмешливой гордыни,
Что можно восхититься мастерством,
Которое в таких сердцах читало,
Запечатлев живое в неживом.
И письмена взывают с пьедестала;
«Я Озимандия. Я царь царей.
Моей державе в мире места мало.
Все рушится. Нет ничего быстрее
Песков, которым словно не пристало
Вокруг развалин медлить в беге дней» (пер. В. Микушевича).

3 «Вот в чем задача, вот в чем трудность» (лат.) — цитата из «Энсиды» Вергилия, VI:129. Полностью цитируемый фрагмент таков:

Чтобы свершить этот труд, прежде всего необходимо изучить свои склонности и проявить волю к развитию одних из них и к уничтожению других. В конечном счете уничтожению подлежат все составляющие Пантакля, однако некоторые из них непосредственно помогают нам подняться на такую высоту, на которой эта задача становится выполнимой; и **среды всех этих составляющих нет ни одной, которая не могла бы время от времени приносить пользу.**

А потому — будьте осмотрительны! Выбирайте! Выбирайте! Выбирайте!

Пантакль — неисчерпаемая кладовая; в ней всегда находится то, в чем у нас возникает нужда. Время от времени мы проветриваем ее, вытираем пыль и раскладываем средство от моли, но, как правило, времени на что-то большее нам не хватает.

Помните, что в путешествии с земли до звезд обременять себя слишком тяжелым багажом не следует. В конструкцию нашего аппарата не должно входить ничего, кроме частей, необходимых для его работы.

Верно, что наш Пантакль состоит сплошь из обманов, однако степень фальшивости этих обманов различна: одни каким-то образом оказываются более, а другие — менее ложными.

Вся Вселенная — иллюзия, однако избавиться от этой иллюзии нелегко. В сравнении с большинством вещей она истинна. Но девяносто девять из ста впечатлений ложны даже по сравнению с явлениями, принадлежащими к тому же плану, что и они сами.

Эти различия должны быть глубоко врезаны в поверхность Пантакля Священным Кинжалом.

Теперь нам осталось рассмотреть последнее из элементарных орудий, а именно — Светильник.

...в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего (пер. С. Ошерова).

СВЕТИЛЬНИК

В «Liber A vel Armorum»¹, официальных наставлениях А.А.А. по изготовлению элементарных орудий, сказано, что каждое из этих символических отображений Вселенной должно быть одобрено Руководителем Мага. Но Светильник представляет исключение из данного правила; о нем сказано:

...Магический Светильник, что будет гореть без фитиля и масла, питаясь Эфиром. Это следует исполнить в тайне и уединении, не спрашивая совета и одобрения у своего Младшего Адепта.

Этот Светильник есть свет чистой души; он не нуждается в топливе; это представшая Моисею Неопалимая Купина, что горела, но не сгорала,— образ Всевышнего².

Светильник этот подвешен над Алтарем и не имеет опоры снизу; свет его озаряет весь Храм, на него же не падают никакие тени и никакие блики. К нему нельзя прикоснуться; его нельзя погасить; его нельзя изменить никоим образом; ибо он не имеет ничего общего со всеми вещами, которым присущи сложность и объем, которые изменяются и могут подвергнуться изменению.

Когда взгляд Мага сосредоточен на этом Светильнике, ничего иного не существует.

Орудия праздно лежат на Алтаре; один лишь этот Свет пылает в вечности.

Нет более той Божественной Воли, что была его Жезлом,— ибо путь слился воедино с Целью.

Нет более того Божественного Понимания, что было его Чашей,— ибо субъект и объект постижения стали Одним.

Нет более того Божественного Разума, что был его Мечом,— ибо сложное разрешилось в Простое.

И нет более того Божественного Вещества, что было его Пантаклем,— ибо многое стало Единым.

1 «Liber 412», «Книга А, или Книга Орудий» (лат.).

2 См. Исх. 3:2—6.

Непостижимо горит сей Светильник — вечный, неограниченный, непротяженный, не имеющий причины и следствия. И Свет его ничем не обусловлен, и нет у него ни качества, ни количества, ни начала, ни конца.

Никто не может подать о нем совет; никто не может одобрить его или не одобрить; ибо Светильник сей нерукотворен: он — то единственное, что существует во веки веков, и нет у него ни частей, ни личности; он то, что было прежде, чем «Я есмь». Темногим дано лицезреть его; однако он вечно здесь. Впрочем, для него не существует ни *здесь*, ни *там*, ни *тогда*, ни *сейчас*; пред ним исчезают все части речи, кроме имени существительного, но и это имя не встречается ни в человеческой речи, ни в Божественной. Это Утраченное Слово, умирающая музыка, чье семикратное эхо звучит как IAO и AUM. Без этого Света Маг не смог бы работать вовсе; но воистину мало на свете Магов, знающих о нем, и еще меньше — Тех, кто лицезрел его сияние!

Храм и всё, что в нем есть, должны уничтожаться вновь и вновь, пока не станут достойны воспринять этот Свет. Вот почему так часто кажется, что мастер может дать ученику лишь один совет: разрушь свой Храм.

То, чем ты владеешь, и то, чем ты являешься, суть завесы, укрывающие этот Свет.

Однако в деле столь великом все советы тщетны. Нет такого Мастера, который мог бы ясно и во всей полноте разглядеть характер каждого ученика. То, что помогало ему в прошлом, в будущем может обернуться помехой.

Но Мастер дал обет служения и может исполнять его, опираясь на одно простое правило: **все мысли суть завесы, скрывающие этот Свет, а, значит, он смело может советовать ученику уничтожить все мысли и обучать его упражнениям, способствующим таковому уничтожению.**

К счастью, все необходимые упражнения наконец описаны доступно и внятно в наставлениях ордена А.А.А.

В этих наставлениях прямо оговаривается относительность и ограниченность каждой практики, и особое внимание уделяется тому, чтобы избежать догматических толкований. Каждая практика — сама по себе демон, которого следует уничтожить; но для того, чтобы уничтожить демона, его сперва необходимо вызвать.

Позор тому Мастеру, который уклоняется хоть от одной из этих практик, сколь бы неприятной или бесполезной она ему ни казалась! Ибо в ее глубоком постижении, которое приходит только с опытом, для него может заключаться шанс оказать ученику незаменимую помощь в решающий момент. Сколь бы тягостной и скучной ни была эта работа, проделать ее необходимо. Если бы о чем-то в своей жизни можно было сожалеть (хотя это, к счастью, невозможно), то разве что о часах, потраченных на плодотворные практики, тогда как их можно было употребить с куда большей пользой на практики, не приносящие плода; ибо NEMO¹, возделывающий свой сад, не стремится выделить среди прочих тот цветок, что станет NEMO после него. И нам не сказано, что NEMO мог бы использовать другие орудия, кроме тех, которыми он уже пользуется; кажется вероятным, что, не будь у него кислоты, ножа, огня или масла, он мог бы упустить случай позаботиться именно о том цветке, который станет NEMO после него!

ГЛАВА XI

ВЕНЕЦ

Венец Мага — это символ Завершения его Работы. Он представляет собой обруч из чистого золота, спереди украшенный тремя вертикальными пентаграммами, а сзади — гексаграммой. Внутри центральной пентаграммы помещается бриллиант или большой опал, внутри остальных трех символов — Тау-крест. Венец этот обвит золотым Уреем — змеем с поднятой головой и раскрытым капюшоном. Надевается он поверх скуфейки, ниспадающей до плеч².

Иногда вместо этого Венца используют корону Атеф бога Тота, ибо Тот — покровитель Истины и Мудрости и Учитель Магии. Корона Атеф увенчана парой бараньих рогов,

1 NEMO [лат. «никто»] — Мастер Храма, чья задача — воспитывать новичка. См. «Liber 418», 13-й Эфир. — *Примеч. А. Кроули.*

Видение и Голос. Книга Еноха. Указ. соч., стр. 157—159.

2 Под скуфейкой (англ. cap of maintenance) здесь подразумевается головной убор, подобный египетскому немесу или традиционному арабскому головному платку.

символизирующих энергию, власть и силу, сметающую любые препятствия; Овен — это знак весны. Между рогами помещается солнечный диск, из которого произрастает лотос, опирающийся на два пера истины¹; кроме того, в корону входят еще три солнечных диска, один из которых опирается на чашу лотоса, а два располагаются под изогнутыми перьями.

Существует и еще одна форма Венца — корона Амона, сокровенного, от имени которого древние евреи произвели слово «амен»². Эта корона состоит из одних лишь перьев истины. Но вдаваться в их символику нет нужды, поскольку вся она и многое сверх того заключается в первой из описанных форм Венца.

Скуфейка багряного цвета подразумевает сокровенное, а также символизирует поток славы, изливающийся на Мага свыше. Она сшита из бархата, знаменующего мягкость божественного поцелуя, а ее багряный цвет — это сама кровь Божества, тождественная его жизни³. Золотой обруч — вечный круг совершенства. Три пентаграммы символизируют Отца, Сына и Святого Духа, а гексаграмма — самого Мага. Обычно пентаграмма выступает символом Микрокосма, а гексаграмма — Макрокосма; однако в данном случае они меняются местами, ибо в этом Венце Совершенства то, что внизу, превращается в то, что наверху, а то, что наверху, — в то, что внизу. Если используется бриллиант, то он символизирует Свет, предшествовавший всем проявлениям в формах; если опал — то он напоминает о великом замысле Всего Сущего развертываться и свертываться в нескончаемом восторге, проявляясь как Множество, дабы Множество это стало Непроявленным Единым. Но данная тема слишком возвышенна для простого руководства по магии.

Змей, свернувшийся кольцами вокруг Венца, имеет множество значений, или, точнее, одно значение, выражающееся

1 Два пера — украшение головного убора Маат, древнеегипетской богини истины.

2 «Амен» («аминь», др.-евр. «да будет так») — традиционное завершение молитв, воззваний и т.п. По гематрии (в записи еврейскими буквами — Алф-Мем-Нун) «амен» отождествляется с «Амон» (букв. др.-егип. «сокровенный») — именем египетского бога солнца, изначально небесного божества, почитавшегося как царь всех богов и творец всего сущего.

3 Багряный — цвет сефиры Бина (по шкале Короля/Рыцаря), связанной с образом «крови Святых», изливающейся в чашу Бабалон; см. «Liber 418», 12-й Эфир.

многими разными способами. Это символ царского достоинства и посвящения, ибо Маг есть помазанный Царь и Жрец.

Кроме того, он символизирует Хадита, о котором можно сказать лишь в следующих словах: «Я — тайный Змей, что свился кольцами, изготовясь к броску; в кольцах моих — радость. Когда поднимаю я голову, я и моя Нуит — одно. Когда опускаю я голову и извергаю яд, земля приходит в экстаз, и я и земля — одно»¹.

Также этот змей — змея кундалини, сама магическая сила, проявленная сторона того Божества в Маге, чья непроявленная сторона — покой и безмолвие, не выраженные ни в каком символе.

В индуизме Великая Работа описывается так: эта змея, обычно свернутая кольцами у основания позвоночника, возносит свой клубок над головой йогина, дабы соединиться с Владыкой Всего Сущего.

Также этот змей — отравитель. Это та сила, которая уничтожает проявленную Вселенную. И он же — изумрудный змей, обвивающий Вселенную своим телом. Для изучения этого предмета следует прежде всего обратиться к «Liber LXV», в которой он описан лучше, чем где бы то ни было. Клубок этого змея украшают шесть драгоценных камней, по три с каждой стороны — рубин, изумруд и сапфир; это три священных стихии, достигшие совершенства и обретшие равновесие.

ГЛАВА XII

Мантия

Маг может облачаться в различные Мантии в зависимости от степени своего посвящения и от характера своей работы.

Но основных разновидностей Мантии — две: белая и черная; при этом черная важнее белой, потому что у белой нет клубука. Эти Мантии можно разнообразить, добавляя те или иные символы, но покрой их остается неизменным: Мантия всегда имеет форму Тау-креста.

¹ «Книга Закона», II:26.

Впрочем, принятая нами символическая система побуждает нас отдать предпочтение Мантии иного типа, носить которую осмеливаются лишь немногие. Мантия эта скроена из дорогого шелка чистого темно-синего цвета, подобного синеве ночных небес, и расшита золотыми звездами, а также розами и лилиями. Подол ее обвивает огромный змей, держащий во рту собственный хвост, а спереди от горловины до подола ниспадает вниз острием Стрела, описанная в Видении Пятого 'Эфира'. Подбита эта Мантия пурпурным шелком, на котором вышит изумрудный змей, нисходящий кольцами от горловины до подола. Символический смысл такой Мантии связан с высокими мистериями, для изучения которых следует обратиться к «Liber 220» и «Liber 418»; мы же, рассмотрев отдельные разновидности Мантий, перейдем к вопросу о том, для чего служит Мантия вообще.

Мантия — это то, что скрывает и защищает Мага от стихий; это молчание и тайна, под покровом которых он вершит свой труд; это его погруженность в сокровенную жизнь Магии и Медитации. Это тот самый «уход в пустыню», которым отмечена жизнь каждого великого человека наивысшего рода. И это отрешенность от жизни как таковой.

В другом своем значении Мантия — это «аура» Мага, окружающая его незримым яйцом или оболочкой. Эта «аура» должна быть сияющей, упругой и непроницаемой даже для света — точнее говоря, для любого частичного света, исходящего не сверху, а со стороны.

Единственным светом для Мага должно оставаться сияние Светильника, который висит у него над головой, когда Маг находится в центре Круга; Мантия же, имея отверстие сверху, не препятствует проникновению этого света. А имея отверстие снизу, и весьма широкое, она пропускает этот свет насквозь, дабы он мог озарить и тех, кто пребывает во тьме и тени смертной.

1 См.: *Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 210—215.

Книга

Книга Заклинаний — это Летопись, в которую заносятся каждая мысль, каждое слово и каждое деяние Мага; ибо всё, чего бы он ни пожелал в своей жизни, предназначается для определенной цели, — как если бы он принес обет, обязывающий его исполнить некое призвание.

Книга эта должна быть священной Книгой, а не просто какой-нибудь записной книжкой, в которую вы заносите любую ерунду, пришедшую вам на ум. В «Liber VII», V:22, 29 сказано: «Каждый вздох, каждое слово, каждая мысль, каждый поступок — единенье в любви с Тобой. <...> Пусть это служенье в любви станет могучим заклатьем, кое изгонит прочь демонов Пятерицы!»

Поэтому вести эту Книгу следует особым образом. Прежде всего, пусть Маг исполнит предписанное в «Liber 913»¹, дабы в точности понять, кто он есть и в каком направлении с неизбежностью устремлено его развитие. Для первой страницы Книги этого будет достаточно.

Записей, не гармонирующих с этим направлением и не соответствующих истине, следует старательно избегать. Но уклониться от ведения записей невозможно, ибо это — Магическая Книга. Если вы пренебрежете единственной целью своей жизни хотя бы на час, то увидите, что белый пергамент покрылся бессмысленной пачкотней и каракулями, стереть которые будет уже невозможно. И если затем вы силой этой Книги вызовете демона, он лишь посмеется над вами, тыча в эту дурацкую писанину, уже не столько вашу, сколько его собственную. И все дальнейшие заклинания будут тщетны: вы по собственной глупости разбили ту самую цепь, которой могли бы сковать его.

Даже почерк, которым вы ведете записи в этой Книге, должен быть твердым, четким и прекрасным: в тумане благовоний трудно читать заклинания. Пока вы будете вглядываться сквозь облако дыма, демон исчезнет, и вам придется вписать в свою Книгу это ужасное слово — «неудача».

¹ См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 631—639.

Правда, в этой Книге не найдется ни одной страницы, не отмеченной этим словом; и, тем не менее, до тех пор, пока за каждым из них следует новое утверждение, не все еще потеряно. Но если слово «неудача», таким образом, весит на страницах этой Книги немного, то и слово «успех» не должно употребляться никогда, ибо это — последнее слово, которое может быть в нее вписано, и за ним уже не может последовать ничего.

Этот знак завершения не может быть вписан ни на одну из страниц, ибо Книга продолжается вечно; окончить летопись невозможно до тех пор, пока не достигнута цель всего сущего. Пусть же каждая страница этой Книги звучит как песнь — ибо это Книга магических песнопений!

Страницы этой Книги — девственный пергамент из шкуры теленка, рожденного Исидой-Хатхор, Великой Матерью, от Осириса-Аписа, Искупителя. Переплетена она в синюю кожу, на которой начертано золотом слово «Телема». Перо же, которым ведутся записи, должно быть взято от юного лебедя — того самого лебедя, имя которому Аум. А чернила да будут изготовлены из желчи рыбы — рыбы-Оаннеса.

И на этом довольно о Книге.

ГЛАВА XIV

Колокол

Магический Колокол желательно надеть на цепь. В некоторых системах Магии использовалось множество колокольчиков, которые нашивали на подол Мантии в ознаменование того, что каждое движение Мага должно порождать музыку. Но Колокол, о котором у нас пойдет речь, — орудие более значительное. Этот Колокол служит для призывания и пробуждения; это тот самый колокольчик, который звучит при вознесении Гостии.

Следовательно, это также «Астральный Колокольчик» Мага¹.

¹ Во время некоторых медитативных практик Ученик слышит звон Колокольчика, отзывающийся эхом в глубинах его естества. Это не субъективное впечатление: иногда этот звук слышат и другие люди. Говорят также, что некоторые Маги способны таким способом привлекать внимание тех, с кем они желают пообщаться на расстоянии. — *Примеч. А. Кроули.*

Колокол, о котором идет речь, имеет форму диска около двух дюймов в диаметре, слегка вогнутого наподобие цимбал. Через отверстие в центре можно продеть короткий кожаный шнурок, чтобы привязать к Колоколу цепь, к другому концу которой будет прикреплено било; в Тибете последнее обыкновенно делают из человеческой кости.

Сам Колокол изготавливают из «магического электрона» — сплава «семи металлов», соединенных особым образом. Сначала сплавляют золото с серебром при благоприятном аспекте между Солнцем и Луной; затем добавляют к ним олово при благоприятном положении Юпитера. Свинец добавляют при благоприятном Сатурне; ртуть, медь и железо — при благоприятных положениях Меркурия, Венеры и Марса.

Звук такого Колокола неописуемо властен, величествен и торжествен. Его чистый звон, не нарушаемый ни малейшим дребезжанием, постепенно угасает и растворяется в тишине. При звуке такого Колокола вся Вселенная на неуловимый миг исчезает и подчиняется Воле Мага. Да не прервет он самовольно этот звон! Да исполнится написанное в «Liber VII», V:31: «И вот торжество тишины. Голоса больше нет».

Если Магическая Книга — это летопись прошлого, то Магический Колокол — провозвестие будущего. Проявленные формы будут повторяться вновь и вновь — всегда как ясная тонкая нота, как основа музыки, простейшая, но с каждым разом все меньше и меньше нарушающая безбрежную тишину, пока не умолкнет вовсе.

ГЛАВА XV

ЛАМЕН

Нагрудная пластина, или Ламен, Мага — символ чрезвычайно сложный и важный. В древнееврейской традиции Первосвященнику предписывалось носить наперсник, украшенный двенадцатью камнями по числу двенадцати колен Израиля (со всеми их соответствиями), и на этот наперсник возлагались урим и туммим¹.

¹ Ученые не установили, что именно обозначалось этими словами, однако, судя по всему, это были принадлежности для гадания. — *Примеч.*

Илл. 16. Ламен Мастера Териона

Но современный Ламен представляет собой простую пластину, которая символизирует Тиферет (поскольку носится на сердце) и, следовательно, должна олицетворять гармонию всех прочих символов в едином. Форма естественным образом роднит ее с Кругом и Пантаклем; но просто повторить в Ламене композицию того или другого было бы недостаточно.

Ламен вызываемого духа помещается в Треугольник и возлагается на грудь Мага; но в данном случае, когда мы желаем вызвать не какое-либо частное проявление, а все в целости, необходимо совместить два эти символа в одном. Поэтому темой композиции должна стать Великая Работа¹.

1. Кроули.

Исх. 28:30: «На наперсник судный возложи урим и туммим, и они будут у сердца Ааронова, когда будет он входить [во святилище] пред лице Господне; и будет Аарон всегда носить суд сынов Израилевых у сердца своего пред лицем Господним».

1 Некоторые авторы путают Ламен с Пантаклем, обычно из-за того, что не понимают сущность последнего. «*Sigillum Dei Aemeth*» доктора Джона Ди [см. илл. на стр. 166] — великолепный Пантакль, но как Ламен он бесполезен. Олифас Леви предпринял несколько попыток нарисовать то или другое — похоже, так и не понимая до конца, что именно. К счастью, теперь он прозрел. Ламены, приведенные в Великом и Малом Ключах «Соломона», гораздо лучше, но совершенного образца мы не встречали. Одна из первых попыток Брата R[erdurabo] представлена на обложке «Звезды на Западе» [Дж.Ф.Ч. Фуллера, см. примеч. 2 на стр. 138]. — *Примеч. А. Кроули.*

«К счастью, теперь он прозрел»: Кроули считал себя реинкарнацией Олифаса Леви; см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 112—114.

Пантакль — это всего лишь материал для дальнейшей обработки, сложенный воедино и приведенный в гармонию, но все еще бездействующий, — как части машины, подготовленные к сборке или даже собранные, но пока что не приведенные в движение. В Ламене же эти силы уже работают и даже являют собой прообраз завершения трудов.

В системе Абрамелина Ламен представляет собой серебряную пластину, на которой пишет росой Священный Ангел-Хранитель. Это другой способ выражения той же идеи, ибо не кто иной, как Он поверяет Магу тайны силы, которая должна быть отображена в Ламене. Ту же мысль выражает и святой Павел, говоря о щите веры, противостоящем раскаленным стрелам лукавого¹. Но эта «вера» — отнюдь не слепое сомнение и легкоеверие, а та уверенность в себе, что приходит лишь после того, как «я» будет предано забвению.

Веру эту дает только «Познание и Собеседование со Священным Ангелом-Хранителем». Достижение этого Познания и Собеседования — единственная задача того, кто вправе именоваться Адептом. А безотказный способ этого достижения приводится в описании Восьмого Эфира («Liber 418»)².

Илл 17. Пример композиции Ламена

1 Ефес. 6:16: «...а паче всего возьмите щит веры, которым сможете уга- сить все раскаленные стрелы лукавого».

2 «Эквинокс», I, 5. — Примеч. А. Кроули.

См.: *Видение и Голос. Книга Еноха*. Указ. соч., стр. 189—192.

МАГИЧЕСКИЙ ОГОНЬ: некоторые соображения по поводу
Кадилаьницы, Угля и Благовония

Илл 18. Кадилаьница

В Магический Огонь ввергается все сущее. Он символизирует окончательное испеление всего сущего в ши-
вадаршане. Это полное уничтожение самого Мага и всей
Вселенной.

Кадилаьница стоит на небольшом алтаре. «Мой алтарь
из бронзы ажурной работы; возжигай на нем на серебре или
злате!»¹ Алтарь этот помещается на востоке, как бы в знак тож-
дества Надежды и Уничтожения. Бронза представляет собой од-
нородный сплав металлов Юпитера и Венеры². Следовательно,
она символизирует божественную любовь; «ажурная работа»
же означает, что эта любовь изливается во все стороны беспре-
пятственно и неистощимо; она не сосредоточена на каких-ли-
бо отдельных частностях, а универсальна.

На этом алтаре стоит, собственно, Кадилаьница в фор-
ме треножника: три ее опоры символизируют огонь³. Чаша
се имеет форму полусферы и покрыта пластиной с отверсти-
ями. Кадилаьница изготовлена из серебра или золота, ибо они
именуются совершенными металлами: несовершенное сгорает
в огне совершенства. На пластине пылает ярким огнем уголь,
пропитанный селитрой. Уголь (как о том начинают догадывать-
ся химики) — это самый изменчивый и многоликий элемент:

1 «Книга Закона», III:30.

2 Т.е. олова и меди.

3 Поскольку Шин, еврейская буква Огня, по форме подобна трем язы-
кам пламени и имеет числовое соответствие 300. — *Примеч. А. Кроули.*

он совершенно черен, ибо поглощает всякий свет; он не плавится ни при каких известных температурах; он представляет собой наилегчайший из элементов, встречающихся в природе в твердом состоянии; и, кроме того, он входит неотъемлемым компонентом в состав всех известных форм жизни.

Селитра, которой его насыщают, включает в себя калий, дающий фиолетовое пламя Юпитера, отца всего сущего; азот, инертный элемент, в должной пропорции входящий в состав всех наиболее мощных взрывчатых веществ; и кислород — пищу огня. Этот огонь раздувает сам Маг: всесокрушающий пожар разгорается от искры его слова и его Воли.

В этот огонь он бросает Благовоние — символ молитвы, грубое орудие или образ его устремления. Ввиду несовершенства этого образа мы получаем дым вместо полного сгорания. Но использовать взрывчатку вместо Благовония мы не можем, ибо это не соответствовало бы истинному смыслу происходящего. **Наша молитва — это проявление низшего начала, устремленного к высшему;** низшее же не видит высшего со всей ясностью и не понимает, чего хочет высшее. И сколь бы сладок ни был дым, он неизбежно застит глаза.

В этом дыму рождаются иллюзии. Мы искали света — и вдруг Храм погрузился во мрак! А во мраке клубы дыма начинают принимать странные очертания, и вот уже за этими обличьями нам чудятся звериные голоса. Дым сгущается, и в нашей Вселенной становится все темнее. Мы задыхаемся и дрожим при виде того, какие отвратительные бестелесные создания явились на наш призыв!

Однако обойтись без Благовония невозможно! Если наше устремление не примет какую-либо форму, мы не сможем оказать влияние на другие формы. В этом же — тайна воплощения.

Основу Благовония составляет ладанная смола — принесение в жертву человеческой Воли, пребывающей в сердце. К ладану добавляется вдвое меньше по весу стиракса — земных желаний, темных, сладкостных и цепких, и еще вдвое меньше алая¹, символизирующего Стрельца и стрелу², а, следова-

1 Имеется в виду *lignum aloes* (библейский «алой», «алойное дерево») — растение вида *Aquilaria malaccensis*; его камедь — традиционное благовоние Стрельца.

2 Примите во внимание, что существует две стрелы: Божественная — направленная вниз и человеческая — вверх. Первая — Масло,

тельно, устремление как таковое. Это стрела, рассекающая радугу, стрела «Умеренности»¹ в Таро; это жизнь, в равной мере уравновешенная и целенаправленная, благодаря которой стала возможной наша работа; однако саму эту жизнь необходимо принести в жертву!

При сожжении этих веществ в нашем воображении возникают те устрашающие или соблазнительные фантомы, которыми кишит так называемый «Астральный план». Сам этот дым символизирует «Астральный план», лежащий между материальным и духовным. Здесь можно уделить немного внимания рассмотрению этого «плана», о котором написано так много сущей галиматии.

Когда человек закрывает глаза и начинает оглядываться по сторонам, поначалу его окружает лишь темнота. Но если он упорно всматривается в эту тьму, то мало-помалу у него открывается вторая пара глаз.

Некоторые полагают, что это «очи фантазии». Другие люди, более опытные, понимают, что таким образом удастся понастоящему разглядеть определенные вещи, хотя сами по себе эти вещи совершенно ненастоящие.

На первых порах человек различает только серую мглу; при последующих опытах появляются фигуры существ, с которыми можно беседовать и под руководством которых можно путешествовать по «Астральному плану». Этот «план» не менее обширен и разнообразен, чем материальная Вселенная, так что дать его полноценное описание невозможно; мы вынуждены отослать читателя к «Liber O» и «Эквиноксу», I, 2, стр. 295—334².

Этот «Астральный план» описан Гомером в «Одиссее». Здесь обитают Полифем и лестригоны, и здесь же — Калипсо и Сирены. Кроме того, здесь находятся те, кого многие принимают за «духов» умерших. Если ученик примет что-либо из этого за истину, он будет вынужден этому поклоняться, ибо всякая истина требует поклонения. И тогда он пропал: фантом захватит над ним власть и превратит его в одержимого.

вторая — Благовоние или, точнее, самая тонкая его часть. См. «Liber 418», 5-й Эфир. — *Примеч. А. Кроули.*

См.: *Видение и Голос. Книга Еноха.* Указ. соч., стр. 210—215.

1 XIV аркана, в «Таро Тота» носящего название «Искусство».

2 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 589—591; *Храм царя Соломона*, т. I, указ. соч., стр. 177—214.

До тех пор, пока вы продолжаете изучать какую-либо идею, вы от нее свободны. Если человек курит опиум или питается одними орехами ради эксперимента, в этом нет ничего плохого; но с того момента, как он перестает изучать свое занятие и начинает действовать бездумно и по привычке, — он в беде. Все мы постоянно перепадаем: люди в своем раболепии и тупой покорности набивают себе брюхо по пять раз на дню, уничтожая в сутки полугодовой запас провизии, — просто потому, что поест и покончить с этим им легче, чем задаться вопросом, насколько они в действительности голодны. Если вы будете готовить себе еду самостоятельно, то вскоре увидите, что готовите ровно столько, сколько хотите съесть, не больше и не меньше; так к вам вернется здоровье. Но если вы впадете в другую крайность и все свои мысли обратите на соблюдение диеты, то почти наверняка впадете в ту классическую форму меланхолии, при которой страдалец убежден, что весь мир сговорился его отравить. Профессор Швайнхунд убедительно показал, что говядина вызывает подагру; профессор Нашиков доказал, что молоко — причина туберкулеза. Сэр Раффон Рэттс твердит нам, что капуста ускоряет процессы старения. Мало-помалу вы дойдете до состояния, которым похвально господин Хирворд Каррингтон: теперь ваша единственная пища — шоколад, который вы жуete непрестанно, даже во сне. Но не успеете вы войти во вкус, как Гутербок Хозеншайсер, проживающий в Гранд-Рапидс на 4-й Авеню, откроет вам глаза на суровую реальность: самым наглядным образом продемонстрировав, что шоколад — причина запоров, а запоры приводят к раку, он вознамерится извлечь из вас всю накопившуюся отраву посредством клизмы, от одного вида которой перепугается до судорог даже верблюд.

Схожее безумие временами постигает даже настоящих ученых. Мечников, изучавший заболевания толстой кишки, дошел до того, что усмотрел в ней корень всех зол и ничтоже сумняшеся предложил попросту удалять ее всем в профилактических целях, приводя в пример коршуна — птицу, которая от рождения благополучно обходится без толстой кишки и при этом живет очень долго¹. Кстати говоря, своим долголетием коршун обязан спиральной

¹ См. И.И. Мечников. «Этюды оптимизма» (1907).

шее¹, и многие вдумчивые люди уже предлагали поставить на профессоре Мечникове соответствующий эксперимент.

Но наихудшими из всех фантазмов следует признать нравственные и религиозные идеи. Здравость ума определяется способностью соотносить между собой идеи пропорционально их значимости. Человека, который принял какую-либо нравственную или религиозную идею, не понимая ее сути, нельзя упечь в лечебницу только лишь потому, что он воздерживается от ее логического развития. Подлинно верующий христианин², всерьез полагающий, что большая часть человечества обречена на вечные муки, по идее, должен был бы метаться по всему свету с воплями, пытаясь хоть кого-нибудь «спасти». Он не мог бы даже заснуть, пока объятый ужасом мозг не отключится от усталости. Если же это не так, то он — моральный урод. Кто из нас смог бы спокойно спать, сознавая, что нашему ближнему угрожает хотя бы такой пустяк, как смертельная опасность, — не говоря уже о вечной гибели? Да мы даже мимо тонущей собаки не можем пройти без того, чтобы, по крайней мере, не остановиться и не посмотреть. Как же, в таком случае, жить в Лондоне, отдавая себе отчет, что из семи миллионов душ во всем этом городе спасется всего лишь жалкая тысяча Плимутских братьев³? При этом сами Плимутские братья (громче всех заявляющие, что никто, кроме них, не будет спасен) живут в свое удовольствие. Но предоставим им самим решать, кто они в таком случае — лицемеры или моральные уроды.

Каждый такой фантом, вне зависимости от своей природы и характера, должен быть вызван перед лицо Мага, исследован и подчинен; в противном случае мы постоянно рискуем обнаружить на его месте какую-нибудь совершенно неожиданную идею; и эта идея, застав нас врасплох, запросто может, так сказать, наброситься на нас со спины и удушить на месте. Отсюда и берутся легенды о колдунах, задушенных дьяволом!

1 Соль этой шутки раскроется при знакомстве с описанием Ату о («Дурак») (см.: Алистер Кроули. *Книга Тота*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 82).

2 Если принимать Библию всерьез, можно тронуться умом; но для того, чтобы принять ее всерьез, нужно с самого начала быть сумасшедшим. — *Примеч. А. Кроули.*

3 *Плимутские братья* — религиозная секта, возникшая в Плимуте (Англия) в начале XIX в. К особенностям ее учения относится буквальное толкование Библии. К плимутским братьям принадлежали родители Алистера Кроули.

АГА!

LIBER CCXLII¹

Семичастное Таинство Неизреченной Любви; Пришествие Владыки Небесного как Царя и Судии сего растленного мира; и каковом Таинстве под видом Беседы между Адептом Марсием и его Учеником Олимпом² изложен открыто, от Начала и до Конца, весь Тайный Путь Посвящения — в назидание Малым Детушкам Света.

Писано во Трепете и Смирении для Братьев А.:А.: их покорнейшим Слугой и Соискателем их Высочайшего Ордена, Алистером Кроули

¹ Поэма Кроули «Ага!» («Liber 242») впервые была опубликована в «Эквиноксе», I, 3 (1910). Кроули характеризовал ее как «поэтическое описание путей к Достижению и полученных результатов».

² Прототипами действующих лиц — адепта Марсия (alter ego автора) и его ученика Олимпа — послужили персонажи древнегреческой мифологии. Сати́р Марсий славился как искусный игрок на флейте; но, дерзнув вызвать на состязание самого Аполлона, он проиграл и был сурово наказан: разгневанный бог подвесил его на сосне и содрал с него кожу. Согласно преданию, содранная кожа сатира начинала двигаться, как в танце, когда неподалеку раздавались звуки флейты. Олимп — полуисторическая личность, певец, по преданию, введший в Элладу законы музыкальной гармонии; некоторые мифы называют его учеником Марсия, перенявшим у него искусство игры на флейте, а после гибели сатира похоронившим его тело. В изобразительном искусстве со времен античности распространен сюжет «Сати́р Марсий учит юношу Олимпа игре на флейте».

ВВЕДЕНИЕ

В час перед рассветом ученик приходит приветствовать своего Учителя и молит его о наставлении.

Воодушевленный своим Ангелом, он требует открыть ему Учение о восхищении к Познанию и Собеседованию с Оным.

Учитель излагает ему правила Бездейственного Внимания и Ожидания.

Поскольку Ученик находит это слишком сложным, далее следует разъяснение, а также описание метода, основанного на Отречении, Постоянстве и Терпении. Парадокс Равновесия. Необходимость полностью предаться новой стихии. Осуждение эгоизма.

Чтобы наглядно показать, как происходит это Разрушение Эго, Учитель описывает Видения Дхьяны.

Затем он поясняет, как защитить Душу от навязчивых Мыслей, и показывает, что двойственность Сознания — это хула на Единство Бога; поэтому даже та мысль, которую мы называем Богом, есть отрицание Бога-как-Он-есть-Сам-по-Себе.

В этом Опустошении Души ученик не видит ничего, кроме черной полночи. Ему объясняют, что это — необходимая предпосылка Просветления. Далее проводится различие между тремя описанными Дхьянами и теми ранними видениями, в которых образы предстают как объективные. Более того, этим трем Дхьянам сопутствуют еще Четыре, связанные с Четырьмя Стихиями; и многие другие.

Надо всем этим — Завеса Парокет. Ее стражи.

За этой завесой пребывает Роза-и-Крест. Здесь же — видение, именуемое Вишварупа-даршаном¹. Более того, здесь же — Познание и Собеседование со Священным Ангелом-Хранителем.

Бесконечное множество и разнообразие этих Видений.

Невозможность откровения всех этих истин миру внешнему и непосвященному.

Видение Вселенского Павлина — Аتماдаршан². Смятение Разума и Восприятие его внутренней противоречивости.

1 *Вишварупа-даршан* — видение «вселенской формы» Кришны, описанное в «Бхагавад-гите» (глава 11).

2 *Видение Вселенского Павлина* — первая стадия атмадаршаны (внутреннего видения Высшего «Я», см. стр. 78, 83—84), на которой Вселенная предстает как радужная игра всех мыслимых красок.

Необходимость превзойти Рассудок — подобно тому как Рассудок превзошел Чувства.

Вторая Завеса — Завеса Бездны.

Тщетность Речи.

Рассуждать о том, каким образом в чистой Душе возникает видение, бесполезно; достаточно знать, что в нечистой Душе видения не возникнет. На практике это означает, что необходимо очистить Душу.

Четыре силы Сфинкса; овладеть хотя бы одной из них трудно даже адепту!

Окончательное Уничтожение Эго.

Учитель признается, что заманил ученика на Путь обещанием Радости, как единственной награды, которая была тому понятна, — хотя на деле и радость, и боль превосходятся уже в ранних видениях.

Ананда (блаженство) — и ее противоположность — знаменуют лишь первые шаги на пути. В конечном счете соискатель превосходит все; но даже это обретение Покоя — лишь одна из ступеней на пути во Дворец Короля.

Оболочки души. Необходимо отринуть всё; адепт вспоминает, как страдал он сам, когда у него было отнято все, что он любил.

Испытание Завесы Бездны; Распад самой Ткани Ума и его разрушение.

Разница между философской верой и внутренней уверенностью.

Саммасати — транс, в котором адепт воспринимает свои причинно-следственные связи со Вселенной, прошлые, настоящие и будущие.

Подчинив себе Рассудок, он уподобляется малому ребенку и призывает своего Священного Ангела-Хранителя, Авгоэйда.

Атмадаршан, не успев начаться, исчезает при Отверзании Ока Шивы; уничтожение Вселенной. Адепт исчез; вместо него возник Мастер Храма.

Ученик в благоговейном потрясении поклоняется Учителю, но последний говорит, что ученик должен не поклоняться, а сам искать слияния с Авгоэйдом.

Но после этого великого уничтожения адепт сам возрождается как Ангел, дабы проповедовать людям это учение.

Описывается Величие Мастера Храма.

Изумленный ученик клянется достичь высшей цели и просит дальнейших наставлений.

Учитель описывает Восемь Ветвей Йоги.

Ученик жалуется на тяготы пути, но Учитель показывает ему, сколь сладостна жизнь отшельника.

Остается лишь одно сомнение: если Святой предстает миру, разве мир не должен тотчас же признать его? Учитель отвечает, что лишь несовершенные Святые раскрываются миру как таковые. Это сумасброды и шарлатаны, и это те, кто боится Жизни и отвергает ее. Мы же сосредоточим свои помыслы на Любви, а не на чужих ошибках!

Учитель призывает Авгоэйда; ученик, настроившись на тот же лад, едва не возносится на высоты экстаза.

Авгоэйд приносит Учителю весть, а именно: он должен явить миру Новый Путь Равноденствия Хора в соответствии с откровением «Книги Закона».

Учитель исполняет это повеление и примиряет Новый Путь со Старым, предложив Проверку на Опыте. Учитель и ученик собираются удалиться в Пустыню или в Горы... но нет! все должно совершиться здесь и сейчас.

Всему живому — мир!

АГА!

Олимп:

Учитель мой! пока рубин Зари
Не позлатил росу листвы и луга
И лепестки нетленной Розы неба
Еще не развернулись, словно стяги
Герольдов, предвещающих восход
Звезды уединенной и сокрытой, —
Я поспешил приветствовать тебя.
Помазанным челом земли касаясь,
Склоняюсь пред тобою! Как влюбленный
В лучах луны томится, обмирая
В серебристом забвенье, так я устами
К твоим стопам блаженным припадаю
С мольбою о мистических дарах!

Марсий:
Чего ты хочешь?

Олимп:
За меня ответит
Священный Ангел мой: «Взнестись в экстазе!»

Марсий:
Когда, куда и как?

Олимп:
«С моим лобзаньем
Отсюда прочь — в обители иные!»
Но где же крылья?

Марсий:
Крыльев не дано нам.
Но вон, смотри, орел от края Бездны,
Слетает долу Божьим повеленьем:
Пусть он тебя взнесет к блаженствам рая!

Олимп:
Как мне его призвать? Какой мольбою?

Марсий:
Молчанье благодатней всякой речи.
На дерево, колеблемое ветром,
Не лягут росы горней благодати!
В зеркале вод не отразятся звезды,
Когда его туманит зыбь волненья!

Олимп:
Душа моя склоняется покорно
Пред вечной красотой Божества,
Но как достичь Его земному праху?

Марсий:
Во-первых, разум наостри, украсив
Ее пером самой богини Правды

И отточив до блеска, словно бритву;
Омой от чувств, надежд, воспоминаний
Беззвездный гороскоп его; а после
Замкни его в двоякой пустоте,
Лишив и наслаждения, и боли.
Тогда — слепа, глуха, нема, недвижна —
Войдет твоя душа в родное царство!

Олимп:

О милый мой учитель, как же так?
Горчит вино, которого я жаждал:
Душа — супруга чувства от рожденья!

Марсий:

Но их союз бесплоден. Огради
Корабль своей души от всех врагов —
От тех сирен, что сладостным напевом
Ее на скалы манят!

Олимп:

Говорил ты,
Что Бог живет во всем!

Марсий:

И это правда.

Олимп:

Так что же мне — бежать от Божества?

Марсий:

Нет, перед Богом в мысли преклоняйся,
Но помни, что душа твоя творит
Плоды кровосмешенья, злых уродцев, —
Обманные, безжизненные тени
Луны любви, не знающей ущерба.

Олимп:

Какая мысль достойна поклоненья?

Марсий:

Одна; и тем достойна, что одна.
Будь постоянен в мысли — и узришь
Свое неизреченное блаженство;
И волю укрепляй — доколе ей
Не хватит силы от себя отречься,
Пока стрела ее, обретши крылья,
Не примет с напряженной тетивы
И не вонзится прямо в сердце Бога!

Олимп:

Как нелегко!

Марсий:

Мы тянемся к тому,
Что нам равно и противоположно:
Великим стань — и тотчас умалишься!
Исчезни, стань ничем — и будешь Всем!
Не ешь — и сможешь думать лишь о пище;
Пей — и душа от засухи погибнет;
Наполнись до краев — и то, что ищешь
Разбавится до слабого раствора;
Опустошись — и призраки ночные
Пред Светом жизни обратятся в бегство.
Цепляясь за соломинку, утонешь;
Но тот, кто разгадал загадку моря,
Срывает с рук и ног оковы страха,
И держится за воду — и плывет!
Смотри еще, к примеру: альбатрос
По суше ковыляет неуклюже,
Но стоит оторваться от земли —
И как он горделив, и как прекрасен!
Вот так и ты — оставь свои раздумья
Для новой, благороднейшей стихии:
Освободись от тяжких пут земных
И обратись к нетленному дитяти
От брака между тем, к чему стремишься,
И смертью «я».

Олимп:

Так все дыханье жизни —
Бесплодный ветер? Отрекшись от всего,
Я должен вечно силиться и тщиться?..

Марсий:

Нет, прекрати бороться! Уничтожь
Саму частицу «я»: она — лишь стон
Израненного зверя! Перестань
Расчесывать болячки! Успокойся —
И обретешь здоровье. Безмятежен
Гармоний высших лад и потому
Невыразим в словах и непостижен.

Олимп:

Так что же, «достиженье» — это смерть?
Я, значит, должен с жизнью распроститься?

Марсий:

И снова «я»! Пойми, оно — не Бог,
А грозный лев, засевший на дороге!
Иль ты не знаешь (до сих пор?) о том,
Как мы срываем цепь Ограничений?
Так знай: в экстазе, охватившем сердце,
Нет места «я».

Олимп:

Учитель мой, поведай,
Как из бутона яркий цвет выходит,
Какой экстаз души, ума и крови
Крушит печать на камне, под которым
В бессмертии покоится Достигший
И мир осиротивший Достиженьем —
Отец наш Розенкрейц!

Марсий:

Вначале ты —
Как старый дуб, кривой и узловатый,
Средь пустоши бесплодной. Воеет ветер,

Ночь укрывает землю; вихри бури
Кружатся, удушая глас безмолвья,
И туча, всех черней, сгустилась в небе.
Но вот — смотри! смотри! слепящий сполох
От тьмы до тьмы — и вековечный дуб
Бичом небесным надвое расколот!
И снова тьма, темнее, чем была.

Олимп:

О нет, учитель! Нет, не может быть!
Неужто так ужасен путь сужденный?
В кровавой жатве под серпом небес
Вся жизнь должна в руины обратиться?

Марсий:

Нет, сын мой, жизнь по-прежнему живет.
Проходит буря. Тучи разошлись,
И тот, кто претерпел, в награду зрит
Восход луны, блистающей в полнеба.
Сгустился воздух горным хрусталем,
Тончайшая игла пронзает сердце
Мгновенной вспышкой боли, и тотчас —
Бескрайнее и чистое блаженство...
... И льдом душа застыла!

Олимп:

Не снести
Такую муку нашей жалкой глине,
Дрожащей персти смертной!

Марсий:

Червь земной
Таит в себе нетленное подобье
Своей личины брэнной; воробей,
Разбившийся в полете — Смерть Вселенной!
И, сверх того, экстаз невыразим:
Поныне жжет меня воспоминанье,
Как дальний свет с вершины маяка
На самой кромке мыса, над пучиной,

Дробящийся мерцаньем в бурной пене!

Олимп:

И здесь — конец пути?

Марсий:

Да ты шутник!

Едва начался путь! Подумай сам:

Когда придет конец ночному мраку?

Олимп:

Когда лучами вспыхнет горизонт,

Когда светило дня главу подымет

И гривою тряхнет, приговляясь

Взойти во славе утра.

Марсий:

Так и есть.

И точно так же собирает силы

Адепт, готовясь противостоять

Последнему свирепому отпору

Его врага, коварного рассудка;

Быть может, ты видал, как на арене

Борец могучий всем огромным весом,

Неумолимо, как сама Земля,

Соперника кладет на две лопатки?

Один великий миг — и всё, победа!

И так же здесь: мгновение — и тьма

Взрывается слепящим шаром света.

Исчезли тени; растворилось все

В горниле нестерпимого блаженства.

Исчезло бытие. Осталась суть.

Олимп:

Ах!

Марсий:

Но не место здесь сознанию,

Рождающему мороки тумана,

И тот кто был адептом, погибает,
Все силы истощив.

Олимп:

Конец всему?

Марсий:

Но не тому, чего достиг он ныне!
Любовь — превыше жизни, а сие —
Любви самой превыше.

Олимп:

Боже мой!

Кем надо быть, чтоб этого достигнуть?

Марсий:

Да, это для немногих.

Олимп:

Я узрел

Зеркальный образ этого сиянья!

Марсий:

И в том — его могущество святое,
Что в миг причастья мы его вкушаем
Чрез отраженье в символе: священник
Возносит Хлеб — и благодать нисходит
На прихожан, застывших в ожиданье.

Олимп:

Моя душа — как осажденный город:
В ворота бьет и бьет таран Рассудка!

Марсий:

Ну что ж, представь, что враг пошел на штурм:
Крошатся стены, рушатся ворота
Под натиском чудовищных орудий,
Весь ров завален мертвыми телами,
И скоро вражий меч упьется кровью;

Но вот на стену всходит предводитель —
И укрепилось дрогнувшее сердце:
Защитники сплотились; с новой силой
Дают отпор врагу, латают бреши,
Наводят катапульти, льют смолу, —
И в страхе отступает неприятель,
Умолкли залпы пред ответным громом:
Окончен день — и с ним окончен бой.
Так, день за днем сражаясь терпеливо,
Ты оттеснишь врага на дальний подступ,
И на холмах окрестных утвердишься,
И вся война сведется к редким стычкам, —
Вот так, мой сын, и с мыслями воюй!

Олимп:

О, эти мысли грешные, злодеи!
Стервятники, что кружат в вышине
Над рабским караваном, дожидаясь,
Пока отстанет кто-то от колонны!

Марсий:

Любая мысль — злодейка. В мысли — двое:
Мыслитель и предмет его раздумий.
И это, сын мой, — злейшее кошунство!
Отринь его и знай, что Бог Един.

Олимп:

Но разве Бог — не мысль?

Марсий:

Мысль о Боге —

Как прорванный нарыв! Чума, погибель,
Пустой кумир, обман и заблужденье,
Безумие, раскол и святотатство!

Олимп:

Отречься от возвышеннейшей мысли?
Воистину беззвездной станет ночь!

Марсий:

Воистину! Но в этой пустоте —
Залог успеха. Вспомни, как земля
Лежит под паром, чтобы, выждав срок,
Зазеленеть и плодоносить снова.

Олимп:

Страшусь я этой полночи души.

Марсий:

Не бойся: это вестница рассвета!

Олимп:

Как обуздать смятение ума?
Как превозмочь тоску чернее смерти?

Марсий:

Все ухищренья тщетны. Лишь отвагой
И Волею, великим Корнем Жизни,
Адепт восторжествует в этой битве.

Олимп:

А если нет?

Марсий:

Тогда рассудок треснет,
Как колокол, расколотый перуном.

Олимп:

Так вот какое первое виденье
Предстанет магу!

Марсий:

Первое из тех,
В которых нет обмана. Поначалу
Бесчисленные образы плодятся
В очищенном уме: толпа богов,
Огни цветные, странные пейзажи,
И воинства, и ангельские сонмы —

Раскаты Света, явленные взору.
Но это все — мечты, пустые грезы,
И в них ты не найдешь успокоенья.
Лишь три из них, о коих я поведал,—
Перун, луна и солнце — приближают
Адепта к Залу Истины; а, впрочем,
У них есть братья, что приходят с ними:
Одно, Лев Света,— как горящий факел,
Пылающий рубином и смарагдом,
В деснице Толкователя Мистерий;
Второе — Чаша, до краев полна
Сиянием блаженной крови Бога.
О, песнопенье звезд! О, это пламя,
Что холоднее миллиона лун!
О, девственные воды! Перед вами
Само вино любви бледно и серо!
И третье — Ветер, меч, кружащий вихрем:
Свиристая воздушная стихия
Вне времени и места — о мой Бог,
О Бог мой, и поныне зрю Тебя
В ее движенье вечном! Сверх того,
Есть Диск, подобный черному алмазу, —
Гончарный и точильный круг миров,
Трепещущий несметными крылами.

Олимп:
Учитель!

Марсий:

Знай еще одно: завеса,
Которой эти символы покрыты,
Чужда любви — пред нею бдят бессменно
Суровые охранники числом
Семижды два по двадцать; сей покров
Падет, изорван в клочья, лишь тогда,
Когда копье пронзит Христово сердце!
Могучи эти Огненные Стражи:
Клинки их — вихри, очи — жернова,
Самой Земли огромное; уста —

Кровавые моря. Беда тому,
Кто навлечет их ярость и отмщенье:
Они сметут его потоком гнева
В бушующие воды вечной тьмы;
Беда тому, пред кем не распадется
Сей девственный покров! Преобрази же
Всего себя искусством и стараньем
В единую лазурную стрелу,
Сорвавшуюся с лука верной Воли —
И Радугу узри! Ты — чистый огонь,
Летящий ввысь, чрез Имени раскаты,
Туда, в Чертоги Смерти, где блистает
Священный образ Розы и Креста.

Олимп:

Еще одно виденье?

Марсий:

Да.

Олимп:

Поведай!

Марсий:

О нет, о нем — нельзя! Из всех цветов
В полях Господних сей неименуем:
На нем лежит печать великой тайны,
Вселенский ключ, замкнувший нам уста.
Но знай, что эти образы дают
Намек — неуловимый, неотвязный —
На то, что где-то кроется за ними
Творец, что больше всех Своих творений.
О да! Тому, кто препояшет чресла
И устремится в путь, кому слова —
Пустые звуки, кто собрать способен
Всю жизнь в кулак и выбросить по Воле, —
Тому дано проникнуть за Покров
И Образ лицезреть, за ним сокрытый,
Пред коим меркнут все его предвестья.

Смотри! Смотри! Господь Любви и Света
Восходит над душою, как заря!
Великий Бог Могущества и Власти!
Превыше чувства, разума и зренья
Огнем пылает взор Его палящий;
Бесформен Он и соткан из пламен;
И этой сетью огненной уловлен,
Адепт падет недвижим, умерщвлен,
И на устах его застынет Имя!
Душа его сгорает в том огне;
Одна лишь капля из небесной чаши —
Безбрежный океан, что поглощает
Любую жизнь и самое бессмертье.
Но из золы восстанет, словно феникс,
Его иное, истинное Я!
О прочем не скажу — ослепла память,
И речь крошится, словно мел под камнем.
Одна лишь мысль, огнем закалена,
Выходит из горнила испытаний,
Как бесконечность, сгущенная в точку.
Она гласит, что Бог есть Человек.

Олимп:

Учитель! Трепещу я и ликую.

Марсий:

Пред собственным Его небесным гласом
Бегут сомнения. Весь сорочий гомон
Смятенного ума смолкает в страхе,
Как воробьи пред ястребом.

Олимп:

Итак,

Адепт вошел в мистическую гору
И в ней обрел Любовь, и Свет, и Жизнь?

Марсий:

Да, и того Всевышнего, который
Сокрыт за покрывалами рассвета.

Он — солнца первый блеск, он — ветерок,
Он — поцелуй, он — песня, пламя розы!
Вся синева небес — в его очах;
Власы его воздушны, словно пена,
И бледно-золотисты, как жасмин
Иль спелые колосья райской нивы;
О, глубь очей, колодезей бездонных!
Одно его лобзание — и адепт
Простится с жизнью, не снеся блаженства,
Как самоцвет росы — в лучах зари.

Олимп:

Как сладостен рассказ! Я замираю
У стоп твоих в блаженном забытьи.

Марсий:

Нет, встань и слушай: кто Его познал,
Тому вовеки путь пребудет светлым.
Забудь Его — и ты погиб! Но Он
Тебя не позабудет.

Олимп:

Расскажи

О Нем еще, поведай все, что знаешь!

Марсий:

Когда бы спел я сотню тысяч песен,
И в каждой было б по сто тысяч слов,
А в каждом слове — сотня тысяч смыслов,
И то не перечел бы сладких трелей
Блаженных птиц из сада Красоты;
И то не подобрал бы всех колосьев
На пажити великого восторга.
Ты понял, что такое бесконечность?
Тот мир в сравненье с нашим — словно куб
Квадрата супротив.

Олимп:

Великий, дивный,

Безбрежный свет пылающих колес!

Марсий:

О да! и вся фантазия бессильна.
Покуда не достигнешь, не познаешь,
Когда ж познаешь — о, какое горе! —
Печать молчанья ляжет на уста.

Олимп:

Слова всегда туманят мысли суть.

Марсий:

Да, ради тех, кто, истины взыскав,
Бредет во тьме наощупь, средь иллюзий,
Все мудрецы во все века велели
Хранить молчанье, дабы не затмить
Искомое еще одним покровом.
А мы, адепты, тщетно ищем слов,
Чтоб знанье передать, — но речь звучит
Насмешкой злой над смыслом: ускользает
От звуков суть, и кажется, что слово
Мертво, как потускневший шар хрустальный,
Но ближе и вернее сердцу жизни,
Чем ухищренья лучшего рапсода!

Олимп:

И все же — говори!

Марсий:

О, если б мог я
Поведать в слове о Любви и Свете!
Представь Павлина: хвост его — как веер
Бессчетных перьев Пана, и без счета
На каждом — очи (о, венец мистерий!),
И в каждом из очей сокрыт Павлин,
Такой же, как и Первый.

Олимп:

Быть не может!

Марсий:

О разум, будь ты проклят! Быть не может —
Но есть. Смотри, армада за армадой —
Друг против друга! Битва в небесах!
Душа еще поет под плектром Воли,
Но разум онемел и только стонет
В последних корчах.

Олимп:

Он еще не сдался!

Марсий:

И без борьбы не сдастся. Но заметь:
Он должен умереть в расцвете силы.
Несовершенный, немощный рассудок
Лишь накренится набок — и тотчас
Покажется на свет с другого боку,
Кружась, как айсберг, тающий под солнцем.
Так будь же сильным, о владыка Мысли,
Достигни равновесья в совершенстве,
Чтоб, наконец, единственным ударом
Отправить ум ко дну — пусть растворится
Былая глыба льда в своей стихии
И не взнесет в недружественный воздух
Уж никогда своих зубчатых пиков!
Таков второй покров; как перед первым
Мы истребили порожденья чувства,
Заклав их все на алтаре пред Богом,
Так ныне, пред вторым, должны убить
Все наши мысли, дабы перейти
К тому, что выше самого мышленья.

Олимп:

Но что же *там*? Не чувство, и не мысль...

Марсий:

Любое знание — это только опыт,
Что осознал себя. Возьми пчелу:
Она не знает слов, но вместе с тем

Она — великий и премудрый зодчий.
Премудрость — не житейская смекалка!
Так и адепта могут звать безумным
За то, что он не в силах изъяснить
На языке людском свое искусство.
Язык рождает ложные понятия,
Хоть сам растет из истинных: познав
Предмет, который прежде был неведом,
Мы для него придумываем имя.
Недаром говорят, что ум людской —
Неуловимый, своенравный ветер.
Иной глупец, считая имя вещью,
Бахвалится, как будто всемогущ,
Но все его владения — миражи.
Религия — игра бесплодных слов!
А мы, того познавшие Святого,
О коем я поведал, не находим
Ни слова для Него, ни выраженья.

Олимп:
Проклятье человека!

Марсий:
Человек —
Лишь семя небывалого цветка.
В неповторимой мысли и деянье
Он может расцвести — сей час, сей миг!

Олимп:
Виденье, о котором ты поведал, —
Скажи, оно предстанет непременно,
Когда душа очистится?

Марсий:
Как знать?
Бывает так, что и в покой души
Непрошенные помыслы проникнут,
Но твердая уверенность в успехе
Поможет отогнать их. Что же дале?

«Людское зренье растворится в Божьем»;
иль «Милостью Господней Свет прольется
На верного наследника небес»?
Все это — лишь навозные лепешки
Коровы Теологии! Оставим
Пустое суесловье. Лишь одно
Мы знаем точно: бог не отразится
В зеркале мутном. Очищай же душу
И волю развивай, а дальше — жди!
Когда-нибудь да просветлеет небо:
Рассвет приходит сам, без понуканий!

Олимп:
Довольно! Приступаю.

Марсий:

Берегись!

Легко сказать — куда труднее сделать.
Любой — Эдип, кто возомнил себя
Владыкой четырех достоинств Сфинкса:
Отваги, Воли, Знания и Молчанья.
Но и адепты редко обретают
Хотя б одно из них! Как плод гнилой,
Легко спадает с ветки Помышление,
Но уничтожить силу, что рождает
Все эти мысли? Истребить Себя?
Отвага, сын, великая потребна,
Чтоб вырвать с корнем собственную душу,
Когда она кричит, как мандрагора.

Олимп:
Ты говорил, что Путь приносит радость.

Марсий:
Я лгал, чтоб заманить тебя!

Олимп:
Учитель!

Марсий:

Страдание и радость — две игрушки
Неразвитой души. Их превосходят
Уже первоначальные виденья.

Олимп:

Вотще твердил я знаки прорицаний:
Они ни разу так и не открыли
Мне эту правду. Но теперь я вижу
Ее во всей великой Простоте!
Все, чем я был, что чувствовал и ведал, —
Лишь частное, ущербное познание,
Случалось, пел я под его бичом,
Но ныне всё оно сокрушено,
Как червь, пятою истины всецелой!

Марсий:

Да, поначалу угасанью чувств
Сопутствуют неистовство и ярость
Экстаза, сотрясающего душу.
Но это все пройдет, и воспарит
Адепт, подобно соколу, в недвижный
Воздушный океан; тельцу подобно,
На нерушимой почве утвердится
И обретет покой.

Олимп:

О, как чудесны
Высокие пути единой правды!

Марсий:

Начальный проблеск грозного сиянья
Мы зрим как тень и распознать не можем.
Но после свет приходит к нам как свет,
И чем он ярче, тем душа смиренней,
И ярость вожделенья, что сковала
Ее с избранным Богом, утихает,
Сменяясь целомудренным единством
Нерасторжимой связи: не экстаз,

Но чистота блаженного покоя!

Роса незримо воспаряет ввысь
От матери великой, укрывая
Листву дерев... О да, в конце концов
Ты превзойдешь видения — ступени
Ведущие тебя от славы к славе
В Запечатленный Зámок Короля!

Олимп:

Но если семя не взойдет цветком,
То корни душу разорвут на части?
Я верно понял?

Марсий:

Это, сын мой, тайны,
Известные немногим. Поначалу
Ко внешнему стремится человек;
Освободясь от внешнего, вовнутрь
Он обратится — и покровы «я»
Ему предстанут внешними. Сорви
Все лепестки своей прелестной розы,
Хотя на месте прежнего тотчас
Родится новый. Что же их связало
В бутон единый? Что, как не Желанье —
О, этот злейший из всех недугов!

Олимп:

Я все отринул, чтоб идти вперед
По этому пути!

Марсий:

Легко сказать.
Чтоб все отринуть, надобно вначале
Все полюбить и все назвать своим.
Ни ты, ни я не сбросили ярма.
Я в шутку предложил ИМ половину —
ОНИ забрали всё! И не без боли.
ОНИ убили моего ребенка,

Жену мою сгубили, доведя
До крайнего позора, хуже смерти,
И самого меня изгнали в глушь,
Лишив богатства, юности, здоровья,
И красоты, и страсти, и любви.
Ты говоришь, отринул всё? Проверь,
Не позабыл ли ты в глазу соринки?

Олимп:

Но я же не о том!..

Марсий:

Вся жизнь едина.
А магия есть жизнь. Телесный мир
(Как мы его зовем) — приют дорожный
Для всякого адепта, сына солнца!
Разрушь лачугу — и адепт бежит,
Спасаясь от крушения.

Олимп:

Но при этом
Не рушится ли разум вместе с плотью?

Марсий:

Внемли же Испытанию Завесы,
Второй Завесы!.. Нет, избавь меня
От этих колдовских воспоминаний!
Страшусь я показать Завесу Бездны.
Но все ж — да будет исповедь полна!

Олимп:

Учитель, я к ногам твоим склоняюсь —
Скажи, отколь на них роса и кровь?

Марсий:

Я задыхаюсь в ужасе слепом.
Путь бездны в глубь уводит, где таятся
Чудовища страшней, темнее смерти!
Где силы взять для воли и отваги?

Ум на дыбы встает, как конь в испуге!
Нет, не удержит никакая память
Сей непостижной бездны преисподней,
И даже тени, что встают из мрака,
Ужасны так, что слов не подобрать.
Другой такой гибели не сыщешь
Меж всех плодов чудовищного Рока.
В источнике подавлен белопенный
Родник речей. Ты знаешь: здоровье духа
Покоится на том, что всякой мысли
Присущи связи с мыслями иными:
Зависимости, следствия, причины, —
Их уничтожь — и уничтожишь ум!
О, черная, звериная, слепая,
Безумия зияющая бездна!
Адепта путь ведет в твои провалы,
А там — конец всем мукам и страданиям,
Распад рассудка, растворенье мысли:
Исчез раствор, досель ее скреплявший,
И вместо дома — груда кирпичей!
Я что-то слышу: тук-тук-тук!
Но всякий смысл утратил звук,
Вокруг шумят, трещат, судачат —
Но звуки ничего не значат!
Смотрю — и вижу, как в бреду,
Картин бессмысленных череду:
Кружится пляска вихревая,
Ничем души не задевая!
В самой душе ни память, ни причинность
Уж не совьют солому в крепкий жгут.
Погибло «Я»! Бесплодные, пустые,
Лишившиеся сути и закона,
Вселенная и Эго вместе с ней
Объяты черным хаосом проклятья.

Олимп:

Не к этому ль приходит и философ:
«Я знаю то, что ничего не знаю»?

Марсий:

О да, но этот взвешенный итог
Не опытом рожден, а рассуждением.
А опыт мой — как боевой топор,
Крушащий череп! О, прости меня!
Слабеет чрево, сердце замирает.
Давай оставим это!

Олимп:

Всем собою
Я пью нектар и яд загадки Сфинкса.
Горьки твои слова, но и целебны!

Марсий:

Я угодил в силки чернее ночи!
Как вырваться — не знаю, и боюсь,
Что эту муку не смягчат и годы.
О как темно, темно невыносимо!
Прочь, призраки былого, прочь с дороги!
Довольно и того, что я прошел.
Постиг я тайну тех чудесных звеньев
Что к мысли крепят мысль единой цепью
Сквозь тьму веков, сквозь толщу воплощений;
И свелся в точку замысел туманный
Всего, что мне дано как бытие.
Я понял тайну «я». И все, чем был я,
В тот миг я свел под выпуклым стеклом,
И жгучий луч сошел, и стало пеплом
Все, чем я был, — как в завершение песни,
Когда мелькнет и канет в небе тенью
Все, чем еще назначено мне стать.
На этом я отринул свой рассудок
(О, как напрасен он и как несносен!)
И сеть метафизических словес
Усиьем Воли сбросил, и, с улыбкой
Окинув взором темный лабиринт,
Где строит ковы древний змей безумья,
Пустился в путь неторною тропою —
И стал я как дитя во тьме ущелий,

Во мгле теснин катайских¹, на обрывах,
Над реками, которым нет названья,
Струящимися в призрачные дали;
Сменялись в небе луны, провожая
Меня бесстрастным оком; дни за днями,
В палящий зной и ледяную стужу,
В тропических лесах, в снегах тартарских,
В морях архипелагов изумрудных
Скитался я и сам того не ведал,
Что я уже ведóm премудрой дланью.
В рассветный час и в полдень, на закате
И в час ночной, отшельник одинокий,
Взывал к Нему я преданно и кротко,
Как дождевая капля — к океану.
И вот пришел я в некий парк старинный,
Где травы под ногами пламенели
От пляски фей; и здесь, объят любовью,
Я был восхищен прочь, превыше жизни
И всех ее приливов и отливов.
И возгорелся нестерпимым блеском —
Во мне и вне — весь образ мироздания,
Как светлый лабиринт любви и жизни;
И, словно чьей-то исполинской воле —
Моей иль не моей — повиновавшись,
Вострепетало всё... И разом свет
Погас в ночи бессмертной: всё исчезло
Перед отверстым Оком Властелина.
И как о том поведать?

Олимп:

О, Учитель!

Неужто рухнул мир?

Марсий:

Во храме пусто,

Святилище лишилось божества!

Но вместе с ним исчез покров иллюзий;

Узри же то, что есть!

¹ *Катай* — старинное название Китая.

Олимп:

Волною дивной
Мне слух омыли царственные звуки!

Марсий:

То ангельские хоры возвещают
О новом Брате Солнца, что дерзнул —
И одолел великую Завесу!

Олимп:

Теперь я слышу крик огромной птицы
И сквозь него — раскаты громовые...

Марсий:

То отзвук сокрушительного слова,
Вселенную разбившего на части.

Олимп:

Твой стан вознесся до небес, Учитель!

Марсий:

Воистину; но то уже не я.
Адепта больше нет — растаял призрак,
Исторгнутый из зева черной бури.
То, что ты видишь, — это некто новый.

Олимп:

Но чрез тебя, в тебе!

Марсий:

Нет, то не я.

Олимп:

Но для меня и это — ты, учитель!

Марсий:

Довольно ли сего, чтоб ты решился
И вверил Богу жребий свой? Тогда
Не стану спорить.

Олимп:

Нет сильней заклатья!

Клянусь землей и морем, жизнью, смертью:

Я за тобой пойду, куда укажешь!

Марсий:

Нет, не за мной иди, а за собою!

Священный Ангел есть и у тебя:

Он выведет из горестной пустыни

В непостижимый мир обетованный.

Олимп:

Но ты, учитель, ты уже владеешь

Ключами тайн всего на этом свете!

Поведай мне о том, что наступило,

Когда Господь великим дуновеньем

Рассеял всё во прах?

Марсий:

Я, человек,

Преобразился в меч огня святого,

И жизнь моя, исполнясь благодати,

Как горная река, что истекает

С заснеженной вершины, излилась

На дольний мир сверкающим потоком,

Возвеселя сердце человека

И опьяняя жизнь его блаженством

Вина в смешенье с миррою и амброй

(О, этот горько-сладкий аромат,

О, колкий и блистающий утесник!).

Кто изопьет его, познает Путь,

И явится из глины изваянье

И оживет, и Господа восславит,

Отбросив все сомнения. Так живи

В лучах дневного здорового светила,

А мир теней забудь, как сон дурной!

Олимп:

В конце пути — для каждого престол,

Для каждого — венец верховной власти!

Марсий:

И тот венец — надежное Молчанье,
Скрепленное печатью, а престол —
Чистейшее, беспримесное Знание,
Украшенное сонмом всех достоинств:
Величественной милостью и силой,
Гармонией блаженной красоты,
Великолепьем, торжеством победы...
Как звездный дождь пламен, как ожерелье
Лилейно-чистых светов, ниспадают
Они с высот до дна, до Основанья,
А на него последний перл подвешен —
Сей дольний мир, блистающий восторгом,
Уже не падший, нет! но возрожденный
И, как невеста, рдеющий румянцем
В преддверии услад!

Олимп:

И это все

Смогу узреть и я отверстым Оком?

Марсий:

Когда Соколье око возгорится,
Исчезнет крест златой, исчезнет роза,
Затмится свет Серебряной Звезды.

О братья той Звезды, о каждый, кто
Ее холодным пламенем обласкан!
О чем еще поведать неофиту,
Чем взволновать его смятенный разум?

Олимп:

Но в этом нет нужды! Я весь пылаю
Стремленьем к бездне вечного Блаженства!
Четыре Силы Имени зову я:
Земля и ветер, море и огонь,
Свидетелями будьте этой клятве!

Звездою триединою клянусь
Сломить сию двузубую преграду!
Вот только как? Ломается и гнется
Любая воля, не имея средств!

Марсий:

Есть семь ключей от тех великих врат:
В едином — восемь, и один — в восьми.
Во-первых, тело приведи в покой,
И пусть оно, как труп, оцепенеет
В пеленах воли: тем исторгнешь вон
Зачатки суеты, что ум тревожат.
Вослед тому дыханье усмири,
Дыши свободно, медленно и мерно,
Доколе не сольешься воедино
С великим морем в забытии блаженства.
Затем — живи спокойной, чистой жизнью,
Размеренной, как пальмы колыханье.
В-четвертых, волю к жизни укрепи
В одной любви к тому, что Совершенно.
Божественно свободная от чувства,
Пушай себя же наблюдает мысль:
Вот пятый ключ. От часа к часу строже
Следи за каждым помыслом в сознание!
Суров и напряжен, смотри в себя,
Всё до последней части разлагая!
В-шестых, избрав из мыслей лишь одну,
Укрой ее от дуновений ветра,
И пусть горит огнем неколебимым,
Всего тебя сжигая без остатка!
В-седьмых, уйми блаженство, продлевая
Соитье с созерцаемою мыслью;
И если кто дерзнет тебя отвлечь,
Будь он сам Бог,— убей без снисхождения!
Все семь сведи в единое — и вот:
Полночный цвет перед тобой цветет!
Вот миг единства. Но и в нем, о сын мой,
Беги от проявлений: прозревай
Глубинный, темный корень всех экстазов,

Отринув имя, форму, внешний блеск
Самой награды, ныне обретенной,
Пронзи ее до сердца! И на том
Тебя оставляю. Ты теперь Учитель.
Я чту твой свет, разлитый во вселенной,
О славный Брат Серебряной Звезды!

Олимп:

Ах, нет мне облегченья! Заступают
Дорогу мне чудовища и ведьмы,
Драконы и свирепые гиганты,
Левиафан из волн встает могучий,
Безумствует Борей, и львы рычат!
Ни ласковый Зефир, ни песнь отрады
Не утешают Пилигрима Розы!

Марсий:

Постигни царский путь, ведущий к свету!
Освободись от рока своего,
Затворник пылкий! С превеликим тщаньем
Устрой себе приют в священной роще,
На берегу реки неторопливой,
Чьи воды не встревожит летний ливень;
Укройся средь корней переплетенных,
Под сенью древ, трепещущих листвою
От дуновенья утренней прохлады;
Где зеленеют ласковые травы
И папоротник дремлет между ними
На ложе мха; где плещутся кувшинки
В недвижных водах спящего затона;
Где в вечном и безветренном покое
В ветвях блуждают солнечные блики
И не слышать пенье птиц небесных
За неумолчным шумом водопада.
Так обретешь достойную оправу
Резному самоцвету божества,
Срединному огню, что пламенеет,
Как Истина, в глубинах изумруда!
Как ночь сгустится, выходи на берег

И смело правь свой челн берестяной
На середину тихого потока,
Где зыбь не потревожит легкой лодки;
И там, в полночный час, сзывая духов
Ударом колокольчика золотого,
Произноси такое заклинанье:
«О ангел, ангел мой, сойди ко мне!» —
А после лазуритовым жезлом
Черти перед собою Знак Искусства.
И, может статься, сквозь глухую тьму
К тебе и впрямь приблизится твой ангел,
И ты услышишь слабый шелест крыльев
И узришь блеск двенадцати камней,
Что на груди его горят, как звезды,
И диадему звездного мерцанья,
Его чело обвившую, и Око,
Тебя насквозь пронзающее властно;
И ты замрешь, восхищенный любовью,
Внимая звукам голоса святого:
Влюбленному Возлюбленный ответит,
И в глупом пустословии моем
Не станет нужды.

Олимп:

О, как я пылаю
Священным нетерпеньем! Эти речи
Столь сладостны, что с ними по сравненью
Все прочие — как кислое вино.

Марсий:

Для каждого цветка — своя пчела.
Пред Ним хамелеоновою чашей
Возляг — и изопьет Он твой нектар!

Олимп:

Но есть одно сомненье: коль достигнет
Душа подобной невозможной цели,
Должны ль ее отметить в мире сем
И вознести превыше прочих смертных?

Марсий:

Нет, то несовершенные святые,
Кто понят и отмечен в этом мире.
Когда воображение побледнеет
Пред истиной, открывшейся адепту,
Он скроет откровенье под покровом,
Как горы прячут снежные вершины
Под пеленою туч. Не путай планы!
Насколько можешь, оставайся прежним
Простым и благородным человеком,
Будь прям и честен; не уподобляйся
Распухшим от надменности святошам.
Кто бьется лучше, чем святой воитель?
Кто лучше пишет, чем поэт-адепт?
Не бойся груза святости в миру!
Несчастливы те, кого она пугает:
Они постыятся, не стригут волос,
На людях ходят в рубище немытом,
Твердят о тайных братствах и запретах
И мнят себя архатами! И впрямь,
Как усмирить нам духа ураган?
Ограниченьем в Пище и Одежде!

Олимп:

Таких святых я знаю.

Марсий:

Их немало,
Да и шумят они погромче многих.
Они полны духовною гордыней,
Их проповедь — сплошное отрицанье:
«Не ешь мясного — яда для души!
Не пей и не кури! Отринь желанья!
Спиртное и табак — залог недугов!»
Но магия есть жизнь, а Воля к Жизни —
Верховное из высших Утверждений.
Те, кто бежит от Жизни, недостойны
Ни Неба, ни Земли. Так утверждай
Незыблемое «да!» всему живому!

Олимп:

В одном по крайней мере совершенны
Святоши эти: в ханжестве своем!

Марсий:

Довольно. Не земным вином и хлебом,
А созерцаньем кормится душа.
Забудь об их — и наших — недостатках;
Сосредоточься на Любви единой!

Ах, мальчик мой, все горние престолы
И все венцы — в святилище любви.
В Его тепле и тайне сокровенной
Есть чаша совершенного вина:
Оно единой каплею врачует
Все горести, терзающие душу.
Где я о том прочел? В крылатом свитке,
Который принесла мне дочь джинна;
И с той поры мне ведомо заклятье,
Дающее познать Царя Царей.
О ангел мой! Тебя зову я ныне!
Склони ко мне чело во звездной славе,
Орлиными крылами осеня
Шатер любви, где мы сомкнем объятья!..
О, легионы горние, восстаньте
С сапфировых престолов звездной ночи!
Смотри, о сын мой: возгорелось небо,
И на востоке плещет орифламма
Грядущих воинств, что Ему покорны
И шествуют пред Ним могучим строем,
Непобедимой ратью паладинов:
Возносятся пылающие дроты,
Сияют золотом огненные шлемы.
Иные сонмы светочей небесных —
О гроздь звезд, о россыпи камней! —
Блещающими шлейфами струятся
За взмахами Его лазурных крыльев.
О, Ты подобен Соколу Златому,
Проявленному в ликах несчислимых:

Весь небосклон, объятый пламенами, —
Твоих обличий дивное зеркало!
На ризы и венец Твой драгоценный
Кометами слетают звезды ночи;
Как птица ночи в лунном оперенье,
Колеблемом великими ветрами,
Весь свет небес влечешь Ты за собою —
И гаснет небо пред Твоим сияньем,
Вскипающим безудержной волною;
Ты шествуешь, облекшись в сферы мира! —
Таким Тебя познал я, о Любимый.
Твои уста прильнули поцелуем
К самой душе моей — и все исчезло
В безбрежном звездном вихре, уносящем
Меня от жизни прочь, за край вселенной.
Я таю искрой в сокровенном свете
Эона Твоего!..

Олимп:

О слава! Слава!

Сиянье за незримою завесой!
Я причастился твоему блаженству.

Марсий:

Я весть несу. Мне ниспослало небо
Блаженный новый путь, ведущий в сферы
Стихии Сокровенной.

Олимп:

О, Учитель!

Пока еще сиянье не померкло,
Скорее возвести мне эти тайны!

Марсий:

Еще влечет меня на синих крыльях
В обитель самой Сути Всеединства.
Да, да, я на земле стою ногами,
Но всё пылает каждый нерв и жила,
И свет хоралом всё еще гремит,

Меня преисполняя жгучей силой,
Как Бога. Так внемли же Откровенью,
Что с непослушных уст моих нисходит.

Олимп:

Дрожу, как лист осины, трепещу я,
Как свет на зыби водного потока!

Марсий:

Да будут все дела твои согласны
С твоею волей! — вот закон единый,
Который я познал при Достиженье.
Восстань и руку подними на Бога!
Восстань и положи конец запретам,
Поправ Ограниченье! Тот лишь грешен,
Кто дух священный свой томит в оковах!
О ты, кому тюрьма давно постыла,
Взывай к Нуит под звездами ее
В сердечной чистоте (и благовонье
Из ароматных смол и древесины
Ей воскуряй на золоте); и вскоре
Змеинный пламень ярче разгорится
В душе твоей, и станешь ты достоин.
Возлечь на лоне призванной Богини.
И, се! В тот миг ты будешь рад отдать ей
Все, чем владеешь, — но она воскликнет:
«О, нет! Возьми меня — и все возьми!
Копи богатства, пряности и женщин,
И жемчугов бесценных ожерелья!
В одной лишь ризе мне служи, венчая
Чело свое короною прекрасной.
Я, Пояс Мира, жажду и люблю
Тебя, тебя! Бледнея и пылая,
Завесою укрыта и полна
Истомы сладострастной, словно лебедь,
На крыльях серебра плывущий в небе, —
Люблю, люблю тебя! Я — опьяненье
Глубинных чувств; тебе я всей душою
Дарую ласки. Жрица же моя

В сопровожденье юных аколитов,
Овеянная легким опахалом,
Да всходит обнаженная, ликуя,
На мой алтарный камень многоцветный,
И повторяет в упоенье страсти:
«Ко мне! Ко мне!» — напевом неумолчным.
Я — дочь лазурновекая заката;
Я — пояс вод, обвивший мирозданье;
Я — страстный блеск нагого неба ночи!
Призывной песнью, сладким благовоньем,
Сверканием сокровищ драгоценных
Буди весь пыл и цвет сокрытой розы!
Пей для меня! Люби меня! Люблю я
Тебя, владыка мой, — ко мне, ко мне!

Олимп:

Дух этих слов — беспримесное благо;
Неужто жизнь и смерть побеждены?

Марсий:

Есть в мире Змей, дарующий блаженство
И Знание, распаляющий сердца
Хмельным огнем. Диковинные зелья —
Твои, Хадит, и колдовские вина!
Вреда от них не будет. Обитают
Отшельники твои не в стылых кельях,
Но под завесой пологов пурпурных,
В объятиях любовниц полногрудых,
Величественных львиц — о, как нежны
И как ужасны ласки их! Пылают
Огонь и свет в очах неуголимых;
Власы объемлют тело облаками.
Ведут они войска свои к победе,
Цари во всякой радости; узри же,
Как тайный змей тот для броска свернулся,
Чтоб покорить весь мир! О, жрец и царь,
Да будут пир, борьба и ликованье,
Да будет буйство страсти, песни, битвы!
Работай — и работы ложем будь!

Держись! Держись! Лобзанья звезд подобны
Расплавленному золоту. Крепись же!
Не поддавайся! а теперь умри —
Ах! Ах! Превосходи себя!

Олимп:

А я?

Марсий:

Превыше звезд подымется мой стан —
Так Он сказал! Мне будут поклоняться
В укромных рощах, на утесах голых
Отныне и вовеки.

Олимп:

Пред тобою
Склоняюсь я! Давай же пировать!

Марсий:

Я — освященный Зверь. Я возвожу
Обитель Скверны. А моя Супруга —
Багряная Жена.

Олимп:

Что это значит?

Марсий:

О том я не скажу, покуда ты
Четвертое не минешь Испытанье.

Олимп:

Тебе я поклоняюсь. Лунный свет
Из алых уст твоих струится властно,
И следом вспышки солнц новорождённых
Возносят пред Святыми Восьмерицу
Твоих Молений Тайных!

Марсий:

Так внемли же

Последнему заклатью, слову пользы!
Открылось мне: двоих венчает третий!
То Бог Войны и Властелин Возмездья,
Единым взором намертво разящий.
И этот свет во мне — от Господина,
Чье Имя — меч, вращающийся грозно.
Его веленье я свершаю в мире.
Стремительно и зорко пламенеет
Мой Соколиный Глаз; вздымают руки
Стяг Силы и Молчанья, — наконец-то,
Владыка мой, ты здесь! Привет тебе!
Смотри же: я — Господь Сокологлавый;
Мой немес — синева ночного неба.
Привет вам, близнецы на страже башен —
Опор вселенной! Срок ваш долгожданный
Вот-вот настанет! Змей, пятнавший небо
Неистошимой слизью, истребился;
В одной руке держу я Жезл Могучий,
Что, как луна, растет и убывает;
Другую, левой, сокрушаю ныне
Вселенную — осталась пустота!
Конец всему! Сокрытое величье
Незримо блещет в имени моем,
Как тайный огонь, ниспосланный светилом.
Аум! Ах-ха! судьба моя свершилась.
Изречено и скрыто это Слово.

Олимп:

Я потрясен. Какие чудеса
Еще постиг ты?

Марсий:

Тайну ритуала.

Олимп:

А есть ли польза в нем?

Марсий:

О да — для тех,

Кому ума и мудрости достанет.

Олимп:

Другой давал не меньше.

Марсий:

Испытай же

Их оба ты ключом от всех замков —
Любовью. Туго? Стало быть, ленишься
Трудом их умастить — священным маслом.
Долины не покинув, не добудешь
Яйцо, в гнезде укрытое орлином.
Карабкайся по льду, рискуя жизнью,
Лезь по стене над пропастью бездонной
И, одолев уступы и разломы,
Усвой урок хребта — но все же помни,
Что ни один хребет открыть не в силах
Последней тайны пика!

Олимп:

Все хребты

Когда-нибудь сойдутся на вершине.

Марсий:

Ты прав, о хитроумный! Но, однако,
Смотри: один, широк и рван, укрыт туманом,
Другой же тверд, и гладок, и обласкан
Лучами солнца! Наше братство знает,
В чем тайна этой солнечной дороги,
С тех пор как Зверь, Владыка наш, по праву
Число светила принял.

Олимп:

Эти тайны

Не по плечу мне.

Марсий:

Нет, о младший брат мой!

Ни верою, ни страхом, ни почтеньем

К учению Закона не подступишь:
Лишь Истина, Отвага и Любовь,
Заняв их место, путь тебе откроют.

Олимп:

Так приведи же за руку меня,
Учитель, в эту землю благодати!
Дай мне испытать вина сего ученья —
От всех недугов верного лекарства!
И я восстану, тверд и беспорочен,
И устремлюсь неколебимо к цели,
Как Господин судьбы своей, навстречу
Назначенной мне доле высочайшей —
С кроваво-красной солнечной стрелою,
Пронзившей пламенеющее сердце,
И с базиликом естества земного,
Как адамант, сверкающим и крепким!

Марсий:

Смотри же: там, поблескивая тускло,
Нас ожидает желтая пустыня.
Рука в руке пойдем упругим шагом,
В безлюдные пределы устремившись.
И там, под звездным небом, дым курений
Пробудит дух Владычицы Пространства,
И из своих недостижимых далей
Она склонится к нам легко и нежно,
Как синее блистающее пламя,
Касаясь нас и проницая насквозь
Все наше вещество, как ток эфира
Пронзает звезды! Трепетные руки
Ласкают землю черную; дугою
Изогнут гибкий стан, любви алкая;
Цветка не клонит шаг ее воздушный;
Она зовет меня! Дает знаменье,
Что вся она — моя, моя всецело!
И, распахнув объятия в бесконечность,
Моя душа в восторге совершенном
Парит за гранью бездн и вне времен;

Чело ее прелестное целуя,
В росе ее купаюсь благовонной,
Нектаром пота умощен... О ты,
Супруга сокровенная, собою
Весь небосвод обнявшая! Излей
Мне в душу свет предельного блаженства,
О, Ночи Дщерь, исполненная страсти!
Сиянием своим неистощимым
Всего меня прими и поглоти!

Олимп:

Я слышу зов пустыни.

Марсий:

Так пойдем же!

Иль вот еще: заветные снега
Отыщем, где воздвигнусь я над миром
Владыкой таинств меж учениками,
Что встанут одесную и ошую,
Как малые вершины; и, сокрывшись
В самом себе, всей волею могучей
Дневное солнце призову с востока,
И розовую дымку над горами
Рассеет белоснежный блеск светила —
Хотя во мраке чувств земных, подобно
Танцовщице в прозрачных покрывалах,
Предстанет взору девственное Солнце
Туманно-золотистым медальоном!
Оттуда прйдем мы к желанной цели —
К восторгу звезд, экстазу без изъяна;
И, се: огни алтарные померкнут
Пред Божеством, явившимся воочью.
А, впрочем, не пойдем! Любое место —
Готовый храм для нашего служенья.
И вся земля божественно прекрасна
Пред нашим взором. Иль не умощен я
Для таинства? Чело мое пылает
Печатью призыванья — здесь и ныне.

Олимп:

И воздух напоен благоуханьем.

Марсий:

Смотри! Лучится он — горит — цветет!

* * * * *

Олимп:

О, как искусно обратил ты, Мастер,
Зарю Златую в яркий свет полудня;
Как Полая Гора тебе открыла
На Золоте Креста Рубины Розы;
И, наконец, блеснуло издалика
В Серебряной Звезде Соколье Око!

Марсий:

Всему живому — мир. И мир тебе,
О сонаследник вечности моей!
Всему, от мала до велика, — мир,
От звездных ливней до речных лилей.
И свет обильный — тем, кто среди грез
Блуждает, принимая тень за явь.

Олимп:

Благословение и слава — Зверю,
Пророку восхитительной Звезды!

КОММЕНТАРИИ (ОТРЫВОК)

Брат Ахад

Эта поэма — одно из самых чудесных за всю историю описаний мистического пути, и я намереваюсь в нескольких кратких комментариях показать, какая глубокая символика заключена едва ли не в каждом ее слове. Уже в одном только первом стихе полностью представлен символ тройного ордена Великого Белого Братства, в ряды которого стремится соискатель — ученик Олимп. Можно отметить, что этот начальный стих, звучащий из уст ученика, намекает на то, что Олимп мыслит природными образами, в точности соответствующими символике Ордена. Вот подлинное доказательство того, что в книге самой Природы можно прочесть обо всех великих тайнах жизни и мистических достижений.

В предраусветный час ученик приходит приветствовать своего Учителя и просит у него наставлений. Заметим, что это время — самый темный час ночи; иными словами, душа должна пройти через глубины тьмы, чтобы перед нею воссияла истинная заря. Но и этим не исчерпывается смысл первой строчки, ибо следует помнить, что Внешняя коллегия Великого Белого Братства, братства А.:А.:, именуется Орденом Золотой Зари и соответствует четырем нижним сефирот каббалистического Древа Жизни.

Поэма начинается со слова «Учитель»¹, поскольку ученик, жаждущий посвящения, поначалу всегда ищет внешнего Учителя, хотя впоследствии он должен научиться обращаться за истинным руководством к самому себе. По большому счету, все, на что способен внешний Учитель, — это объяснить необходимость обращения внутрь и ободрить ученика, поделившись с ним собственным опытом.

Итак, вот первое предложение поэмы:

¹ Учитель в оригинале именуется словом «Master», подразумевающим в данном контексте степень Мастера Храма (8°=3°) — посвященного, который пересек Бездну и достиг сефиры Бина.

Учитель мой! пока рубин Зари
Не позлатил росу листвы и луга
И лепестки нетленной Розы неба
Еще не развернулись, словно стяги
Герольдов, предвещающих восход
Звезды уединенной и сокрытой, —
Я поспешил приветствовать тебя.

Здесь перед нами предстает символика Внутреннего ордена, или Коллегии Адептов, — Ордена Розы и Креста; и здесь же содержится намек на Высший орден, известный посвященным как Орден Серебряной Звезды. Можно добавить, что слово «роса» намекает на таинства Розы и Креста, ибо некоторые утверждают, что слово «розенкрейцеры» связано с латинским словом «ros», «роса», а сам орден иногда именуют братством Росного Креста.

Обратите внимание также на цветовую символику «листвы и луга» — это изумрудно-зеленый цвет Венеры. Слово «позлатил» указывает на ярко-желтый цвет Венеры в наивысшем, архетипическом мире, мире Отца; зеленый же соответствует сфере Венеры в мире творения, мире Матери.

Более того, роса всегда считалась символом любви высочайшего рода. Во второй части «Книги Четыре» говорится: «Однако существует универсальный растворитель и гармонизатор — роса столь чистая, что одной капли ее, добавленной в Чашу, достанет, чтобы на время вода обрела полное совершенство. Имя этой росе — Любовь. Даже если это любовь человеческая, под властью ее вся Вселенная представляется совершенной; Божественная Любовь же, о которой ныне идет речь, способна на много большее». Роза — тоже символ любви, а в данном случае — еще и солнца: это Небесная Роза, распятая на Кресте Вселенной. У солнца есть женская ипостась — солнце полудня египтяне называли именем Хатхор (Ahathoor). Отметим, что это имя начинается с буквосочетания «АНА» — и такое же название носит рассматриваемая поэма.

Под «уединенной и сокрытой» звездой может пониматься Венера или Юпитер. Обе эти планеты время от времени играют роль Утренней Звезды, восходя перед рассветом и вскоре

скрываясь в лучах Солнца — подобно тому, как сокрыт в лучах божественного света Высший орден нашего Братства.

Помазанным челом земли касаясь,
Склоняюсь пред тобою,—

эти строки намекают, что ученик уже исполнил первые два условия Мистического Пути, поскольку помазание подразумевает освящение. Очищение и освящение — два действия, предваряющие, собственно, посвящение.

...Как влюбленный
В лучах луны томится, обмирая
В сребристом забытьи, так я устами
К твоим стопам блаженным припадаю
С мольбою о мистических дарах!

Луна здесь — это символ Высшего «Я», к которому ученик стремится при помощи своего Учителя. Это Высшее «Я» в совершенстве отражает свет Солнца, прямые лучи которого слишком сильны для того, кто еще не вполне готов воспринять их.

Немаловажно также упоминание о поцелуе, с которым ученик припадает к стопам Учителя. Стопы — это, в некотором роде, символ Понимания. Сказано, что Мастера Храма, пересекая Бездну, сбросили свои сандалии, подобные Чистому Свету¹. Здесь можно отметить, что символ Венеры — анх, или Ключ Жизни, — символизирует, среди прочего, ремень сандалии, так как Мастера Храма суть Боги, а Боги — это те, кто Шествует. Ибо они постигли тайны непрестанно меняющейся вселенной; и, как пишет мадам Блаватская, «идти по этому Пути ты не сможешь, пока не станешь самым этим Путем»².

Последняя строчка строфы, «С мольбою о мистических дарах», возможно, содержит намек на то, что достижение, как говорят, может быть даровано «милостью мудрецов, обретших совершенство»³.

1 См.: Алистер Кроули. *Видение и Голос. Книга Еноха*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 153.

2 Е.П. Блаватская, «Голос Безмолвия», 49.

3 Свами Вивекананда, «Раджа-йога», IV.

Марсий вопрошает: «Чего ты хочешь?»¹, — а Закон Телемы гласит: «Твори свою волю: таков да будет весь Закон». Даже в экзотерических орденах присяга начинается со слов: «По собственной доброй воле и согласию я клянусь...» — ибо если в ученике нет воли на свершение Великой Работы, даже его Священный Ангел-Хранитель не сможет ему помочь.

... За меня ответит

Священный Ангел мой: «Взнестись в экстазе!»

Ученик, несомненно, осознаёт, что в столь важном вопросе он должен стараться интуитивно воспринять Волю своего Высшего «Я». И действительно, когда мы по-настоящему обращаемся к своему Высшему «Я», к своему Священному Ангелу-Хранителю, на наши молитвы всегда приходит ответ. В данном случае Священный Ангел-Хранитель отвечает устами самого ученика — причем для его низшего «я» этот ответ может оказаться неожиданным.

Когда, куда и как? — ¹

спрашивает Учитель.

И снова Ангел-Хранитель отвечает через ученика:

«С моим лобзаньем

Отсюда прочь — в обители иные!» —

предлагая и средство для достижения цели, и соответствующей ей сферу сознания. Эта сфера еще не знакома ученику, но он немедленно ассоциирует ее с неким высшим планом в пространстве и восклицает в недоумении:

Но где же крылья?

Учитель резонно указывает, что крыльев человеку не дано. Человек вступает в Земную Жизнь, чтобы обрести опыт земного плана, и если бы у него были крылья, едва ли он по доброй воле согласился проходить назначенные ему испытания.

¹ В оригинале: «What wilt thou?» («В чем твоя воля?»).

Однако его Световое, или Астральное, Тело не подвержено подобным ограничениям, хотя орел, о котором упоминает далее Учитель, означает не только способность к полету. Эта птица, возносящая соискателя «к блаженствам рая», — еще и символ Безмолвного Дыхания, посредством которого можно достичь этих «блаженств».

Ученик, все еще надеющийся на поддержку извне, спрашивает, как ему призвать этого орла на помощь. Учитель указывает, что молчание здесь полезнее речи, потому что лишь в молчании можно расслышать истинный голос духа. Ученик и сам должен был бы это понимать: ведь только что он безмолвно воззвал к своему Священному Ангелу и получил ответ; однако принять это безмолвное общение как истинное наставничество он еще не готов.

На дерево, колеблемое ветром,
Не лягут росы горней благодати!

И вновь упоминается роса. Можно отметить, что в «Книге Священной Магии Абрамелина-Мага» появление блестящих капель росы на ламене служит знаком и печатью Завета со Священным Ангелом-Хранителем; роса — это как бы конденсат Божественного Дыхания в сфере Луны — в Основании сущности самого соискателя.

В зеркале вод не отразятся звезды,
Когда его туманит зыбь волненья!

До тех пор, пока ум не достигнет совершенного покоя и неподвижности под руководством Воли, он не сможет в точности отражать высшее, звездное сознание истинного Я. Пока читта, то есть содержимое ума, ходит волнами, чистое единство Я предстает нашему взору как бесчисленные осколки разбитых образов.

Душа моя склоняется покорно
Пред вечной красотой Божества, —

говорит Олимп, интуитивно ощущая присутствие своего Бога, и душа его склоняется перед Ним точно так же, как тело склонилось перед Учителем в начальных стихах.

Но как достичь Его земному праху?

Он чувствует, что его Бог, или Высшее «Я», еще очень далеко, но вместе с тем начинает понимать необходимость приблизиться к Нему и достичь единения.

Марсий отвечает:

Во-первых, разум наостри, украсив
Ее пером самой богини Правды
И отточив до блеска, словно бритву...

Здесь разум символически описывается как лезвие бритвы, которое необходимо отточить до блеска и до совершенной остроты. Если мы представим себе две поверхности лезвия как пару противоположностей, постепенно сближающихся друг с другом при точении и, наконец, сливающиеся в тончайшую грань; и вообразим, что бритва при этом остается совершенно неподвижной и удерживает балансирующее на ней «перо богини Правды», — вот тогда можно будет получить некоторое представление о том, какое состояние ума необходимо поддерживать, чтобы преуспеть в этой части работы.

Омой от чувств, надежд, воспоминаний
Беззвездный гороскоп его...

Это, по-видимому, означает, что никакие сожаления о прошлом, впечатления от настоящего и даже надежды на будущий успех не должны омрачить отполированную до блеска сталь лезвия или поколебать уравновешенное на нем перо Истины.

... а после

Замкни его в двоякой пустоте,
Лишив и наслаждения, и боли.
Тогда — слепа, глуха, нема, недвижна —
Войдет твоя душа в родное царство!

Символический смысл этой «двойкой пустоты» станет понятнее, если мы сперва представим себе разум как отполированное лезвие, превратившееся в зеркало — зеркало совершенное и потому «пустое», не отражающее ничего, кроме Наивысшего; а затем — как отточенный край этого лезвия, не способный в силу своей тонкости отразить ничего, кроме пустоты, и в то же время столь острый, что на нем не удержится ничего, кроме абсолютной Истины. Такое лезвие мгновенно рассекает любую иллюзию.

Как же странно должна быть устроена голова, чтобы дать почти эпической поэме о мистическом пути такое маловероятное название — «Ага!»! И действительно, у Алистера Кроули, английского поэта, родившегося в городке Лимингтон в 1875 году, голова была устроена весьма причудливо. Многолетнее сосредоточенное изучение всевозможных религиозных, мифологических и мистических традиций и магических практик превратило его разум в изощренный мнемонический аппарат. Одного слова или фразы ему хватало, чтобы тотчас запустить длинную цепочку ассоциаций, плавно перетекающую в реку увлекательных идей, накопленных за долгую жизнь. И все это не может не озадачивать новичка, лишь начинающего приобщаться к его бесчисленным сочинениям.

Для Кроули слово «Ага!» заключало в себе бесконечное множество смыслов. Некоторые из них имели отношение к каббале, которой Кроули занимался в период обучения в Герметическом ордене Золотой Зари. Гематрия, или числовое соответствие, этого слова — семь, число, связанной со сферой Венеры на Древе Жизни и со стихией Огня¹. В одном из документов о Таро, распространявшихся в Ордене Золотой Зари, о Семерках сказано, что они «символизируют силу, превосходящую материальный план. Они подобны королевскому венцу, дарующему могущество, — но не всякий достоин обрести этот венец».

Другие ассоциации восходят к Библии, которую Кроули также изучал очень тщательно, — прежде всего, к Откровению святого Иоанна. Об этом свидетельствует, например, подзаголовок поэмы, начинающийся со слов: «Семичастное Таинство Неизреченной Любви; Пришествие Владыки Небесного как Царя и Судии сего растленного мира...»

Можно сказать, Кроули сам расставил себе ловушку, предположив, что среднестатистический читатель не уступает ему в эрудиции или способен с легкостью воспроизвести ход его мысли. Разумеется, он это была ошибка.

¹ «Ага» = АНА = $\aleph + \eta = 1 + 5 + 1 = 7$; имеется в виду 7-я сефира, Нецах.

Хронология событий, приведших к созданию поэмы «Ага!», представляет большой интерес. В 1887 году д-р Уильям Уэсткотт, Макгрегор Мазерс и д-р У.Р. Вудман основали в Лондоне оккультное общество под названием Герметический орден Золотой Зари, наследовавшее несколько масонским организациям. Сами основатели утверждали, что поддерживают связь и с розенкрейцерскими обществами континентальной Европы — по переписке с некой фрейлейн Анной Шпренгель (Сестрой S.D.A.). В итоге Орден оказал огромное влияние на развитие и распространение оккультизма. Наряду с представителями более скромных профессий в нем состояли врачи и священники, художники и поэты, в том числе такие известные деятели, как С.Л. Макгрегор Мазерс, Уильям Уинн Уэсткотт, У.Б. Йейтс, Артур Мейчен, А.Э. Уэйт, Флоренс Фарр и Дион Форчун.

Орден предпочитал действовать под непроницаемым покровом тайны. Его учение и методы находились под защитой строгих клятв, суливших ужасные кары за разглашение орденских секретов. И к этим клятвам относились с таким уважением, что на протяжении многих лет широкая публика действительно не имела понятия, что представляет собой Орден Золотой Зари и чем он занимается.

Кроули вступил в этот орден 18 ноября 1898 года. Он быстро продвигался по степеням и, что еще важнее, познакомился в Ордене с адептом, который стал его первым настоящим учителем, — Аланом Беннетом. Беннет был сведущ во всех нюансах каббалы и церемониальной магии — и оказался хорошим наставником: почти во всех последующих книгах Кроули заметны следы его влияния.

Затем вспыхнул мятеж, и Орден разделился на множество фракций. Алан Беннет уехал на Восток, перешел в буддийскую веру, стал бхикку (буддийским монахом) и принял новое имя — Ананда Меттея. Кроули тоже покинул Англию и отправился покорять мексиканские горы в компании Оскара Эккенштейна, одного из самых выдающихся альпинистов того времени. Вскоре они вознамерились взять приступом высочайшие пики Гималаев. Во главе экспедиции должен был встать Эккенштейн; соответственно, он вернулся в Англию, чтобы подготовить все необходимое для похода.

Кроули же направился в Гималаи, но до цели добрался не сразу: по пути он завернул на Цейлон, чтобы повидаться с Аланом Беннетом, и планы его изменились. Беннет и Кроули решили пройти углубленный курс йоги под руководством Шри Парананды, бывшего заместителя министра юстиции Цейлона. Погрузившись в йогические практики, Кроули вскоре достиг разновидности просветления, известной под названием «дхьяна».

Это состояние он впоследствии описал в поэме «Ага!»:

... Так и есть.

И точно так же собирает силы
Адепт, готовясь противостоять
Последнему свирепому отпору
Его врага, коварного рассудка;
Быть может, ты видал, как на арене
Борец могучий всем огромным весом,
Неумолимо, как сама Земля,
Соперника кладет на две лопатки?
Один великий миг — и всё, победа!
И так же здесь: мгновение — и тьма
Взрывается слепящим шаром света.
Исчезли тени; растворилось все
В горниле нестерпимого блаженства.
Исчезло бытие. Осталась суть.

Кроули, однако, был ходячим парадоксом. Другой на его месте воодушевился бы таким достижением и двинулся дальше, удвоив усилия. Но Кроули бросил йогу, снова занялся альпинизмом, попытался покорить одну из самых высоких гималайских вершин, потерпел неудачу и вернулся в Шотландию в очень дурном расположении духа.

Один из его друзей, художник Джеральд Келли (впоследствии возглавивший Королевскую академию), познакомил его со своей сестрой Розой. Та собиралась замуж за человека, которого совершенно не любила. Кроули стал отговаривать ее от неразумного замужества и, повинувшись внезапному порыву, предложил в женихи себя. Роза согласилась; Кроули увез ее из дому, и они стали мужем и женой.

Жизнь наполнилась для них восторженным эротизмом; они много путешествовали вместе и охотились на экзотических животных. В начале 1904 года, во время сафари на Цейлоне, Роза неожиданно поняла, что ждет ребенка. Кроули решил вернуться в Шотландию, но сначала посетить Каир — главным образом, чтобы переждать там раннюю весну, когда погода на Британских островах оставляет желать лучшего. К тому времени Кроули, по собственным его словам, забросил магию и йогу и вел обычную жизнь английского джентльмена и семьянина.

Но, несмотря на эту временную утрату интереса к оккультизму, в Каире с Кроули и Розой произошел ряд поистине удивительных событий. Чтобы развлечь жену, Кроули попытался вызвать сильфов, духов воздуха. У Розы, которая на момент знакомства с Кроули была довольно поверхностной светской женщиной, к этому времени самопроизвольно развились медиумические способности. Сильфов она не увидела, но зато вошла в некое странное состояние, подобное трансу, и сообщила Кроули: «Они ждут тебя!» Кроули был влюблен в свою жену, но не испытывал ни малейшего уважения ни к ее умственным способностям, ни к ее медиумическому дару. Кроме того, он был убежденным скептиком, а потому подверг ее целой серии испытаний и проверок.

Полный и подробный рассказ об этом поистине замечательном происшествии вы найдете в книге Кроули «Равноденствие богов»¹. Кроме того, я рассматриваю эти каирские события в своей биографической книге о Кроули, «Око в треугольнике». Углубляться в подробности здесь нет нужды. Достаточно будет сказать, что Кроули получил указание на протяжении трех дней подряд уединяться на один час в гостиной квартиры, которую они с Розой снимали в Каире. И за эти три часовых сеанса, 8-го, 9-го и 10-го апреля 1904 года, некий голос надиктовал ему текст, который получил название «Книга Закона», или «*Liber AL vel Legis*».

В этом тексте изложен целый ряд новых моральных, религиозных, мистических и философских принципов. С некоторыми из них Кроули уже был знаком и мог принять их

¹ В рус. пер. см.: Алистер Кроули. Равноденствие богов. Закон — для всех. М.: Ганга, Телема, 2010.

безоговорочно. В некоторых стихах «Книги Закона» подразумевалось учение Золотой Зари, ритуалы которой были объявлены устаревшими и неэффективными в наступающем Новом Эоне. А некоторые предписания оказались настолько революционными и вызвали у Кроули такое отвращение, что на весь этот необыкновенный паранормальный опыт он отреагировал по классической фрейдистской схеме: отправил рукопись на забитый хламом чердак своего дома в Болескине (Шотландия) и напроць о ней забыл.

Впрочем, вопрос о том, почему он отверг «Книгу Закона», не вполне ясен. Она ведь превозносит его до небес и называет пророком, несущим человечеству весть о начале Нового Эона. «Благословенье и слава пророку прекрасной Звезды»... Человека скромного такие беззастенчивые восхваления, скорее всего, смутили бы, а то и оскорбили. Однако Кроули никогда не страдал от излишней застенчивости, хотя и прекрасно осознавал все недостатки эгоцентрического мировоззрения, как о том свидетельствуют, например, следующие строки из поэмы «Ага!»:

Нет, прекрати бороться! Уничтожь
Саму частицу «я»: она — лишь стон
Израненного зверя!

...

И снова «я»! Пойми, оно — не Бог,
А грозный лев, засевший на дороге!

Но, тем не менее, поначалу он отказался от великой миссии, уготованной ему «Книгой Закона». Он не пожелал ее принять.

На протяжении следующих пяти лет он спокойно занимался своими делами — заботился о семье, публиковал поэтические сборники, участвовал во второй своей экспедиции в Гималаи и так далее, — как если бы никакого откровения в его жизни попросту не было. Но сверхчеловеческие силы, стоявшие за диктовкой «Книги Закона», мало-помалу преодолевали его упрямое сопротивление. Странные происшествия, на первый взгляд случайные, следовали друг за другом с такой ужасающей частотой, что в конце концов Кроули почти смирился с навязанной ему мантией пророка.

Однажды он поднялся на чердак, чтобы отыскать своему другу пару лыж,— и внезапно наткнулся на рукопись «Книги Закона». Это его потрясло. И, по-видимому, эта нежеланная находка стала последней соломинкой. Кроули решил. Он принял на себя обязанности, предписанные пророку в «Книге Закона». И одним из множества плодов этого решения оказалась поэма «Ага!».

В этой длинной поэме Кроули пытается связать воедино многие разрозненные нити своей жизни и утвердить как объединяющее их обстоятельство тот факт, что ему суждено было стать пророком, несущим великую весть. «Ага!» можно рассматривать как поэтическое изложение той позиции, которую он в конечном счете занял по отношению к «Книге Закона».

Очень подробно и исключительно красноречиво и мощно Кроули описывает в этой поэме мистический путь и все его разновидности, с которыми ему довелось познакомиться на практике. Один большой монолог, например, посвящен восьми ветвям йоги (и надо отметить, что многие авторы с удовольствием цитировали его, не давая себя труда указать источник). Этот отрывок начинается так:

Есть семь ключей от тех великих врат:
В едином — восемь, и один — в восьми.

Заканчивается он следующими строками:

...И на том
Тебя оставляю. Ты теперь Учитель.
Я чту твой свет, разлитый во вселенной,
О славный Брат Серебряной Звезды!

Встречаются в поэме и описания ранних этапов магической практики,— например, того метода, который в Золотой Заре был известен как «созерцание духовным зрением» и который при должном усердии может привести практикующего к высоким мистическим состояниям:

...Поначалу
Бесчисленные образы плодятся

В очищенном уме: толпа богов,
Огни цветные, странные пейзажи,
И воинства, и ангельские сонмы —
Раскаты Света, явленные взору.
Но это все — мечты, пустые грезы,
И в них ты не найдешь успокоенья.
Лишь три из них, о коих я поведал,—
Перун, луна и солнце — приближают
Адепта к Залу Истины; а, впрочем,
У них есть братья, что приходят с ними:
Одно, Лев Света,— как горящий факел,
Пылающий рубином и смарагдом,
В деснице Толкователя Мистерий;
Второе — Чаша, до краев полна
Сиянием блаженной крови Бога.
О, песнопенье звезд! О, это пламя,
Что холоднее миллиона лун!
О, девственные воды! Перед вами
Само вино любви бледно и серо!
И третье — Ветер, меч, кружащий вихрем:
Свирепая воздушная стихия
Вне времени и места — о мой Бог,
О Бог мой, и поныне зрю Тебя
В ее движенье вечном! Сверх того,
Есть Диск, подобный черному алмазу, —
Гончарный и точильный круг миров,
Трепещущий несметными крылами.

В поэме можно найти описания и многих других мистических состояний, не знающие себе равных в истории религиозной литературы. Особенно впечатляет рассказ о том поразительном происшествии, которое случилось с Кроули в 1906 или 1907 году во время путешествия по южной части Китая (неподалеку от границы современного Вьетнама). Рассказ этот вполне сопоставим со стихотворным переводом «Бхагавад-гиты» сэра Эдвина Арнольда, известным под названием «Песнь небесная». Сравнивая эти два текста, можно убедиться, что Кроули не отстает от Арнольда и его первоисточника ни на волос:

Марсий:

О нет, о нем — нельзя! Из всех цветов
В полях Господних сей неименуем:
На нем лежит печать великой тайны,
Вселенский ключ, замкнувший нам уста.
Но знай, что эти образы дают
Намек — неуловимый, неотвязный —
На то, что где-то кроется за ними
Творец, что больше всех Своих творений.

...

Смотри! Смотри! Господь Любви и Света
Восходит над душою, как заря!
Великий Бог Могущества и Власти!
Превыше чувства, разума и зренья
Огнем пылает взор Его палящий;
Бесформен Он и соткан из пламен;
И этой сетью огненной уловлен,
Адепт падет недвижим, умерщвлен,
И на устах его застынет Имя!
Душа его сгорает в том огне;
Одна лишь капля из небесной чаши —
Безбрежный океан, что поглощает
Любую жизнь и самое бессмертье.
Но из золы восстанет, словно феникс,
Его иное, истинное Я!
О прочем не скажу — ослепла память,
И речь крошится, словно мел под камнем.
Одна лишь мысль, огнем закалена,
Выходит из горнила испытаний,
Как бесконечность, сгущенная в точку.
Она гласит, что Бог есть Человек.

Есть в этой поэме и описание так называемой Операции Абрамелина — хотя и краткое, но невообразимо прекрасное. Это знаменитое магическое затворничество первоначально было описано в «Книге Священной Магии Абрамелина-мага»,

много десятилетий тому назад переведенной с французского Макгрегором Мазерсом¹.

Автором этой книги считается некий Авраам, по собственным его словам получивший изложенное в ней учение от египетского мага Абрамелина. Несомненно, это лишь легенда, но историчность здесь не имеет никакого значения. Когда и кем бы ни была написана эта книга в действительности, она сыграла важнейшую роль в жизни некоторых адептов Золотой Зари и многих других оккультистов. Автор ее не предъявляет к оператору таких неисполнимых требований, какие можно встретить в некоторых фальшивых гримуарах, — добыть кровь летучей мыши, пойманной ровно в полночь, четвертое перо из левого крыла абсолютно черного петуха или сушеный глаз девственного василиска.

Хотя некоторые предписания «Книги Абрамелина» тоже непросты, за всеми ними стоят совершенно осмысленные причины. Задача их — отнюдь не в том, чтобы подвергнуть проверке мастерство оператора. Авраам и его учитель действительно ставят перед оператором некоторые предварительные условия, но по большей части их можно рассматривать просто как мудрые советы — напоминания о том, что при проведении столь величественного ритуала необходимо соблюдать порядочность и благоразумие.

Например, операцию следует проводить в таком доме, который позволяет принять все меры для защиты от посторонних вторжений и вмешательства. Это — основное условие; выполнив его, оператор просто затворяется в доме на шесть месяцев и посвящает всего себя сосредоточенному и пылкому устремлению к Познанию и Собеседованию со Священным Ангелом-Хранителем.

В первый раз Кроули приступил к этой операции еще в 1899 году. Но вскоре после того, как он начал подготовку, в Ордене Золотой Зари вспыхнул мятеж. Узнав об этом, Кроули немедленно прервал Операцию Абрамелина, обратился к Макгрегору Мазерсу и предложил ему любую помощь, в том числе финансовую, буде таковая потребуется. Этим поступком Кроули невольно разворошил настоящее осиное гнездо, и в результате

¹ В рус. пер. см.: Авраам из Вормса. Священная Магия Абрамелина. М.: Ганга, 2007.

на него посыпались обвинения, многие из которых на деле совершенно неоправданны.

После неудачной гималайской экспедиции 1902 года он вернулся в Англию в расстроенных чувствах. Здесь, как уже было сказано, он познакомился с Розой Келли и сочетался с ней браком. Но мысль об Операции Абрамелина его не покинула. За предыдущие три-четыре года он набрался опыта в магии и йоге и понял, что первая его попытка так или иначе была обречена на неудачу по причине недостаточной подготовленности. Однако новая жизнь настолько захватила и увлекла его, что ни на какие оккультные занятия времени уже не оставалось, да и интерес к ним временно угас.

Следующую серьезную попытку Кроули предпринял в 1906 году во время упоминавшегося выше путешествия по Южному Китаю. В этом походе его сопровождали жена, маленький ребенок и один верный слуга. Время от времени кто-то из них заболел; иногда возникали непредвиденные опасности. Но на протяжении нескольких месяцев, продвигаясь по пересеченной местности верхом на пони, этот странный и неустрашимый соискатель адептата с неослабным пылом и энтузиазмом продолжал исполнять сложную магическую церемонию. Поскольку обустроить материальный Храм у него сейчас не было возможности, Кроули воссоздал всю необходимую обстановку для Операции Абрамелина астрально, в воображении, — и в воображении же тщательно следовал указаниям, которые в стихотворной форме изложены в поэме «Ага!»:

И там, в полночный час, сзывая духов
Ударом колокольчика золотого,
Произноси такое заклинанье:
«О ангел, ангел мой, сойди ко мне!» —
А после лазуритовым жезлом
Черти перед собою Знак Искусства.
И, может статься, сквозь глухую тьму
К тебе и впрямь приблизится твой ангел...
... Влюбленному Возлюбленный ответит,
И в глупом пустословии моем
Не станет нужды.

Далее в поэме описываются результаты, к которым эта практика приводит искреннего и терпеливого соискателя:

О ангел мой! Тебя зову я ныне!
Склони ко мне чело во звездной славе,
Орлиными крылами осеня
Шатер любви, где мы сомкнем объятия!..
... О, Ты подобен Соколу Златому,
Проявленному в ликах несчислимых:
Весь небосклон, объятый пламенами, —
Твоих обличий дивное зеркало!
На ризы и венец Твой драгоценный
Кометами слетают звезды ночи;
Как птица ночи в лунном оперенье,
Колеблемом великими ветрами,
Весь свет небес влечешь Ты за собою —
И гаснет небо пред Твоим сияньем,
Вскипающим безудержной волною;
Ты шествуешь, облекшись в сферы мира! —
Таким Тебя познал я, о Любимый.
Твои уста прильнули поцелуем
К самой душе моей — и все исчезло
В безбрежном звездном вихре, уносящем
Меня от жизни прочь, за край вселенной.
Я таю искрой в сокровенном свете
Эона Твоего!..

Некоторые чарующие строки и выражения из этой части поэмы сопровождают меня на протяжении многих лет:

Пред Ним хамелеоновою чашей
Возляг — и изопьет Он твой нектар!

Эти строки наряду со стихами другой мистической поэмы в прозе, «Liber VII, или Книги лазурита», сорок лет тому назад подарили одно из первых подлинно мистических состояний на моем духовном пути.

И подобных чудесных строк — десятки и сотни. Соискатель, подготовленный собственной жизнью, опытом и теоретическими занятиями, найдет в ней катализаторы духовных

прорывов, которые сработают лично для него. Каждый должен отыскать собственную систему стимулов. И, смею вас заверить, в поэме «Aga!» таких стимулов предостаточно.

Еще один важнейший духовный опыт Кроули пережил через несколько месяцев после того, как обнаружил у себя на чердаке рукопись «Книги Закона» и принял свою судьбу. В 1909 году он отправился в путешествие по пустыне Сахара со своим учеником, Виктором Б. Нойбургом. На протяжении всего этого пешего похода Кроули ежедневно призывал один из Эфиров — высших сфер из енохианской магической системы, — а Нойбург записывал под диктовку его видения. Основы енохианской магии заложили в конце XVI века доктор Джон Ди (придворный астролог королевы Елизаветы) и сэр Эдвард Келли (алхимик, пользовавшийся зловещей репутацией). Впоследствии на основе их предварительных разработок была создана великолепная система, объединившая все элементы учения Золотой Зари.

Призвав ангела очередного Эфира, Кроули погружался в подобие транса и начинал диктовать Нойбургу все, что слышал и видел, а тот записывал его слова. Позднее эти записи были собраны в книгу под названием «Видение и Голос» — поистине необыкновенный мистический документ. Я упоминаю о нем здесь потому, что во многих из этих ежедневных инвокаций и апокалиптических видений снова и снова встречаются отсылки к «Книге Закона». Видения Эфиров подтвердили преданность Кроули назначенной ему миссии и помогли ему сосредоточить внимание на стоявшей перед ним задаче.

Одним из результатов этих видений в пустыне для Кроули стал переход через Бездну — одно из решающих событий всей его духовной жизни. Он стал Мастером Храма и принял новый магический девиз: «Vi Veri Universum Vivus Vici»¹, или V.V.V.V.V.

Переход через Бездну — отнюдь не такой «легкий и приятный» феномен, как уверяют нас многие дилетанты от мистицизма. Даже доктор К.Г. Юнг отмечает, что познание Бога может быть сопряжено с ужасом и страхом, которые будут преследовать человека до тех пор, пока он не отречется от своего

¹ «Силой Истины я победил Вселенную еще при жизни» (лат.).

это. Обычно при этом возникает ощущение, что разум трещит по швам и разваливается на части.

На протяжении всей истории мистики характеризовали этот опыт как распад, очищение или совершенное смирение души, предшествующее встрече с Богом и обретению космического сознания. Но нигде эта особая разновидность безумия не описана так красноречиво и ярко, как в поэме «Ага!»:

Я угодил в силки чернее ночи!
Как вырваться — не знаю, и боюсь,
Что эту муку не смягчат и годы.
О как темно, темно невыносимо!
Прочь, призраки бывшего, прочь с дороги!
Довольно и того, что я прошел.
Постиг я тайну тех чудесных звеньев
Что к мысли крепят мысль единой цепью
Сквозь тьму веков, сквозь толщу воплощений;
И свелся в точку замысел туманный
Всего, что мне дано как бытие.
Я понял тайну «я». И все, чем был я,
В тот миг я свел под выпуклым стеклом,
И жгучий луч сошел, и стало пеплом
Все, чем я был, — как в завершение песни,
Когда мелькнет и канет в небе тенью
Все, чем еще назначено мне стать.
На этом я отринул свой рассудок
(О, как напрасен он и как несносен!)

И только после описания этого великого Перехода Кроули приступает к изложению основных методов работы, а в заключение толкует Закон «Liber Legis»:

Да будут все дела твои согласны
С твоею волей! — вот закон единый,
Который я познал при Достиженье.

Это — центральный принцип откровения, полученного в 1904 году, откровения, которому Кроули так и или иначе посвятил всю свою оставшуюся жизнь.

Восстань и руку подними на Бога!
Восстань и положи конец запретам,
Поправ Ограниченье! Тот лишь грешен,
Кто дух священный свой томит в оковах!

Заключительная часть поэмы сводится к поэтическому пересказу трех глав этой невероятной Книги.

Поэма написана в форме диалога между наставником Марсием и его учеником Олимпом. Ее предназначение Кроули кратко описывает во вводной заметке, которая начинается со слов: «В час перед рассветом ученик приходит приветствовать своего Учителя и молит его о наставлении».

Замечу между прочим, что в 1932 году я написал книгу «Древо Жизни» и изложил в ней магическую систему Кроули, как я понимал ее на тот момент. И посвятил я эту книгу «Марсию — с горькой памятью о том, чего так и не случилось». За прошедшие с тех пор три или четыре десятилетия я не встретил ни одного человека, который правильно понял бы смысл этого посвящения. Между тем я подразумевал, что поэма «Ага!» — эта прекрасная поэтическая сага, эта одиссея духовного пути самого Алистера Кроули, — опубликованная в 3-м номере I тома журнала «Эквинокс», долгое время оставалась малоизвестна. Но, конечно, здесь отразились и мои сожаления о том, что Кроули так и не уделил должного внимания моему магическому обучению, которое обещал мне в 1928 году, когда я приехал к нему в Париж. Лишь много позже я понял, что в этот период он временно находился в состоянии духовного ступора и некоторого душевного разлада, вызванном перегрузками и напряженной работой в предыдущие годы.

В завершение повторю еще раз, что поэма «Ага!» велика. Многие строки ее — подлинные шедевры, которые решительно необходимо сохранить для потомства; и надеюсь, что этому потомству она покажется столь же вдохновенной и полной глубокой смысла, какой нахожу ее я.

22 августа 1969,
Студио-сити, Калифорния